

НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

2019 № 3

**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПАМЯТЬ НАРОДА**

**БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ
В ЭПОСЕ «МАСТОРАВА»**

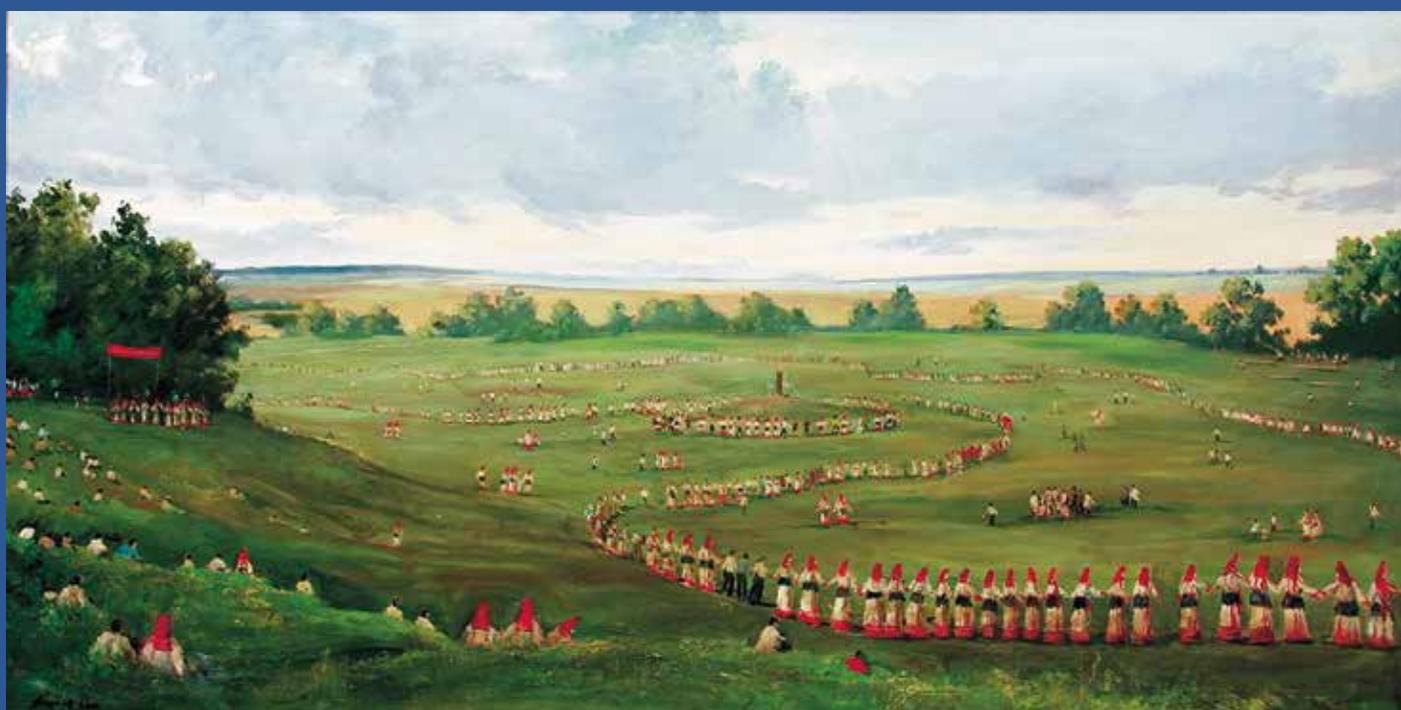
**В. А. ЮРЧЕНКОВ:
ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ**

**СТРАНИЦЫ МОРДОВСКОЙ
ИСТОРИИ А. А. ШАХМАТОВА**

Журнал «Центр и периферия» № 3 2019 г.

А. Н. Баргов. Утро.
Триптих «Мордовский
праздник». 2000 г.

А. Н. Баргов. Полдень.
Триптих «Мордовский
праздник». 2000 г.

На первой и четвертой сторонах обложки —
А. Н. Баргов. Вечер. Триптих «Мордовский праздник». 2000 г.

*Выходит при поддержке
Регионального отделения
Общероссийской
общественно-государственной
организации «Российское
военно-историческое общество»
в Республике Мордовия*

*Журнал включен в базу
НЭБ «LIBRARY.RU
и проект РИНЦ
(сублицензионный договор
№ 156-03/2013 от 27 марта 2013 г.)*

*Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-54370
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
29 мая 2013 г.*

*Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубли-
кованы основные научные резуль-
таты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук по научным специ-
альностям: 07.00.00 — Истори-
ческие науки и археология;
24.00.00 — Культурология*

Научно-публицистический журнал
Института российской истории
Российской академии наук
и Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
«Центр и периферия»
№ 3, 2019

Р е д к о л л е г и я:

главный редактор —

Г. А. Куршева, доктор исторических наук, профессор
заместитель главного редактора —

А. В. Чернов, кандидат филологических наук, доцент
ответственный секретарь —

Т. А. Чужайкина, кандидат культурологии

Е. Н. Бикейкин, доктор исторических наук, доцент (Саранск)

В. И. Вихляев, доктор исторических наук, профессор (Саранск)

Н. И. Воронина, доктор философских наук, профессор (Саранск)

В. С. Григорьев, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)

Т. М. Гусева, доктор исторических наук (Саранск)

А. Е. Загребин, доктор исторических наук, доцент (Ижевск)

Ю. А. Зеленева, доктор исторических наук, доцент (Йошкар-Ола)

И. В. Зубов, кандидат философских наук, доцент (Саранск)

П. С. Кабытов, доктор исторических наук, профессор (Самара)

В. В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор (Пенза)

А. А. Кузнецов, доктор исторических наук, доцент (Нижний Новгород)

И. В. Лаптева, доктор философских наук, доцент (Саранск)

Е. К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)

Л. И. Никонова, доктор исторических наук, профессор (Саранск)

А. С. Сенявский, доктор исторических наук (Москва)

В. В. Ставицкий, доктор исторических наук, доцент (Пенза)

Р. Н. Сулейманова, доктор исторических наук, доцент (Уфа)

Л. А. Таймасов, доктор исторических наук, профессор (Чебоксары)

А. Б. Танасейчук, доктор культурологии, доцент (Саранск)

А. Ю. Тихонова, доктор культурологии, доцент (Ульяновск)

Н. В. Тищенко, доктор культурологии, доцент (Саратов)

А. Ю. Яковлева, кандидат искусствоведения (Казань)

Адрес издателя: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Адрес редакции: НИИ гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3

Подписано в печать 10.09.2019 г. Дата выхода в свет 30.09.2019 г.
Формат 60x90 1/8. Тираж 300 экз. Заказ № 1212
Адрес типографии: ООО «РТ Красный Октябрь».
430030 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Центр и периферия», допускается только
по согласованию с редакцией

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

И. В. Бахлов, О. В. Бахлова

Формирование территориальной системы СССР: инверсия имперского опыта

4

Н. И. Изергина

Укрепление гражданского и духовного единства российской нации в свете органической концепции истории России

7

И. В. Лаптева, Е. Д. Пахмутова

Многоязычие как залог успешного взаимодействия культур в глобальном мире

12

Г. А. Куршева

Историческая память как основа сохранения культурного кода мордовского (мокшанского и эрзянского) народа

17

Н. В. Бутылов, Г. С. Иванова, Л. Н. Щанкина

К вопросу соматического кода культуры (На материале немецкого, мордовских и русского языков)

22

ИЗМЕНЯЯ ИМПЕРСКИЕ ЛАНДШАФТЫ

Д. А. Сысуев

История прихода Трехсвятской церкви г. Саранска
К генеалогии саранского духовенства

26

О. В. Кочукова, С. А. Кочуков

Визуальные образы героев Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. в эстампах «Сборника военных рассказов...»

34

И. Д. Карпова, И. А. Сухарева

Благотворительная деятельность династии Романовых в становлении здравоохранения в Таврической губернии Российской империи

44

СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В. И. Лаптун

«Менялись директора — менялось отношение...»
К вопросу взаимоотношений М. М. Бахтина с руководителями мордовских вузов
Часть 2: 1945 — 1950 гг.

50

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МИР

А. М. Каторова

Проблемы сохранения этнокультурной идентичности мордовского народа в контексте формирования единого культурного кода России

58

Т. В. Юстус

Мордовский культурный центр Чувашской Республики
Сохранение национальной идентичности мордвы, воспитание гражданского патриотизма

63

Е. В. Мочалов

Библейские мотивы в эпосе «Масторава»

70

ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

В. П. Миничкина, П. Д. Миничкин
 Этнофутуризм в изобразительном искусстве
 этноса как отражение миропонимания

90

В. И. Антонова, С. А. Ржанова
 Эрзя об Эрзе
 О великом сыне мордовского народа

97

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ МИР

А. В. Рябов

Сакрально-магическая значимость дерева
 в этнокультуре мордовского народа

75

Н. М. Фролова

Технологии реализации имиджа в языке газеты
*На примере города Саранска в свете
 актуальных спортивных событий*

79

**А. А. Ямашкин, О. А. Зарубин,
 С. А. Ямашкин**

Историко-географический анализ
 селитебного освоения ландшафтов Мордовии

84

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

П. С. Кабытов

Памяти Валерия Анатольевича
 Юрчёнкова

101

**Е. Н. Бикейкин, Т. А. Чужайкина,
 Н. Н. Зоркова, С. А. Ивлиев**

Валерий Анатольевич Юрчёнков —
 ученый и организатор науки

110

А. Н. Келина

Страницы мордовской истории

А. А. Шахматова

К 155-летию выдающегося академика

117

Сведения об авторах, ключевые слова
 и аннотации к статьям

121

УДК 94:323(47+57)

Игорь Владимирович Бахлов,
Ольга Владимировна Бахлова

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СССР: ИНВЕРСИЯ ИМПЕРСКОГО ОПЫТА*

С геополитической точки зрения, пространство, которое занимал Советский Союз, во многом было тождественно пространству бывшей Российской империи. Даже территории, входившие в империю, но не инкорпорированные непосредственно в СССР, в значительной степени к нему примыкали, поскольку так или иначе были включены в систему разнообразных союзов и соглашений (Польша, Финляндия). На некоторых направлениях СССР удалось продвинуться существенно дальше, чем Российской империи, а именно: добиться перехода в собственную сферу влияния Центральной и Восточной Европы, Монголии и — в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны — рассчитывать на установление контроля в отношении Китая; выстроить мировую систему социализма — своего рода имперскую полупериферию, выступив в качестве претендента на статус мировой империи. Вместе с тем, несмотря на существенные совпадения в территориальном плане, процесс и функ-

ционирование реконструируемого имперского комплекса отличались от прошлой эпохи. В Российской империи к сложившемуся ядру территории присоединялись в ходе естественной колонизации или военно-политической экспансии (захваты по итогам вооруженных конфликтов, учреждение протекторатов и пр.). В Советском Союзе прежние национальные окраины объединялись вокруг властного центра. Процесс объединения базировался на нескольких методах.

Во-первых, это установление формально равноправных договорных отношений в рамках построения советской федерации. Метод практиковался в большинстве случаев в отношении независимых советских республик (Украины, Белоруссии, республик Закавказья), иногда — предполагаемых автономных образований (примером может служить Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика как часть РСФСР). Следует подчеркнуть, что в царский период соглашения, которые заключались правитель-

ством, скажем, с племенами Великой Степи, носили явно асимметричный характер. Договоры же, дополнявшие в области федеративного строительства правовую основу политико-территориальной системы РСФСР и СССР, исходили из признания равноправия сторон и имели государственно-правовой характер, фиксируя объединение территорий в пределах общего государства. С другой стороны, договорные отношения подразумевали также и присоединение территории к создаваемой федерации без обретения ею специального статуса (как это случилось с Дальневосточной республикой в 1922 г.). Здесь можно говорить о национально-государственном компоненте, учитывая идентификацию таких территорий с русскими / русскоязычными землями.

Во-вторых, ряду территорий предоставлялась автономия с последующим повышением статуса до союзной республики. Так в 1924 г. были созданы Узбекская и Туркменская союзные республики (на базе Тур-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи», № 18-011-00364 А

кестанской АССР). В 1936 г. был изменен статус Казахской и Киргизской АССР — до статуса союзных республик. Условия предоставления статуса союзной республики были сформулированы еще на Чрезвычайном VIII съезде Советов СССР в 1936 г. и включали следующее: наличие населения не менее 1 млн чел.; компактное средоточение большинства нации, давшей имя республике; окраинное положение республики. Советские ученые позже дополнили данный перечень ссылками на «конкретно-исторические условия, вызывающие необходимость и целесообразность такого преобразования в интересах обеспечения свободного развития народа и успешного выполнения задач коммунистического строительства»¹. Рассматриваемый метод изначально содержал в себе существенные противоречия, так как закрепление или изменение статуса территории происходило по воле властного центра. Соответственно, на практике те или иные соображения, в том числе диктуемые геополитической целесообразностью, приводили центр к негативным для определенных территорий решениям по поводу их статуса (что выразилось, например, в преобразовании в 1956 г. Карело-Финской ССР в Карельскую АССР).

Применялось и более жесткое воздействие, вплоть до ликвидации национальной государственности, что было следствием репрессивных действий по депортации некоторых народов. В этой плоскости можно указать на ликвидацию в августе 1941 г. автономной Республики немцев Поволжья, упразднение в октябре 1943 г. Карачаевской автономной области, в декабре 1943 г. — Калмыцкой АССР, в марте 1944 г. — Чечено-Ингушской АССР и некоторых других. Национальная государственность многих из репрессированных народов была восстановлена в период 1957 — 1964 гг. (более полные меры по реабилита-

ции были реализованы в 1991 г. и в 2014 — 2015 гг.)².

В целом, несмотря на приведенные негативные примеры, на государственно-правовом уровне практика предоставления автономий в Советском Союзе была гораздо обширнее, чем в Российской империи, где автономия с политико-правовой точки зрения являлась весьма и весьма ограниченной, кратковременной и спорадической. В этом смысле опыт СССР был в большей степени позитивным.

В-третьих, осуществлялись разграничение сфер влияния и разделение буферных государств. Двусторонние соглашения предусматривали передачу отдельных территорий или признание преимущественных интересов СССР в той или иной пространственной зоне (советско-германские договоры августа и сентября 1939 г.)³. Российская империя тоже имела подобную практику, как и другие великие державы (Австро-Венгрия, Великобритания, Пруссия и др. — разделы Речи Посполитой в 1772 — 1795 гг.; соглашения, положенные в основу

Антанты 1904 и 1907 гг. в отношении Египта, Марокко, Ирана и пр.). Стоит особо отметить, что все возвращенные СССР в 1939 — 1940 гг. территории, входившие ранее в состав Российской империи, либо сохранили государственность (в форме союзных республик — Латвия, Литва, Эстония, Молдавия), либо были присоединены к однотипным по этническому признаку образованиям (Белоруссия, Украина).

В-четвертых, территориальное расширение происходило благодаря военным победам. Как одна из стран-победительниц во Второй мировой войне СССР смог добиться присоединения области Петсамо (Печенга), Восточной Пруссии, Южного Сахалина и Курильских островов, принадлежавших участникам агрессивного блока⁴. В определенной степени это был уже выход за границы Российской империи. Наряду с обретением стратегических преимуществ в результате такого расширения СССР и позже — Российская Федерация — получили и некоторые сложности (торможение процесса заклю-

Плакат «Слава Союзу Советских Социалистических республик!». Художник В. Викторов. 1954 г.

чения мирного договора с Японией, анклавность Калининградской области и пр.).

Таким образом, Советскому Союзу после завершения Второй мировой войны удалось восстановить территориальный комплекс Российской империи. Разумеется, он был построен на других основаниях, в том числе идеологических, а также отличных статусно-ролевых характеристиках прежних имперских окраин, ином понимании периферии. Обобщая, в рамках данного процесса можно выделить несколько этапов.

Первый этап (1918 — 1922 гг.) характеризуется восстановлением имперского ядра и попытками налаживания связей с государственными образованиями, возникшими на руинах Российской империи. Оформление ядра воплотилось в создании сложного государства с автономными включениями, образованными по национально-территориальному принципу. Показательно, что первые автономные республики в составе РСФСР (Терская, Донская и пр.) имели аналоги в историческом прошлом, которые соответствовали территориальным единицам в пределах Российской империи. Были установлены контакты с другими советскими или народными республиками на пространстве бывшей империи (с Туркестаном, Дальневосточной Республикой и др.).

В рамках второго этапа (декабрь 1922 — 1934 гг.) имперское ядро «прирастало» периферией, представленной самостоятельными союзными государствами. Одновременно наблюдалось подобие дезинтеграции ядра посредством автономизации некоторой части территории РСФСР (складывание «полупериферии») и отторжения отдельных участков территории РСФСР. Последнее осуществлялось несколькими путями: посредством передачи территорий другой союзной республике (так, в марте 1924 г. Белорусской ССР были

переданы 8 уездов Витебской губернии полностью, 6 уездов Гомельской губернии — полностью и один уезд той же губернии — частично (несколько волостей), один уезд Смоленской губернии — полностью и один уезд той же губернии — частично (несколько волостей)⁵; посредством повышения статуса автономных республик, входивших в состав РСФСР (например, среднеазиатских в 1924 г.)⁶. Сходный характер имела передача в апреле 1954 г. Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, однако в этом случае были нарушены необходимые правовые процедуры и возобладала не геополитическая стратегическая целесообразность, а волюнтаристская мотивация.

Третий этап (1934 — 1945 гг.) связан в целом с завершением оформления территориального комплекса советской квазиимперии. Произошла стабилизация ядра. Исследователи обращают внимание на реанимацию в это время определенных имперских традиций: возрождение унификации национальной политики⁷, организацию обширной переселенческой колонизации⁸ и др. Утвердились формы зависимости периферии от центра, была закреплена их иерархия.

Обобщающий итог исследуемого процесса — складывание определен-

ной структуры имперского комплекса. Ее главные элементы: имперское ядро с интегрированной полупериферией и «внутренней периферией» (союзные республики), а также «внешняя периферия» — зависимые от СССР страны, напрямую не входившие в состав Союза, но включенные тем или иным образом в разветвленную систему договоров, соглашений и организаций. Образование «внешней периферии», начавшееся с установления контроля над Монголией в 1921 г., можно рассматривать как значимый индикатор перехода СССР к статусу «мировой империи». Имперский опыт Российской империи был переосмыслен Советским Союзом в соответствии с новыми реалиями, вызовами, возможностями и потребностями. Инверсия выразилась прежде всего в расширении пространственных масштабов имперского влияния и геополитического контроля, повышении степени их институционализации и модификации идеологического обоснования с явным мессианским подтекстом — не цивилизаторским, как в поздней Российской империи, а с социально-классовым, с акцентом на стремлении к социальному и национальному освобождению угнетенных и эксплуатируемых народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- 1 Халилов Л. М. РСФСР — социалистическое федеративное государство. Казань, 1967. С. 66 — 68, 72 — 73.
- 2 См.: Карапетян Л. М. Федеративное устройство Российского государства. М., 2001. С. 53 ; О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития : Указ Президента Рос. Федерации от 21 апр. 2014 г. № 268 [с изм. и доп.] [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70641266/> (дата обращения: 24.10.2018).
- 3 См.: Накануне, 1931 — 1939. Как мир был ввергнут в войну : Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991. С. 225 — 227.
- 4 См.: Карапетян Л. М. Указ. соч.
- 5 См.: Конституции и конституционные акты Союза ССР (1922 — 1936). М., 1940. С. 49 — 50.
- 6 Там же. С. 58.
- 7 См.: Капелер А. Россия — многонациональная империя : Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 278 — 281.
- 8 См.: Вишневикий А. Г. Серп и рубль : Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. 430 с.

УДК 130.2:94

Нина Ивановна Изергина

УКРЕПЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В СВЕТЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ*

Укрепление гражданского и духовного единства российской нации является стержневой проблемой общественного и государственного развития России в современных условиях многочисленных внутренних и внешних вызовов. Они связаны в том числе со становлением новой постиндустриальной, информационной эпохи, эпохи массового потребления.

Засилье продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, попытки пересмотра взглядов на историю России, ее роль и место в мировой истории, усиление глобально-информационного противоборства, развитие националистических настроений, ксенофобии, экстремизма, незаконная миграция отрицательно влияют на состояние национальной безопасности Российской Федерации¹. «Во многих отношениях современный капитализм целенаправленно разрушает свою же прежнюю, ориентированную на производство культуру в пользу культуры потребительской»², — пишет Л. Г. Фишман.

Анализируя новейшие тенденции в развитии современных обществ,

некоторые исследователи высказывают предположение, что «капитализм как историческое явление переживает кризис кризисов...», а альтернативой ему, вероятнее всего, будет рентное общество, в котором углубится социальное неравенство. Иначе говоря, «угасание рыночного капитализма задает контуры конфликтного, неэгалитарного и опасного будущего»³. Именно поэтому массовое общество «боится будущего», так как боится «утраты благополучного настоящего»⁴. Массовое общество — «это ценностно плоский мир», «это мир, распадающийся на частности»⁵. Ответом на этот вызов современности должна быть гармоничная целостность мира, порожденная «синтезом идей иудео-христианского монотеизма (единства мира и его замысла) и рациональности (доступности познания человеком этого замысла)»⁶.

Справедливость данного ответа подтверждает «генеральный тренд исторического процесса — движение

от индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества», императивом которого является «технологическое и антропологическое продвижение», «смещение прогресса с сугубо научно-технического вектора *via* информационная волна на социоантропологический»⁷. Это означает, что главные перемены сегодня зависят, в первую очередь, от человеческих и культурных факторов. А. И. Неклеса указывает на разворачивающуюся сегодня «революцию элит, пришествие личностного общества», в котором начинает доминировать «человек-предприятие» типа Илона Маска, Билла Гейтса, Марка Цукерберга и им подобных, а также на «мир как незавершенный проект», где «движение замещает пространственную организацию»⁸.

Быстро меняющийся, неравномерный мир чрезвычайно актуализирует проблему правильно выбранного направления движения, так как для победы в исторической конку-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Пространственное развитие России как фактор нациестроительства и формирования национальной идеи», № 18-011-00364 А.

ренции важна не просто скорость, но именно верное направление движения. Состояние переходности всегда обостряет интерес к прошлому с тем, чтобы лучше понять настоящее и на этом понимании определить образ желаемого будущего как верный курс движения. Коммеморация, то есть «процесс отбора того, что надлежит вспоминать, и что — предавать забвению» определяется с точки зрения важности исторического события для настоящего и связанных с ним эмоций «как повода для торжества и/или коллективной скорби»⁹. Позиция властвующей элиты в данном процессе сформулирована В. В. Путиным в связи с подготовкой и проведением юбилейных мероприятий столетия революции 1917 года: «Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь»¹⁰. Практическое воплощение такой позиции предполагает выработку адекватных методологических подходов к истории России и ее современному переходному этапу.

В этой связи представляется злободневным органический подход к истории России, который развивается в рамках отечественной религиозно-философской интеллектуальной традиции. Его сторонники рассматривают Россию как «живую духовную систему со своими историческими дарами и заданиями», за которой стоит некий Божественный исторический замысел», от которого нельзя отказаться, даже если захотеть¹¹. Не можем отказаться от него мы и сегодня в условиях новых реалий, остро ставящих вопросы обновления России при сохранении ее устойчивости и культурной специфики, формирования новой российской идентичности. Божественный исторический замысел в отношении России И. А. Ильин, один из самых ярких представителей органического пони-

И. А. Ильин

мания истории, раскрывает в сформулированной им русской идее: «осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности»¹². Самобытность русской души и русской культуры, сложившейся под влиянием православия, он видел в определяющей роли в ней сил сердца, созерцания, свободы и совести по отношению к силам воли, мысли, формы и организации. Исходя из этого, задача русского национализма для постсоветской России определена как нахождение «нового синтеза между Православным Христианством... и светской цивилизацией и культурой»¹³.

Важным положением органической концепции истории является признание связи национальной культуры народа с мировой культурой, влияния на нее других культур при условии, что чужое влияние подчиняется «творческой мере в духовном общении и взаимодействии народов», не размывая национального своеобразия. Принцип творческой меры в духовном общении народов имеет особенное значение в условиях современной глобализации, обостряющей вопрос сохранения национальной

идентичности. Народ рискует уйти с исторической сцены, утратив свою самобытность, в случае чрезмерного заимствования чужой культуры. При этом в органическом подходе к истории акцентируется принципиальная идея возникновения культурного своеобразия не из заимствования чужого, а из «самостоятельного восприятия природы, людей и Бога»¹⁴.

В системе понятий и положений органической концепции истории важное место занимают понятия «нация», «национализм» и «патриотизм». Данные понятия как духовные категории взаимосвязаны: нация — это духовно своеобразный народ, а патриотизм — это любовь к духу народа и к земным условиям его жизни, к его духовным достижениям, которые, становясь частью общечеловеческих достояний, показывают истинное единство человеческого рода, человеческой истории; национализм — любовь к своему, но одновременно значимому для всех народов. Органичность взгляда на национализм и патриотизм включает справедливую, созидательную критику политических, культурных, исторических, экономических ошибок, недостатков, поражений, неудач своего народа, чтобы избежать «болезненного националистического самомнения» и иметь «мужество и волю к преодолению своих слабостей». И. А. Ильин подчеркивает: «Так критикуют свое, любимое, — не отрываясь от него, но пребывая в слиянии и отождествлении с ним, говоря о „нас“, для „нас“, из крепкого и единого национального „мы“...»¹⁵. Методологически значима идея о праве народа вести национально-духовную жизнь как «неотъемлемом естественном праве» и одновременно как «исторической, общечеловеческой и ...религиозной» обязанности. Только на пути права Россия может и должна быть «единой, духовно великой нацией»¹⁶.

Согласно органической модели истории, отвергающей денационализацию человека и народа, в процессе

многовекового естественно-исторического развития в России возникло «единообразие в различии». Причем «единообразие» представляет собой концентрацию всех лучших характеристик, свойственных российским народам, совместно проживающим на ее территории. В этом контексте методологическое значение имеет положение о синтезе гражданского и этнонационального сознания россиян, сформулированное И. А. Ильиным следующим образом: «Я русский и притом калмык»¹⁷. Жизнеспособность указанного положения подтверждают результаты многочисленных социологических исследований последних лет. Так, согласно исследованию Института социологии, в 2016 г. 88 % опрошенных согласились с тем, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации», и ответы русских и представителей других национальностей, людей разного возраста и достатка практически совпали. Россияне, которые идентифицируют себя как граждане России, в большей степени отличаются такими чувствами, как любовь, гордость и уважение к России (75 % против 55 % не ощущающих такую связь); более открыты для взаимодействия с иными национальностями (83 % из них полагают, что «государство должно поддерживать культуру всех народов страны» — среди не ощущающих связь с гражданами России таковых 75 %); чаще присоединяются к мнению, что «Россия — общий дом для всех народов» (различие в 8 %) ¹⁸. Приведенные данные свидетельствуют об эффективности укрепления российской нации на базе соединения гражданской и этнонациональной составляющих.

В обеспечении такого взаимовыгодного симбиоза важную роль призвана играть новая система национального духовного воспитания, без которой, согласно органической концепции истории, невозможно постро-

ить новую Россию в постсоветский период. Новизна состоит в нацеленности на воспитание свободной личности с достойным характером и предметной волей, настоящего гражданина, способного строить новую Россию на основе творчески обновленных вековых традиций русского народа и русского государства¹⁹.

Роль традиций как коллективной памяти народа трудно переоценить в механизме социального наследования культурно-национальной идентификации и самоидентификации, ибо уничтожение основополагающих традиций народа и способов их передачи ведет к гибели общественного организма. Закономерно, что сторонники органического взгляда на историю большое внимание уделяют теме национальных традиций. В русской истории и культуре в качестве духовно-определяющей традиции они выделяют традицию православия с ее ценностями свободы веры (и своей, и чужой), любви, сердечности, совести, искренности, духовной свободы, патриотизма. Любовь и вера провозглашаются как главная мотивация деятельностного поведения русского человека. Поскольку Русское государство вместе с Церковью отстаивали православные ценности, постольку постепенно в политическом сознании россиян возникло убеждение в его роли как главного защитника православной культуры и самого существования всех российских народов и их права на свою веру. С этой ролью государства органически связано чувство патриотизма российских народов²⁰. Вот как эту связь раскрывает Иван Ильин: «Неправославный может быть верным русским патриотом и доблестным русским гражданином; но человек враждебный Православию, — не найдет доступа к священным тайникам русского духа и русского миропонимания, он останется чужеродным в стране, своего рода внутренним „не-приятелем“»²¹. У мыслителя В. С. Соловьева ука-

занная связь проявляется в понятии «христианское государство», отличающемся рядом особенностей: господство во имя общего блага; добровольное подчинение ради общего дела, которому одинаково служат повелитель и подданные; права, вытекающие из нравственной сущности человека как богоподобного существа; закон для исправления реальных отношений по идеям высшей правды²². Кстати, и в настоящее время уже упоминавшееся исследование Института социологии выявило в качестве одного из основных интеграторов устойчивой гражданской составляющей российской идентичности именно «общее государство»²³, что свидетельствует о сохраняющейся в политической культуре россиян традиционной ценности ведущей роли государства в регулировании разных сторон жизни, в том числе социальной. Согласно органической методологии, «вести жизнь к социальности» составляет «русскую государственную традицию», имеющую религиозные истоки: социальность как любовь к ближнему основана на любви к Богу. Поэтому социальность есть «порядок духовной жизни», предполагающий «живую справедливость и живое братство людей», которые осуществимы на путях правовой свободы, свободы убеждений, веры, инициативы и творчества человека²⁴.

Неотъемлемым элементом органического понимания исторического развития России является осмысление ее положения в мире и отношения к ней Запада, что получило название «особого пути» развития. Пророчески точно, исходя из анализа глубинных оснований истории России в контексте с общемировым развитием, данную проблему раскрывает Иван Ильин. По его определению, Россия — это «государственное и стратегическое единство, доказавшее всему миру свою волю и свою способность к самообороне... сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира

и равновесия», которое западные народы хотят «расчленив» и «погубить», проведя Россию «через западное уравнение и развязание», то есть, навязав западные ценности, западный образ жизни, западную политическую форму²⁵. Они хотят уничтожения самобытной культуры России, которой не понимают и которую не терпят, и контроля над ее природными ресурсами. О том, что это действительно так, говорит та роль «мировой бензоколонки» в новом формирующемся мироустройстве, которую современный объединенный Запад пытается нам навязать. Ясно, что для осуществления функции ее обслуживания «духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями — духовным взаимопитанием» совсем не нужно²⁶. А нужно всего лишь население численностью до 15 млн (М. Тэтчер озвучила этот план еще в 1985 г.).

В этой связи нет ничего неожиданного в факте возросшего в течение 15 лет XXI столетия отчуждения постсоветской России от западноевропейской цивилизации (в 2016 г. 40 % россиян считали Россию частью Европы, а 60 % — особой евразийской цивилизацией, в 2002 г. — 55 и 45 % соответственно)²⁷.

Как изменится мир с расчленением России? Прогноз И. А. Ильина, основанный на органическом подходе, понимании России в качестве «живого, исторически выросшего и культурно оправдавшегося организма, не подлежащего произвольному расчленению», подтверждаемый современными событиями, таков. Прежде всего, на территории расчлененной России во вновь возникших государствах, обремененных многими проблемами — спорными территориями, спорным составом населения, отсутствием авторитетных правительств, армий и др. — будут постоянные столкновения и гражданские войны, перерастающие в мировые столкно-

вения. Это перерастание будет обусловлено финансовым, торговым, стратегическим соперничеством держав всего мира в государствах постсоветского пространства. Кроме этого, прямое или скрытое «аннексирование» будут проводить Германия в отношении Украины и Прибалтики, Англия — Кавказа и Средней Азии, Япония — дальневосточных берегов и т. д. Займы этим государствам будут даваться под гарантии «демократического», «торгово-промышленного», «военного» характера; через определенное время они превратятся в сателлитов соседних держав, иностранные колонии или «протектораты»; предпочтут «иноземное рабство все-русскому единению». В таком направлении идет сегодня Украина, стараясь окончательно превратить себя в «Антироссию» и вступить в ЕС и НАТО.

Прогноз последствий расчленения России включает понятие «предела» данного процесса, обусловленного «реальными интересами России и всего человечества». Для всего человечества «неприемлемые опасности» вытекают из того, что все участвующие в дележе России «перессорятся», что «на десятки лет» выведет из равновесия мировую экономику. Примером подобного развития событий в настоящее время являются имеющиеся экономические противоречия, например, по «Северному потоку — 2» между США и ЕС, в котором главная роль принадлежит Германии. Расчленение России укрепляет прежде всего Германию, а «самостийная Украина» может быть «трамплином» к ее «мировому водительству», считал И. А. Ильин²⁸. Возможно, поэтому Германия предпочитает не замечать проявлений нацизма на Украине. Интерес России как разделенного живого организма — «начать воспроизведение хода своей истории заново» (возвращение Крыма может считаться началом этого воспроизведения). При этом наша

забота сегодня, как и на протяжении всей истории, «не о том, как... легче прожить; но лишь о том, чтобы вообще как-нибудь прожить... не как справедливость и счастье добыть, а как врага или несчастье изжить... и не развязать всеобщую губительную смуту...»²⁹.

Наша история — это «живая трагедия жертвы... и вся жизнь нашего народа... самоотверженное служение», часто спасавшее другие народы, потом говорившие о нас, как о «некультурном народе» или «низшей расе»³⁰. Наша история научила нас «возрождаться из пепла... и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета»³¹. Совершенно аналогичное объяснение тому, что «в будущее страны россияне верят с заметно большим оптимизмом, нежели в собственное будущее», дано в рамках исследования Института социологии 2016 г.: «то, что российская цивилизация способна преодолеть самые тяжелые препятствия, убеждает... многовековая история»³².

Для того чтобы на сегодняшнем витке нашей истории выжить и обеспечить условия для расцвета нашей национальной духовной культуры, нам необходимо живое единство духовной свободы и дисциплины, таланта и труда, церкви и государства, веры и знания. Следуя органической парадигме, во главу угла необходимо поставить духовный, религиозный и нравственный факторы истории, потому что «Россия... есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании»³³. Определенный оптимизм в правильности этого утверждения дает то, что «носителем державного понимания общества и державной версии патриотизма является подавляющая часть российского населения», а это связано с чувством «общности друг с другом как представителями единого целого, в основе существования которого — общность взглядов на основополагающие

жизненные нормы и ценности»³⁴. Именно за счет понимания стоящих перед обществом задач «формирование гражданской общности в ближайшей перспективе скорее может идти путем осознанного участия граждан, а не только усилий институтов власти»³⁵.

Итак, для укрепления гражданского и духовного единства российской нации теоретическое и практическое значение имеют следующие положения органической концепции истории России:

— понимание общества как духовного организма, в котором утверждаются высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство;

— формулирование русской идеи как нового синтеза между православием и светской цивилизацией и культурой;

— признание за каждым народом естественного права и исторической обязанности вести национально-духовную жизнь;

— исключение в развитии национальной духовной культуры изоляционизма и чрезмерного заимствования чужой культуры, что ведет к разрушению собственной, к утрате национальной идентичности;

— признание критики слабостей, недостатков, ошибок своего народа, но исходящей из любви к нему и из единого национального «мы»;

— признание необходимости новой системы национального воспитания для формирования настоящего гражданина, способного системно модернизировать Россию на основе священных национальных традиций, прежде всего православия и социальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 28.02.2019).
- ² Фишман Л. Г. Капитализм и культура // *Полития*. 2018. № 4. С. 131.
- ³ Мартынов В. С. Глобальный упадок капитализма: политические последствия // Там же. С. 140, 156.
- ⁴ Тульчинский Г. Л. Вызов современности // *Наследие*. 2016. № 2. С. 35 — 36.
- ⁵ Там же. С. 33.
- ⁶ Там же. С. 37.
- ⁷ Неклесса А. И. Кризис истории : Мир как незавершенный проект // *Полис*. 2018. № 1. С. 80, 84.
- ⁸ Там же. С. 80, 84 — 85.
- ⁹ Малинова О. Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // Там же. С. 13.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ См.: Ильин И. А. О русской идее // *Наши задачи* : в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 327.
- ¹² Цит. по: Изергина Н. И. Путь России к демократии: взгляд И. А. Ильина и современность. Саранск, 2008. С. 8.
- ¹³ Изергина Н. И., Изергина В. П. Идеология нацистроительства И. А. Ильина: концептуальный аспект // *Центр и периферия*. 2018. № 4. С. 7.
- ¹⁴ Ильин И. А. Путь духовного обновления [Электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-ivan-ilin/63232-put-duhovnogo-obnovleniya-ivan-ilin/read/page-14.html> (дата обращения: 28.02.2019).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ См.: Горшков М. К., Тюрина И. О. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // *Вестник РУДН*. 2018. Т. 18. № 1. С. 50.
- ¹⁹ См.: Ильин И. А. Наши задачи. С. 142 — 152.
- ²⁰ Изергина Н. И. Указ. соч. С. 30 — 31.
- ²¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления.
- ²² Соловьев В. С. Духовные основы жизни [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/solovev_vladimir/duhovnie_osnovi_gizni.html#0 (дата обращения: 28.02.2019).
- ²³ См.: Горшков М. К., Тюрина И. О. Указ. соч. С. 50.
- ²⁴ См.: Ильин И. А. Наши задачи. С. 41.
- ²⁵ Там же. С. 255 — 256.
- ²⁶ Там же. С. 255.
- ²⁷ См.: *Российское общество и вызовы времени*. М., 2017. Кн. 5. С. 100 — 101.
- ²⁸ См.: Ильин И. А. Наши задачи. С. 255, 261 — 263.
- ²⁹ Ильин И. А. О России. Три речи. 1926 — 1933 [Электронный ресурс]. URL: http://legitimiz.ru/lib/philosophy/i_ilin_tri_rechi_o_rossii.pdf (дата обращения: 28.02.2019).
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² *Российское общество и вызовы времени*. С. 314.
- ³³ Ильин И. А. Наши задачи. С. 264.
- ³⁴ *Российское общество и вызовы времени*. С. 387.
- ³⁵ Там же. С. 286.

Поступила 13.05.2019

УДК 81'243:008=112.2

Ирина Валерьевна Лаптева,
Елена Даниловна Пахмутова

МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Многоязычие как важнейший компонент коммуникации в поликультурном мировом пространстве является «прямым следствием культурного, политического и экономического разнообразия социальной реальности»¹. Феномен многоязычия, как и информационные технологии, в контексте современной глобализации представляют собой не только индикаторы образованности, но и обязательные условия «конструирования социокультурной реальности, ее инкультурации и аккультурации», разрешения межкультурных конфликтов в процессе диалога культур. Культурная роль языка переместилась таким образом от простого коммуникационного средства к некоему информационному «коду», передающему из поколения в поколение сокровенное наследие национальной культуры². Сохранение этнокультурной идентичности является признаком полноценного взаимодействия представителей разных культур, которое обусловлено потребностями и интересами их субъектов-носителей. Существенное в рамках прежде всего культурных контекстов, оно «сопря-

жено с передачей культурологической информации и установок этического, эстетического, религиозного характера, что определяет социальную ценность языковых взаимодействий»³.

Взаимопроникновение материальных и духовных компонентов из разных социальных культур в эпоху глобализации происходит более эффективно посредством владения несколькими языками, которое становится важным условием для успешной жизнедеятельности индивида. К примеру, именитый российский ученый В. И. Вернадский в повседневной практике чтения пользовался пятнадцатью иностранными языками: «всеми славянскими, романскими и германскими языками». Многоязычие является ключом доступа к мировым знаниям и способствует налаживанию межкультурных связей, знакомству с тем, что создано и создается другими народами.

Под многоязычием (поли-/мультилингвизмом) понимается «использование нескольких языков в пределах определенной социальной общности». Современные исследователи традиционно выделяют два вида

многоязычия: национальное, которое наблюдается в многонациональных странах (Российская Федерация, Индия, Нигерия и др.), и индивидуальное — свободное использование индивидом трех или более языков как обиходных, в отличие от иностранных языков. На практике многоязычие реализуется чаще всего в виде двуязычия. Системное изучение двух или нескольких языков предполагает изучение истории, культуры и традиций их носителей, открывает индивиду доступ к более высокому уровню культурного развития и помогает самореализоваться в различных культурных плоскостях. Следует отметить, что каждая культура обладает присущим только ей своеобразием, которое обуславливается или создается ее языком. Таким образом, продуктивность многоязычия очевидна, так как в данном случае соблюдается принцип равенства языков и культур. По мнению исследователя О. А. Колыхаловой, «человечество во многом зависит от становления мировой культуры, сочетающей в себе самобытные ценности национальных культур с общечело-

веческими. Основанием такого единения могут служить идеалы устойчивого развития общества, реализация которых невозможна без внимания к языковой культуре мирового пространства, сохранения лингвистического многообразия и разумного распространения многоязычия». Связанная с многоязычием свобода культурного самоопределения индивида расширяет и дополняет его образованность, умение гибко реагировать и «эмпатически»⁴ вживаться в конкретную ситуацию в процессе взаимодействия культур, верно воспринимать культурные реалии⁵.

Актуальность многоязычия в современном образовательном пространстве России возросла в 2015 г. после внесения изменений в Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (приказ Минобрнауки РФ № 1577 от 31 декабря 2015 г.), согласно которым изучение учебной дисциплины «Второй иностранный

*Гёте-
Институт.
Москва*

<https://mamlas.livejournal.com/5515689.html>

язык» является обязательным. Именно эту возможность использовали сотрудники Немецкого культурного центра им. Гёте (Гёте-Институт, г. Москва; www.goethe.de/moskau), запустив проект «Немецкий — первый второй иностранный». Основными целями проекта стали: привлечение внимания к школьному предмету «Иностранные языки / Второй иностранный язык» и стремление заинтересо-

вать максимальное количество целевых групп (родители, учащиеся, учителя, руководители образовательных организаций и др.); повышение качества преподавания немецкого языка в образовательных учреждениях за счет внедрения инновационных методических принципов преподавания⁶. Участниками проекта в 2018 г. стали 45 регионов Российской Федерации (рис. 1).

Рис. 1. Регионы-участники проекта «Немецкий — первый второй иностранный»

Республика Мордовия является одним из 45 российских регионов, в которых Гёте-Институт с 2016/17 учебного года реализует вышеупомянутый проект⁷. В рамках заключенного с ним договора на базе Мордовского республиканского института образования был создан Ресурсный центр организационно-методической и информационной поддержки общеобразовательных организаций, которые ввели в учебные планы или запланировали изучение второго иностранного (немецкого) языка.

Республиканское Общество немецкого языка и культуры (www.deutschmordovia.mrsu.ru) поддержало эту инициативу и продолжило сплочение образовательных структур в единое пространство с целью популяризации немецкого языка⁸. Тесное сотрудничество с местными органами управления (Министерство образования Республики Мордовия, администрация г/о Саранск и др.) позитивно сказывается на авторитете региональ-

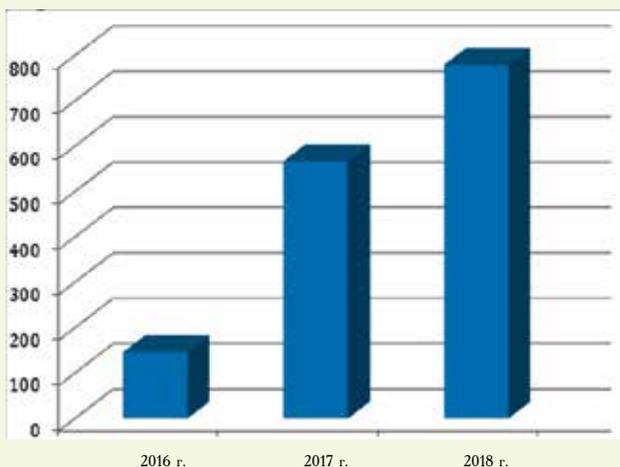

Рис. 2. Единое образовательное пространство по популяризации немецкого языка в Республике Мордовия

ного союза и на информационной поддержке мероприятий, связанных с немецким языком (в том числе вторым иностранным; рис. 2.).

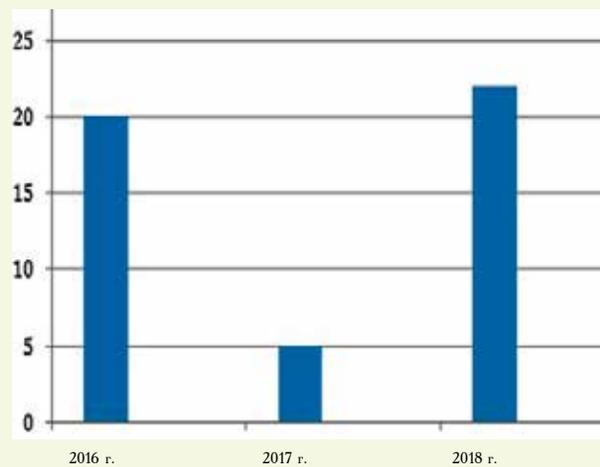
В свою очередь, созданный Ресурсный центр выступает координирующим звеном между Гёте-Институтом и общеобразовательными учреждениями Мордовии⁹, благодаря

чему за 3 года (2016 — 2018) немецкий язык как второй иностранный ввели в 47 школах республики. Общая статистика по количеству образовательных учреждений Российской Федерации и Республики Мордовия, поддержавших проект «Немецкий — первый второй иностранный», представлена на рис. 3 — 4¹⁰.

Общая статистика по Российской Федерации	
2016 г.	146 школ
2017 г.	567 школ
2018 г.	779 школ
Всего	1 972 школы

Рис. 3.

Общая статистика по Республике Мордовия	
2016 г.	20 школ
2017 г.	5 школ
2018 г.	22 школы
Всего	47 школ

Рис. 4.

Мотивацией к изучению нескольких иностранных языков служат следующие факторы.

— *Трансцендентальный (познавательный) фактор.* Основопологающее понимание сущности многоязычия заключено в цитате из «Логико-философского трактата» австрийского философа Л. Витгенштейна, по мнению которого «границы мира» каждого человека определяются «границами языка»¹¹. Согласно этому определению, язык есть когнитивная структура, инструмент философского познания мира¹², а мультилингвизм — «социокультурный императив нашей исторической эпохи»¹³, закономерный этап в развитии человечества, стремящегося выйти за рамки родной культуры, раздвинув границы индивидуального мировосприятия, и «погрузиться» вглубь трансцендентального знания иных культур.

— *Коммуникативный фактор.* Межкультурная коммуникация требует владения не только цифровыми технологиями, но и иностранными языками (минимум двумя), что позволяет расширить коммуникативный потенциал личности, выделиться на общем фоне, «открыть множество путей профессионального становления и личностного роста, сохранить ясность ума, повысить социальную компетентность, быть знатоком чужой и родной культуры, быть эмоционально стабильным»¹⁴.

— *Образовательный фактор.* Знание нескольких иностранных языков является одной из ключевых компетенций в рамках компетентностно-ориентированного подхода в образовании, и во многих странах является нормой уже в школе. Согласно статистическим данным, 60 — 70 % людей в мире владеют несколькими иностранными языками¹⁵ и верно интерпретируют поликультурное измерение¹⁶, расширяя тем самым средства вербализации мышления и повышая его «эвристичность».

— *Возрастной фактор.* Многие родители стремятся не перегружать своих детей излишней информацией, в том числе изучением второго иностранного языка. Как контраргумент звучит тезис выдающегося психолога Л. С. Выготского, согласно которому у детей затруднения в процессе изучения двух иностранных языков возникают тогда, когда «двуязычие развивается без системы, стихийно»¹⁷.

— *Психофизиологический фактор.* По мнению иностранных психологов (Б. Кейзар и др.), область мозга, отвечающая за рациональное решение проблем, намного активнее у людей, изучающих несколько языков. У них снижается риск ослабления памяти в пожилом возрасте, заметны систематические структурные изменения мозга (в отдельных его зонах увеличивается толщина серого

первого иностранного языка помогают быстрее овладеть вторым иностранным. Например, немецкий после английского (языки германской группы индоевропейской семьи) учить проще, что объясняется сходностью фонетики, лексики, грамматики, каллиграфии и др. Чем больше аналогий со вторым иностранным языком, тем легче он поддается сравнению, в отличие от китайского, например.

Выделяют несколько методических принципов обучения коммуникации на втором иностранном языке (нем. Tertiärdidaktik).

— Принцип сопоставительного изучения нескольких культур, в том числе принцип сравнения с родной культурой. Овладение лингвострановедческим материалом начинается с активизации уже имеющихся знаний о культуре, формирования общего представления об изучаемом языке,

Урок немецкого языка (источник: <https://deutsch-sprechen.ru>)

вещества). Ученые уверены в том, что у людей, владеющих несколькими языками, процесс старения организма замедляется, а коэффициент интеллекта и душевное здоровье повышаются¹⁸.

— *Мотивирующий фактор.* Обучение иностранным языкам из одной языковой группы проходит намного эффективнее. Уже имеющиеся знания

развития простейших умений его использования в процессе конкретной ситуативной коммуникации. Межкультурная направленность позволяет решать задачи развития и самоопределения личности, ее подготовки к межкультурному общению на иностранном языке, в том числе в профессиональной деятельности¹⁹.

— Принципы комплексности учебного процесса и культуроведческой направленности, предполагающие не только взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности, но и знакомство с культурным контекстом. Поиск и отбор информации, отражающей исторические факты и явления иноязычной культуры, способствуют повышению общекультурного уровня индивида, развитию «толерантных и эмпатийных отношений»²⁰. Это связано с усвоением культурно значимой информации о менталитете данного народа, фоновых знаний, способствующих преодолению культурной дистанции между коммуникантами — носителями разных языков²¹.

— Принцип учета интересов обучающихся. Весь учебный процесс, в том числе обучение иностранному

языку, должен быть ориентирован на личность ученика, развитие его когнитивных навыков, самостоятельность, учет его возможностей, потребностей и интересов, на использование информационных технологий (последнее в контексте современной глобализации является обязательным условием качественного образовательного процесса и межкультурного взаимодействия). Полилингвизм предполагает формирование у личности внутренних мотивов к обучению, коммуникации с носителями других культур, когнитивному мышлению, самостоятельности, самооценке, творческой активности и другим показателям личностного роста.

Таким образом, по выражению философа В. фон Гумбольдта, «через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многооб-

разие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия»²². Многоязычие как социально-культурный феномен является важной составляющей полноценного развития личности в контексте глобализации. Как проводник информационной грамотности знание других языков повышает конкурентоспособность современного человека, что является одним из основных требований стратегии успеха каждой личности. Полилингвизм дает возможность человеку взаимодействовать в поликультурном пространстве, сохраняя историческое прошлое, самобытные традиции каждого отдельного народа и общечеловеческие ценности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Могилевич Б. Р., Калинин А. А. Многоязычие как социокультурный феномен // Известия Саратовского университета. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 136.
- ² См.: Piskunova S. I. Language and culture: the actual problems of interrelation // Лингвистика и методика: междисциплинарный подход : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2014. С. 127 — 130.
- ³ Колыхалова О. А. Язык и культура // Преподаватель. XXI век. 2012. № 2 — 2. С. 282 — 287.
- ⁴ Там же. С. 16.
- ⁵ См.: Волчков Э. Г., Гредюшко О. П. Многоязычие как условие развития и саморазвития личности : (На примере студентов Казанского федерального университета) // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 286 — 289.
- ⁶ См.: Немецкий язык как второй иностранный в школах России // Vitamin DE : Journal für junge Deutschlehrer. М., 2016.
- ⁷ См.: Немецкий как второй иностранный в школе. М., 2016.
- ⁸ См.: Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. Введение второго иностранного языка в образовательные учреждения РМ: проблемы и перспективы // Иностранные языки в диалоге культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Саранск, 2018. С. 385 — 392.
- ⁹ См.: Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. Популяризация немецкого языка в образовательных учреждениях Республики Мордовия // Синтез традиций и инноваций: немецкий язык в современном языковом образовании. Улан-Уде, 2016. С. 176.
- ¹⁰ Goethe-Institut [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/eng/dez/ptn.html> (дата обращения: 15.04.2019).
- ¹¹ См.: Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. С. 56.
- ¹² См.: Колыхалова О. А. Указ. соч. С. 285.
- ¹³ Яковлева Е. В. Феномен многоязычия и его обоснование с позиций философии образования // Вестник Воронежского государственного университета. 2015. № 1. С. 36.
- ¹⁴ Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. Введение второго иностранного языка... С. 386.
- ¹⁵ См.: Немецкий язык как второй иностранный в школах России. С. 12.
- ¹⁶ См.: Ивлева А. Ю. Стратегии интерпретации текста: философский аспект // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2010. № 1 (9). С. 27 — 36.
- ¹⁷ Выготский Л. С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте // Умственное развитие детей в процессе обучения. Л., 1935. С. 55.
- ¹⁸ How to Boost Brain Power and Memory : Expertise tips // e-Medexpert: Scie. Journal [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emedexpert.com/tips/brain.shtm> (дата обращения: 15.03.2019).
- ¹⁹ См.: Лаптева И. В., Пахмутова Е. Д. Формирование культурного капитала специалистов Республики Мордовия посредством дистанционного обучения // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4 (24). С. 227 — 233.
- ²⁰ Могилевич Б. Р., Калинин А. А. Указ. соч. С. 136.
- ²¹ См.: Пахмутова Е. Д. Телекоммуникационные проекты в межкультурном обучении иностранному языку (немецкий язык, неязыковой вуз) : дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук. Саранск, 2003. С. 61.
- ²² Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 349.

УДК 94(47)

Галина Александровна Куршева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА МОРДОВСКОГО (МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО) НАРОДА

На фоне экономического кризиса и нарастания миграционных потоков во всем мире обострились межэтнические и межконфессиональные противоречия. Для многонациональной России эта проблема стоит не менее остро, и сохранение национального единства в данном случае — это вопрос сохранения целостности страны. Однако у нас есть огромный потенциал, который должен помочь в упрочении солидарности, в противостоянии национализму и сепаратизму. Этот потенциал — наша общая история. На протяжении веков единое российское культурное пространство включало и сохраняло в себе самобытные традиции разных народов, в том числе мордвы.

Основным способом сохранения и передачи культурных традиций нации, их постоянного развития и обновления является ее национальный культурный код. Он представляет собой систему уникальных архетипов, образов и ценностей, характеризующих идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки на-

рода. Именно культурный код, сформированный базовыми ценностями народа, определяет своеобразие национальной психологии, воплощенной в поступках и деятельности людей, в их жизненных позициях и стратегиях поведения. По мнению профессора Е. М. Бабосова, культурный код проявляется в качестве исторически сложившейся и развивающейся системы социокультурных коммуникаций, интегрирующих в динамически эволюционирующую целостность духовно-нравственных, семейно-бытовых, природно-географических, хозяйственно-экономических, геополитических особенностей, считающихся общепринятыми нормами самоидентификации людей, независимо от их этнической принадлежности, и передаваемых из поколения в поколение посредством обучения и воспитания, сохранения и воспроизводства исторической памяти народа¹.

Культурный код отличается совокупностью качественных универсальных характеристик, выполняющих

человекоформирующую и человеко-возвышающую роль в становлении стереотипов поведения, жизненных позиций, мировоззренческих предпочтений и ожиданий индивидов, их социальных групп в свойственных тому или иному народу культурно-цивилизационных границах.

Положенный в основу понятия «культурный код» определенный теоретический конструкт начал реализовываться в программных документах и практической деятельности органов государственной власти. Так, в статье 11 «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.» подчеркивается: «Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их

лучшие достижения в единую российскую культуру»². Иными словами, подчеркивается значимость цивилизационного кода в интеграции многих десятков однотипных этнокультурных субъектов в единое социокультурное пространство.

В. В. Путин еще в 2012 г. кратко, но очень емко сформулировал специфику формирования единого культурного кода в многонациональной России: «Историческая Россия — не этническое государство и не американский „плавильный котел“, где, в общем-то, все так или иначе — мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного

В тысячелетней истории российской государственности многочисленные народы, наряду с русским, вплетались в ткань государственности и формировали цивилизационный облик России. Мордовский народ также был задействован в государственном строительстве, развернувшемся на огромной евразийской территории.

Многонациональное Российское государство создавалось на протяжении нескольких столетий. Со второй половины XV в. его границы расширялись, поглощая территории расселения различных народов, обладавших собственной государственностью. В результате на огромном пространстве сложился комплекс политических, социальных, эконо-

становится в научной среде основополагающим. Красноречивым свидетельством этого является одна из последних трактовок строительства российской государственности и участия в этом процессе финно-угорского компонента — концепция 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства⁴, нашедшая признание не только у поволжских ученых, но и у сотрудников ведущих научных центров, в академических институтах.

Исторические события первой половины 2-го тыс. н. э. в решающей степени предопределили стратегию развития государственности финно-угорских народов. Им предстояло сделать эпохальный выбор. Первый из них сводился к интегрированию, вращению в более сильный в политическом и в военном отношении организм, второй предполагал открытую конфронтацию с ним. В качестве доминирующего политического организма выступало великое Московское княжество, ведущая роль которого в системе восточно-европейских государств после Куликовской битвы была бесспорной. Кроме того, оно выступало ядром складывавшегося Русского централизованного государства. Это был сложный процесс, во многом противоречивый, проходивший на значительной территории и хронологически затянувшийся на несколько столетий.

В XIV — XV вв. в результате объединения земель вокруг Москвы и становления Русского централизованного государства значительная часть мордовского народа еще в самом начале объединительного процесса вошла в состав Московского княжества. В XV в. четко сформировалась общность мордовских и русских земель. Летом 1551 г. мордва с другими народами правобережья Волги принесли присягу на верность русскому царю. Начался новый этап в истории мордовского народа. К концу XVI в. финно-угорские наро-

Русский князь с дружинниками. Рисунок Н. Макушкина

привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов»³. Подтверждение слов президента прослеживается в истории мордовского народа. Следует отметить, что формирование единого культурного кода в многонациональной России — это процесс, протяженный во времени и пространстве.

мических и культурных структур и образований, определенный учеными как российская цивилизация. В настоящее время признание исторического равноправия и равноценности всех цивилизаций и народов представляется необходимой методологической предпосылкой как для объективного научного исследования, так и для политического анализа. А тезис о том, что государственность и культура являются результатом совместной деятельности и, следовательно, общим достоянием всех народов, населяющих Россию,

ды, в том числе мордва, оказались полностью интегрированными в структуру Российского государства. В рассматриваемых интеграционных процессах проявляется ряд существенных черт, имеющих определенное значение в складывании российской цивилизации.

Во-первых, в широком понимании интеграция обозначала, прежде всего, характер и направленность процессов. Она предполагала определенную степень равноправия сторон-участниц процесса, которое выражалось, главным образом, в обоюдывгодном и совместном строительстве новой общей реальности. Такое единение этносов означало их самостоятельную деятельность в рамках

нового образования, но при этом интеграция обрела общее основание в виде гибкой системы ценностей и целей. Одновременно с дифференциацией и усложнением процесса интеграции не исключалось доминирование исторически присущих одной из сторон-участниц процесса базовых экономических, политических и идеологических институтов. Вместе с тем подобное доминирование не означало присутствие этнического, культурного и иного диктата.

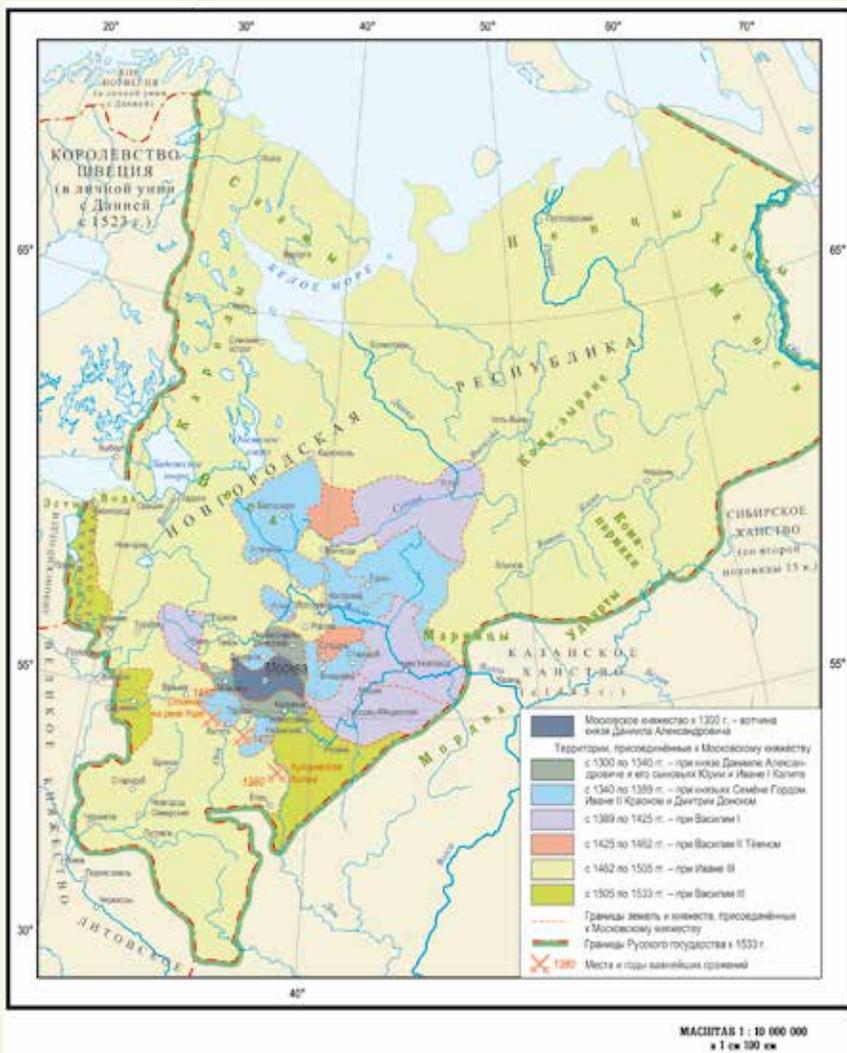
Во-вторых, межэтническая интеграция характеризовалась сложностью процесса, который определялся противоречивостью ее динамики. Она выстраивалась на дихотомии центробежных и центростремительных тен-

денций. Этнический фактор порождал сложности в интегративных процессах и конфликтные ситуации, «разрывавшие» ткань государствообразующего полиэтнического образования. Примером служит борьба мордвы с экспансией русских князей в начале XIII в. под предводительством Пургаза. Однако подобных центробежных тенденций все-таки было значительно меньше центростремительных. Интеграция являлась доминирующей, позитивной тенденцией.

В-третьих, сложность динамики процесса интеграции финно-угорских народов с народами многонационального Российского государства определила ее макромасштабность, проявившаяся в длительности процесса и в значительности географии его протекания. Прибалтика, Приуралье, Поволжье и Западная Сибирь — районы, где сошлись славянская, тюркская и финно-угорская цивилизации, православие, католичество и ислам, ставшие ареной взаимодействия и взаимопонимания, т. е. своеобразным полем толерантности. В конечном счете именно здесь возник уникальный опыт сосуществования различных народов.

В-четвертых, важнейшей характеристикой интеграционного процесса является объективность его возникновения и протекания. Весьма значительную роль здесь сыграло то, что, несмотря на различную этническую принадлежность русских и мордвы, им была присуща культурно-историческая общность, усиливавшаяся под угрозой иноземных нашествий и совместной борьбы с завоевателями — Хазарским каганатом, монголо-татарским игом, крымскими и ногайскими татарами. Мордовский народ, принявший участие в этом процессе, смог сохранить себя как самостоятельная этническая единица в рамках многонационального Российского государства.

Интеграционные процессы имели ряд последствий, повлиявших на раз-

Московское Великое княжество и образование Русского государства в XIV — первой трети XVI в.

витие как мордовского народа, так и других народов Российского государства. Важные изменения затронули экономическую жизнь мордвы. Под влиянием русского народа был ускорен процесс перехода к более прогрессивному способу производства. Мордовский народ перенял систему земледелия, орудия труда и пр. Расширилось экономическое пространство, в пределах которого действовали хозяйствующие субъекты. Были созданы условия для развития взаимной торговли. Мордовский народ постепенно адаптировался к первоначально непривычным социально-экономическим и политико-идеологическим реалиям, приспосабливаясь к условиям существования, созданным в рамках Российского государства. Одновременно происходило взаимопроникновение и взаимообогащение культур народов многонационального Российского государства, особенно через религиозную сферу.

В то же время необходимо выделить ряд отрицательных моментов, присущих описываемому процессу. Область этнического самосознания стала занимать все меньшее пространство культуры, что приводило к постепенной утрате собственной этничности, исчезновению характерных самобытных признаков и качеств, относительно успешной замене на иную этничность. Однако было бы не совсем верным определять результаты межэтнического взаимодействия как ассимиляцию. Правильнее говорить о взаимоассимиляции. Но это не умаляет общего позитивного характера процесса интеграции. Все теснее сближаясь с народами полиэтничного государства, мордовский народ стал видеть в Российском государстве свою родину, становясь его неотъемлемым государствообразующим элементом. Длительность и постепенность процесса вхождения финно-угорских народов в состав Российского государства позволили адаптироваться к непривычным со-

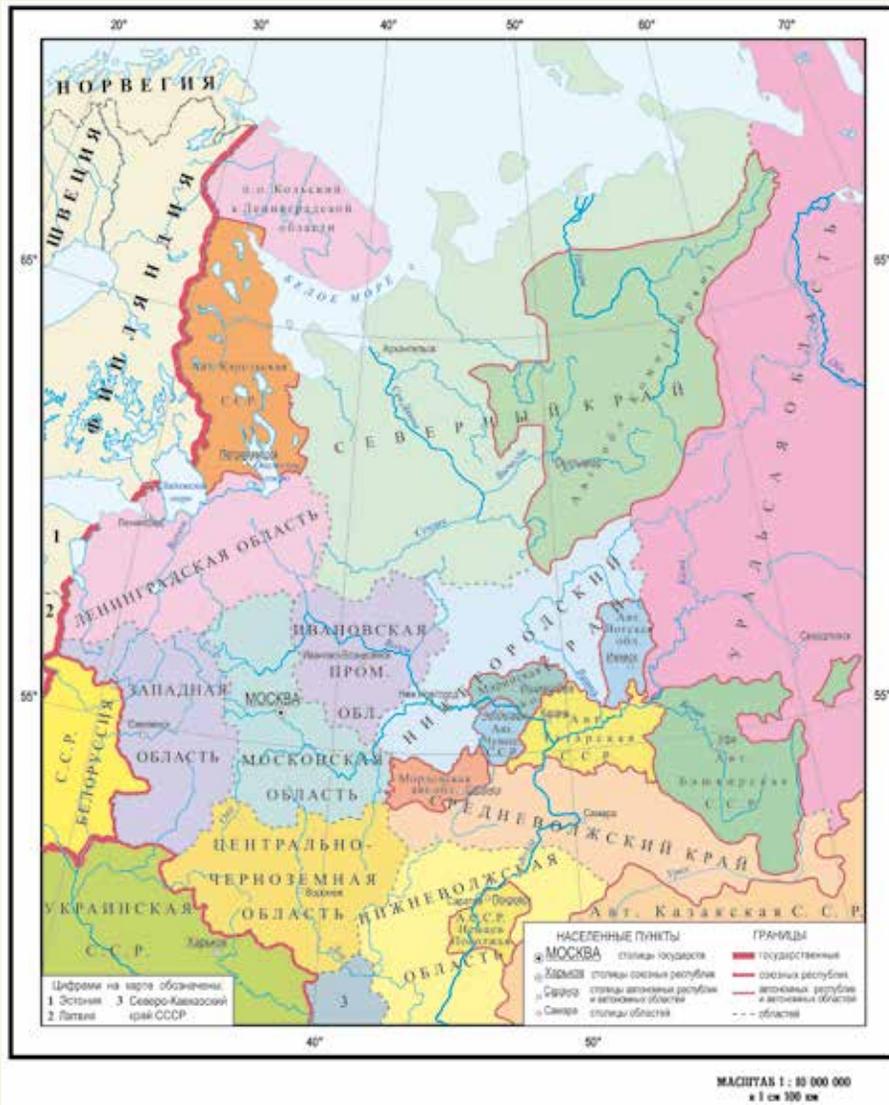
циально-экономическим и политико-идеологическим реалиям, создать условия для более или менее комфортного существования в рамках имперского социума. Свидетельством этого является значительный численный рост мордовского народа. За XVIII — XIX вв. мордовское население России увеличилось в 11,1 раза (самый высокий показатель среди финно-угров наряду с удмуртами).

Анализируя развитие мордовского народа в составе империи, следует отметить, что он занял в ней особое место, обусловленное спецификой этнического и исторического развития. Не принадлежа к числу доминирующих этносов, мордва активно участвовала в генезисе империи посредством миграций и заселения, хозяйственного освоения окраинных земель. Ярким показателем интегрированности мордвы в организм российской цивилизации, ее восприятия России как общей родины были высокие патриотические чувства и гражданская позиция, занимаемая во время ключевых событий военной истории Российского государства. В годы Смуты мордва приняла активное участие в первом и втором ополчениях. Причем успех второго ополчения во многом предопределялся событиями, произошедшими в мордовском крае осенью 1612 г., когда героические действия служилых людей и населения края по защите государственных рубежей не позволили степнякам нанести удар по центральным районам страны и помешать изгнанию польско-шведских интервентов. На протяжении всего XVII в. мордовское служилое население активно участвовало в защите южных рубежей государства со стороны степных народов. Одной из ярких героических страниц российской истории явилась Отечественная война 1812 г., когда мордва наравне с другими народами Российского государства встала на защиту своей

родины. Храбрость на полях сражений представители мордовского народа проявляли как в годы Русско-японской, так и Первой мировой войны. Особенно большой вклад мордовский народ внес в обеспечение армии людскими ресурсами и продовольствием.

Интеграция мордовского народа в состав Российского государства явилась исторически оправданной, обеспечившей значительные политические и экономические выгоды. Прежде всего данный процесс способствовал активизации экономической жизни мордовского края. Вне России этого достигнуть было бы значительно труднее. Финно-угорские народы оказались интегрированными в российскую имперскую систему и с точки зрения социальной стратификации. Социальная структура мордовского населения империи практически полностью совпадала с социальным делением российского общества, а этническая принадлежность не мешала межсословным перемещениям. К началу XX в. мордовский народ не имел собственного административно-политического и культурного центра. Создание национальной автономии объективно способствовало развитию лингвистических, исторических, этнографических и фольклорных исследований. Была ликвидирована массовая неграмотность, появилась сеть национальных школ, клубов, театров, этнографических ансамблей, сформировалась национальная (в том числе художественная) интеллигенция, развивалась печать на мордовских языках, создавалась национальная литература.

Народы Советского Союза пережили все тяготы преобразований «по-советски» — коллективизацию, индустриализацию, в том числе волну политических репрессий. По делу «Союза освобождения финского народа» и другим сфабрикованным делам разрушительные потери понесла национальная элита российских

Образование национальных автономий в СССР

финно-угорских народов — карелов, коми, марийцев, мордвы, удмуртов и финнов. Новый этап национальной политики в СССР начался с принятия Конституции СССР 1936 г. и сопутствующих нормативных актов. Вместо учета национальной специфики как в административно-территориальном делении, так и в культурной политике утверждался курс на унификацию, что отрицательно сказалось на развитии этнических культур. Значительные изменения произошли в этническом составе населения. Если перепись 1939 г. показала рост численности всех финно-угорских народов, за исключением эстонцев, то после 1959 г. сокраще-

ние численности некоторых народов (мордвы, карелов, финнов, вепсов и ижоры) приобрело устойчивый характер.

Конец XX в. — начало XXI в. стал для мордовского народа очень плодотворным периодом духовной и

общественно-политической консолидации. К настоящему времени оформились и функционируют идеологически и институционально три уровня финно-угорского национального движения: международный, всероссийский и этнорегиональный. Руководство Республики Мордовия, национальные общественные организации, представляющие мордву, и, в первую очередь, Межрегиональная общественная организация мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, широкие круги общественности республики принимают активное участие в работе всех этих уровней. Современная Мордовия вносит достойный вклад в развитие и укрепление российской государственности, демонстрирует живой пример межнационального и межконфессионального диалога. В республике органами власти и общественными институтами уделяется самое пристальное внимание вопросам национального строительства, укрепления единства народов, достижения духовно-нравственной и социально-политической гармонии. Ведь согласие — главный залог экономических и социальных преобразований в любом обществе, культурного и духовного развития любой нации. В Мордовии накоплен богатый опыт по сохранению этнокультурных ценностей, проводится большая работа по изучению и пропаганде исторического наследия народов, проживающих на ее территории. Многие делается для формирования единого культурного кода в многонациональной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Бабосов Е. М. Культурный код нации: сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3 (157). С. 48 — 50.
- 2 Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/1293590> (дата обращения: 05.08.2019).
- 3 Цит. по: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Вестник Российской нации. 2012. № 2 — 3.
- 4 См.: Юрчёнков В. А. Мордовский народ: веки истории. Саранск, 2007. Т. 1. 460 с.

Поступила 12.08.2019

УДК 811.161.1+811.112.2+811.511.152

Николай Васильевич Бутылов,
Галина Софроновна Иванова, Любовь Николаевна Щанкина

К ВОПРОСУ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА КУЛЬТУРЫ (На материале немецкого, мордовских и русского языков)

В рамках информационно-семиотической концепции культура представлена как знаково-символическая система. В числе первых ученых, обративших пристальное внимание на специфику знаковой природы культуры, был сторонник неокантианства Э. Кассирер, который заложил основы семиотического подхода в ее исследовании. По мнению немецкого философа, человеческой деятельности свойственен символический характер, предопределяющий создание символов. В главном трактате мыслителя мифология, религия и наука представлены уникальными культурно-символическими системами¹.

Развитие семиотической школы в России связано с именем Ю. М. Лотмана. Знаковую составляющую культуры ученый определил как «семиосфера» (параллель с «биосферой» В. И. Вернадского), тем самым подчеркнув ее глобальность². Социальную роль культуры, выступающей «негенетической памятью коллектива», Лотман соотносил с накоплением и трансляцией опыта предыдущих поколений³.

На единство материального и идеального содержания, значения и

смысловой составляющей знака обратил внимание немецкий мыслитель Г. Фреге. Исходя из утверждений теоретика, совокупность предметного и смыслового значений позволяет знаку отсылать к предмету, одновременно заключая в себе полученную информацию⁴. При этом знание о предмете, или смысловая нагрузка знака, определяется системой, в которую он включен. Роль такой системы может играть культура. Такие невербальные средства общения, как мимика, жесты, цвет и др., лишённые сами по себе смыслового значения, обретают его лишь в рамках определенной культуры (например, если в русской культуре белый цвет ассоциируется с зимой, то в китайской — с осенью). Именно поэтому первоочередность в осмыслении культуры других народов заключается в исследовании ее знаковых составляющих⁵.

Материальным воплощением мышления, средством закрепления и хранения информации, инструментом коммуникации является язык — один из главных видов знаковых систем. Исторически сложившийся естественный (национальный) язык един и

общепонятен для всех членов национально-культурной общности. Выступая универсальным инструментом общения, он востребован на каждом этапе человеческой жизнедеятельности и включает такие основные характеристики, как лексика и грамматика. На базе естественного языка формируются искусственные языки для решения конкретных задач в науке и адаптированные к описанию определенных предметных категорий. Искусственный язык использует специфическую терминологию и правила образования сложных лингвистических выражений, особые знаки (символы) вместо целых слов естественного языка. В результате предложения обретают компактность, точность и адекватность. При этом настроенность на точность приводит к созданию формализованного (искусственного) языка математики и логики. Специфичность такого языка отвлекает от содержания явлений и их связей, ускоряет и упрощает процесс мышления, позволяет производить расчетные и другие операции.

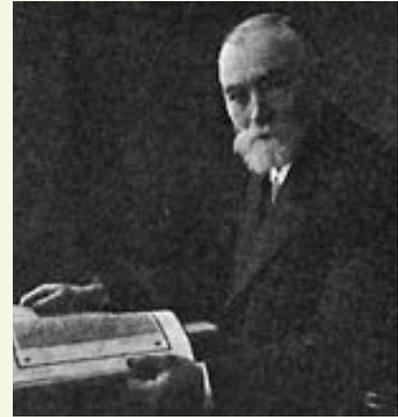
Важным для осмысления семиотической составляющей культуры

Эрнст Кассирер

Юрий Михайлович Лотман

Готлоб Фреге

является понятие «культурный код» как способ сохранения и трансляции информации, тип культурной памяти. Исходя из индивидуальности культурного кода, выделяют три общепринятых типа культуры: дописьменный, письменный и экранный. Из определенных кодов культуры, соотносимых с воображаемой «сеткой», которой культура «покрывает» окружающий мир, членит его, классифицирует, упорядочивает и оценивает, состоит экстралингвистическая действительность, или культурное пространство⁶. Культурные коды взаимообусловлены с древнейшими архетипическими представлениями человека. Универсальные по своей природе, они детерминируются субъективным фактором. Именно поэтому кодирование культурного пространства носит национальный характер, то есть оно специфично для каждой национально-культурной общности. Между кодами культуры не существует четких границ, они предопределяют и обуславливают друг друга.

Среди культурных кодов существуют так называемые базовые коды — соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный. Их значимость и соотношение в культурах различных народностей неодинаковы. Мы остановимся на рассмотрении соматического культурного кода, признанного наиболее древним, поскольку познание окружающего мира и окультура-

цию человек начал именно с самого себя. Поворот к человеческому, или субъективному, фактору в науке привел к формированию антропоцентрической парадигмы. Антропоцентричность выступила в качестве коннотированного пространства, где точкой отсчета стала активная языковая личность во всем ее многообразии. При этом человеческий фактор явился объектом двустороннего анализа: с одной стороны, оценивалось влияние субъективного начала на языковые факторы, с другой — воздействие «языковленной» картины мира на человека. Иными словами, рассматривался «человеческий фактор в языке и языковой фактор — в человеке».

В силу онтологической сущности фразеологии как раздела филологической науки, учеными подчеркивается антропоцентрическая направленность фразеологических единиц (далее — ФЕ). Однако во фразеологии корреляция «человек — язык» проявляется особо, так как во фразеологизме не только сконцентрированы знания о собственно человеческой, «наивной картине мира» и ее фрагментах, но и запрограммировано участие данных языковых сущностей вместе с их использованием в межпоколенной трансляции культурных эталонов и стереотипов определенной национально-культурной общности. В процессе преемственности ФЕ играют особую роль, выступая языковыми экспонентами культурных знаков.

Фразеологизмы функционируют в языке в качестве знаков номинации и одновременно трансляции элементов культуры и менталитета. Знаковая антропометричность ФЕ эксплицируется соразмерностью метафорического фрейма семантики фразеологизма свойствам человека.

Соматический код культуры находится во взаимосвязи с другими культурными кодами (пространственным, временным, предметным и др.) и служит для их описания. Способами выражения соматического культурного кода в языковой картине мира являются фразеологизмы, метафоры и символы как языковые экспоненты культурных знаков. Мы ограничились исследованием соматических ФЕ, где символы являются источником культурной интерпретации. С древнейших времен они служат специфическими элементами кодирования культурного пространства, направленными на передачу полученной информации. Языковые символы изначально нацелены на консолидацию разноплановой реальности в процессе семантической деятельности национально-культурной общности. Поскольку кодирование экстралингвистической действительности с помощью символов индивид начинает с себя, различные соматизмы выступают в их роли. В ходе исследования было выявлено характерное сходство соматической фразеологии в немецком, мордовских (мокшанском и эрзянском)

и русском языках. Очевидная аналогия соматических ФЕ в исследуемых языках обуславливалась, прежде всего, общностью функций частей тела, сходством их связей и отношений, единством способов невербального общения в виде жестов и мимики, сходными физиологическими ощущениями, социальной символиккой. Однотипность соматической фразеологии свидетельствует также об определенном сходстве ассоциативно-образного мышления носителей рассматриваемых языков, проявившемся в наличии общих ФЕ, обнаруженных в процессе перевода⁷.

Это объясняет наличие выявленных одинаковых концептов соматической фразеологии в исследуемых языках. Основными понятиями, вербализованными соматическими ФЕ немецкого, мордовских (мокшанского и эрзянского) и русского языков, стали мыслительные и физиологические процессы; ФЕ, связанные с понятиями «расстояние», «пространство», «предел». Внутренние закономерности выражения данных экстралингвистических концептов в ФЕ обусловили понятийно-фразеологические категории соматической фразеологии. В процессе исследования понятийной зоны мыслительных процессов и свойств личности нами были выделены следующие содержательные категории.

Мыслительная деятельность. При вербализации данного концепта были использованы ФЕ с соматизмами «голова» и «глаза», характеризующие мыслительный процесс человека: нем. *den Kopf zerbrechen* — «ломать голову, усиленно думать над разрешением какого-то дела», *die Augen aufmachen* — «открыть глаза, правильно понять истинное положение вещей»; мокш. *шава прясь кайги* — «пустая голова звенит», эрз. *кинь прясо парго преве, се а уле реве* — «у кого память хорошая и ум на месте — не пропадет»*. Во всех трех языках соматизм «голова» связывается с интеллектом. Вме-

сте с тем в данной группе немецкие ФЕ с соматизмом «глаза» представлены в большей степени из-за наличия эквивалентов.

Память человека: нем. *etw. im Kopf behalten* — «держат в голове, запоминать что-либо», *aus dem Kopf* — «по памяти, на память», *etw. hinter die Ohren schreiben* — «запомнить крепко-накрепко, навсегда»; мокш. *эсь кядце — эсь мяльце* — «своя рука — владыка», *мезе мяльсот, ся кяльсот* — «что на уме, то и на языке».

Эмоции и чувства (наиболее многочисленная группа ФЕ): нем. *das Herz aus dem Leibe ärgern* — «сердце не на месте, сердце ноет», *j-m in die Beine fahren* — «сильно подействовать на кого-либо»; мокш. *коняса стена аф палеви* — «лбом стену не прошибешь».

Следующую понятийную категорию мы обозначили как «физиологические процессы».

Жизнь-смерть. Соматизмы «голова» и «сердце» как значимые органы человека выступают символами жизни, соответственно, семантическим центром ФЕ во всех трех рассматриваемых языках: нем. *den Kopf hergeben müssen* — «поплатиться головой за что-либо», *j-m die Augen zudrücken* — «закрыть глаза умершему, присутствовать при чьей-либо смерти»; эрз. *зядо седеесь а кеме — виеськак а лезды* — «если сердце слабое, то сила уже не поможет».

Голод, жажда, насыщение. Соматизмы «рот» как полость для принятия пищи и «язык» как орган, воспринимаящий вкусовые ощущения, связаны с тематикой принятия пищи, утоления жажды, вкусовых ощущений: нем. *j-m waSSERT der Mund* — «у кого-либо слюнки текут» (ФЕ передает ощущение голода); *j-m klebt die Zunge am Gaumen* — «у кого-либо во рту пересохло» (ФЕ передает ощущение жажды); приятные вкусовые ощущения передает русская

ФЕ «язык проглотить», а антонимичная ФЕ «в рот не возьмешь» передает ощущения, связанные с чем-то невкусным, несъедобным; мокш. *кяльс кельги танцтинянь, сельмось мазынянь* — «язык любит сладкое, а глаза — красивое».

Плач: нем. *da bleibt kein Auge trocken* — «у всех глаза на мокром месте», *feuchte Augen haben* — «пустить слезу, прослезиться»; мокш. *тядянь седи идень седис педи* — «сердце матери плачет и волнуется по своим детям».

Сон (отсутствие сна): нем. *die ganze Nacht kein Auge zutun* — «глаз не сомкнуть», *j-m fallen die Augen vor Müdigkeit* — «у кого-либо глаза слипаются от усталости»; мокш. *ми-зярда седись уди — виеськак аф лезды* — «если сердце спит, то никакая сила не поможет».

Боль, недомогание: нем. *j-m wurde Schwarz vor den Augen* — «в глазах потемнело», «искры из глаз посыпались», *von Beinen faklen* — «падать с ног, заболеть»; мокш. *кона сурцень тят суска — кажнайсь сярди* — «какой палец не укуси, любой болит», *сардсь педи идть суронцты, а тядять — седи юронцты* — «заноза вонзается ребенку в палец, а матери — прямо в сердце».

В ходе исследования понятийной категории «характер человека и свойства личности» нами были выделены следующие концепты.

Внешность человека: мокш. *рахай курга мазы* — «улыбающийся человек всегда красив», *ою ронгса, ды ёмла тевса* — «большой телом, да мал делом»; нем. *j-m wächst der Kopf durch die Haare* — «пучеглазый».

Характеристика умственных способностей: мокш. *прясь сембонди ушеткс* — «умная голова — всему начало», *масторсь коморса аф сяво-ви* — «всю землю в руки не возьмешь»; нем. *schwach im Kopfe sein* — «пустая голова», «солома в голове», *einen klaren Kopf haben* — «иметь ясную голову, ясный ум».

* Здесь и далее примеры мордовских ФЕ приводятся из «УПТМН» (Т. IV, кн. 1).

Большое количество ФЕ в сопоставляемых языках номинируют черты характера человека. Нами были выделены следующие понятийные категории.

Положительные черты характера: нем. *mit dem Kopf für j-n., etw. haften* — «отвечать головой за кого-что», *seinen Kopf durchsetzen* — «добиться своего», «настоять на своем»; мокш. *цѣбарь лихтибря няфти пря* — «хороший родник исток покажет», *ломанть мазоптсазь аф щаманза, а машты кяденза* — «человека красят не наряды, а умелые руки».

Отрицательные черты характера: мокш. *варявкяль — няфти мяль* — «несдержанный язык раскрывает мысли», *топаз сурти салмокс аф сявови* — «тупой палец с иголкой не справится»; нем. *j-s Augen sind grösser als der Magen* — «глаза не наполнишь»; *die Hand auf die Tasche halten* — «жить с зажимкой», *die Hand nach etw. j-m ausstrecken* — «чужими руками жар загребать».

Анализ соматической фразеологии выявил частое совпадение основных номинаций черт характера человека в сопоставляемых языках. Однако ФЕ, означающие одинаковые черты характера, в некоторых случаях отличались образной основой фразеологизма. Вместе с тем отметим, что аналогичные ФЕ в немецком, мордовских и русском языках представлены достаточно широко.

При рассмотрении понятийной категории, связанной с *характеристикой личных отношений*, были обнаружены следующие ФЕ: нем. *j-m den Kopf waschen* — «намылить голову», *j-m auf dem Kopf herumtanzen* — «сидеть на голову кому-либо», *j-n an der Nase herumführen* — «водить за нос», *j-m auf den Nacken sitzen* — «сидеть на шее»; эрз. *манянт ломань — манясак эзь прят* — «обманешь человека — обманешь себя», мокш. *кяжда азат вал — сельмос каят сал* — «сердитым (со злости) слово скажешь — в глаза соль насыпешь».

Характерную тематическую группу «бытовая измерительная система» составили выражения со значением *крайней степени, предела*: нем. *bis zum Hals* — «сыт по горло», *bis über die Ohren* — «сыт по уши»; мокш. *сельмоти няеви, ды кядти аф сявови* — «глаза видят, да руки не берут», *кенерьбакаръце маласа, ды аф сускасак* — «близок локоть, да не укусишь».

Показательным для тематики соматической фразеологии являются выражения со значением *положения в пространстве, расстояния и направления*: нем. *so weit das Auge reicht* — «насколько хватает глаз», «руку протянуть», «под носом»; мокш. *менельть сурсот аф токасак* — «к небу пальцем не прикоснешься», *пилетне пряде сериста аф касыхть* — «уши не растут выше головы».

В сопоставляемых языках выделяется группа соматических ФЕ, означающих *образ действия*: «не поднимая головы» (упорно), «по головам» (поверхностно); нем. *hals über Kopf* — «сломя голову», *beklommenen Herzens* — «с дрогнувшим сердцем», «с замиранием сердца», «голыми руками»; мокш. *тефтрома якат анцек пилькнень тапат* — «ходишь без толку, только ноги сбиваешь», эрз. *эзь прят сюдомс* — «проклинать себя».

Таким образом, выявленные понятийно-фразеологические универсалии свидетельствуют об определенной общности ассоциативно-образного мышления носителей сопоставляемых языков и увеличивают возможность нахождения аналогов. Вместе с тем национально-культурная особенность фразеологизмов проявляется в том, что, несмотря на наличие понятийно-фразеологических универсалий, фразеология каждого языка акцентирует внимание на различных аспектах одного и того же явления, а фразеологической концептуализации в немецком, мордовских и русском языках подвергаются различные фрагменты действительности. Это обуслов-

ливает возникновение лакунарных содержательных категорий в соматической фразеологии сопоставляемых языков. Однако, несмотря на некоторые семантические отличия в соматических фразеологизмах рассматриваемых языков, в них отмечается преобладание общих тематических групп над лакунарными разрядами, что подтверждает универсальность соматической фразеологии во многих языках, независимо от характера их контактов.

В заключение следует подчеркнуть, что соматический код характеризуется отсутствием четких границ с другими культурными кодами. Он предопределяет многие коды культуры, в частности, пространственные представления человека. Так, метафоры соматического кода, сформированные на основе антропоцентрического понимания мира, описывают в том числе пространственный код. Мы полагаем, что именно человек является основой и мерой созданной им пространственной модели и именно здесь происходит, на наш взгляд, наслоение соматического кода на пространственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- 1 См.: Кассирер Э. Философия символических форм. М., 2001. С. 289.
- 2 См.: Вернадский В. И. Биосфера. Мысли и наброски. М., 2001. С. 267.
- 3 См.: Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 308.
- 4 См.: Фреге Г. Избранные труды. М., 1997. С. 257.
- 5 См.: Бутылов Н. В. К вопросу взаимосвязи культуры и коммуникации // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнолингвистический анализ. М., 2013. С. 199 — 204.
- 6 См.: Бутылов Н. В. Понятие о языковой картине мира // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном вузе. М., 2013. С. 46 — 52.
- 7 См.: Бутылов Н. В. Язык и культура в переводческом аспекте // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. М., 2014. С. 51 — 56.

Поступила 19.07.2019

УДК 93:281.93

Дмитрий Алексеевич Сысуев

ИСТОРИЯ ПРИХОДА ТРЕХСВЯТСКОЙ ЦЕРКВИ г. САРАНСКА К генеалогии саранского духовенства

История жизни Саранска и саранского священства XVIII — первой половины XX в. продолжает вызывать краеведческий интерес у научного сообщества. С одной стороны, это обусловлено значимостью Саранска как одного из епархиальных центров на протяжении ряда столетий, с другой — все еще недостаточной степенью изученности прошлого саранского духовенства. Кроме того, живая потребность в восста-

новлении и укреплении прежде утраченных духовных и исторических связей с культурным наследием до-революционной России актуализирует научный интерес к данному малоизученному краеведческому аспекту церковной истории.

С учетом неопределимой роли, которую духовенство сыграло в жизни русского общества в его духовном и нравственном просвещении, большое значение приобретают сведения о

конкретных личностях, его осуществлявших. Именно поэтому возвращение из забвения имен пастырей Русской православной церкви (РПЦ), немало потрудившихся на этом поприще, есть сыновний долг перед теми, кто духовно наставлял поколения наших предков. Задача бережного отношения к исторической памяти «прежде почивших» согласуется со словами апостольской заповеди: «Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, их же взирающе на скончание жителства, подражайте вере их» (Евр. 13, 7).

Большинство документов, связанных с историей прихода Трехсвятской (Нижней Казанской) церкви г. Саранска, хранится в ЦГА РМ (г. Саранск) и ГАПО (г. Пенза). В их состав входят клировые ведомости (с 1811 по 1899 г.), ревизские сказки саранского духовенства (1795, 1815, 1834, 1850 и 1858 гг.), записи брачных обысков* (1797 г., с 1809 по 1816 гг., с 1919 по 1935 гг.), метрические книги (с 1762 по 1936 г.).

Трехсвятская церковь. Начало XX в.
(Источник: <https://stolica-s.su/news/society/14920>)

* Здесь: Брачный обыск — письменный акт, содержащий определенные сведения о людях, собирающихся венчаться в церкви, и устанавливающий отсутствие препятствий к совершению их брака.

Данный документальный материал позволяет в определенной степени реконструировать жизнь приходского духовенства, проследить его генеалогию и преемство настоятельства на протяжении почти 200-летнего периода существования.

История прихода Трехсвятской церкви ведет свое начало с момента переселения части стрельцов Саранского гарнизона «за вал» на юг р. Саранки и образования на этом пространстве первых улиц. Этот процесс получил развитие с 60-х гг. XVII в., когда стрельцам была выделена дополнительная земля, что привело к быстрому образованию в так называемой нижней части города «Переведенной слободы»¹. В скором времени в ней на пожертвования жителей была построена деревянная приходская церковь, освященная во имя трех святителей (Ионна Златоуста, Василия Великого и Григория Богослова). Возникшая новая слобода получила одноименное название — Трехсвятская. В данных первой ревизии по Саранску (апрель-май 1723 г.) выделяется «приход церкви Трех Святителей»². На протяжении XVIII в. в нем преимущественно проживали служилые и посадские люди. Со второй половины XIX в. подавляющая часть населения прихода относилась к категории казенных крестьян, немало было представителей купеческого и мещанского званий. За все время своего существования Трехсвятская церковь представляла собой фактически духовный центр одноименной слободы вплоть до закрытия в 1936 г. Именно здесь прихожане исповедовались, приобщались Святых Христовых Тайн, крестили детей, вступали в брак и провожали в последний путь своих близких.

Обычно в известных работах краеведов А. И. Масловского³, А. Е. Попова⁴, В. Н. Куклина⁵, С. Б. Бахмустова⁶, касающихся истории Трехсвятской церкви, дублируются лишь весьма краткие сведения о дате ее

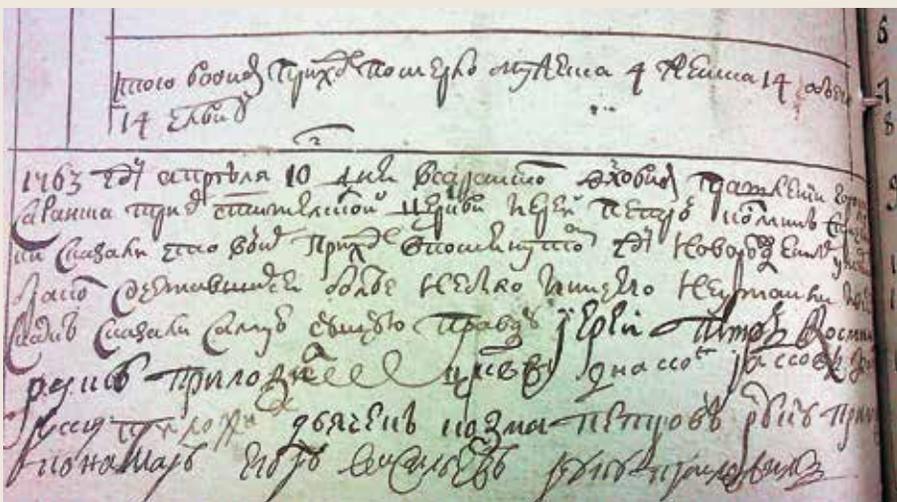

*Пахомий (Симанский),
епископ Тамбовский и Пензенский
(Источник: <http://pravoslavie58region.ru>)*

постройки, количестве престолов и составе штата. При этом вся информация, так или иначе, основывается на данных, приводимых священником Алексием Масловским за 1880 г. Сохранившиеся в архивах материалы клировых ведомостей и книг брачных обысков дают возможность составить предельно исчерпывающий перечень служившего в Трехсвятской церкви духовенства, начиная с момента построения на месте прежде деревянного храма нового кирпичного здания. По данным, приводимым священником Алексием Масловским, его строительство было осуществлено в 1760 г. по

благословиению епископа Тамбовского и Пензенского Пахомия (Симанского). Именно в ведении его епархиального управления находился тогда Саранск. Однако в наиболее раннем из сохранившихся документов — «Ведомости Трехсвятительской церкви о священнослужителях и их детях за 1811 г.» — постройка храма датируется 1765 г. Здесь же отмечалось, что церковь именовалась во имя Казанской иконы Божией Матери «с приделами Трех великих Святителей и святых мученицы Параскевы. Церковь настоящая освящена в 1769 году саранского Петро-Павловского монастыря архимандритом Александром тако же и первый придел оным же Александром в 1768 году, а второй придел освящен бывшим в оном же монастыре игуменом Иоасафом в 1786 году. При которой церкви по разборным 1784 году ведомостям показано приходских 162 двора»⁷.

В данном документе называется также имя первого достоверно известного священнослужителя Трехсвятской церкви — *иерей Петр Космин* (годы служения в приходе — ок. 1762 по 1778 г.)⁸. Сохранившаяся метрическая книга за 1762 г. подтверждает, что Петр Космин уже с этого времени являлся настоятелем данного прихода⁹. Помимо него причт Трехсвятской церкви того времени составляли дьякон Яков Иванов,

Автограф иерея Петра Космина с причтом. 1763 г. (Источник: ЦГА РМ)

дьячок Козма Петров и пономарь Егор Васильев¹⁰. Все перечисленные священноцерковнослужители упоминались без фамилий. Однако, благодаря опубликованному еще в 1898 г. А. Ф. Можаровским¹¹ списку учащихся Нижегородской духовной семинарии за 1766 г., где упоминался сын дьякона Якова Иван, удалось восстановить его фамилию — Траянов.

После смерти иерея Петра Космина настоятелем прихода стал *протоиерей Григорий Васильев Новиков* (служил в приходе с 1778 по 1818 г.). Согласно клировым ведомостям за 1811 г., он родился в 1750 г., происходил из великороссов Мурашкинской Пятины с. Ичалки Лукояновского уезда Нижегородской губернии, из семьи дьякона Василия Иванова. Проходил обучение в Нижегородской духовной семинарии, где прослушал курс лекций по философии и богословию. В приведенном списке А. Ф. Можаровского за 1766 г. он значится как учащийся «в школе пиитики с греческим языком»¹². Из этого же списка становится известной и его фамилия — Новиков. Действительность данной фамилии позже подтвердилась собственноручной подписью священника Григория Новикова, которую он оставил на одной из страниц книги брачных обысков Трехсвятской церкви за 1814 г.

*Гай (Таков),
епископ Пензенский и Саратовский
(Источник: <http://pravoslavie58region.ru>)*

В 1774 г. отец Григорий был произведен в дьяконы епископом Нижегородским Антонием (Зыбелиным), а в 1778 г. рукоположен в иереи Трехсвятской церкви на место умершего иерея Петра Космина. В 1815 г., согласно ревизским сказкам саранского духовенства¹³, иерей Григорий был «награжден к той же церкви протоиереем» за многолетнее добросовестное служение. Первая его подпись в новом чине датируется 26 сентября 1815 г. В течение 40 лет отец Григорий служил в этом храме вплоть до своей кончины в 1818 г.

*Саранск, Трехсвятская улица. Начало XX в.
(Источник: <https://stolica-s.su/news/society/14920>)*

О семье протоиерея Григория Новикова известно, что она состояла из жены Устиньи, сына Василия, который так же, как и его отец, прошел обучение в Нижегородской духовной семинарии, дочерей Татьяны и Анны. Согласно «Алфавитному списку домовладельцев г. Саранска» 1805 г., семейство священника проживало в доме, находившемся на улице Трехсвятской¹⁴. Вдова священнослужителя Григория Новикова значительно пережила мужа, скончавшись в возрасте 78 лет¹⁵. Она проживала в доме на территории прихода, на содержании их сына протоиерея Василия Новикова, служившего в г. Мокшане¹⁶. Сын священника Василия Александр Васильев Новиков также проживал в приходе Трехсвятской церкви и являлся губернским секретарем (служил в Саранском духовном правлении повытчиком (должностное лицо, ведавшее делопроизводством в суде. — Д. С.)). 3 февраля 1836 г. у него родился сын Николай, который был крещен в Трехсвятской церкви, а его воспитателем стал «Священно Архимандрит Саранского Петровского монастыря Иринея»¹⁷.

Следующим настоятелем Трехсвятского храма стал *протоиерей Иоанн Феодоров Пачелмовский* (служение в приходе — с 1818 по 1831 г.). Согласно клировым ведомостям 1823 г., отец Иоанн родился в 1780 г. в с. Пачелмы Чембарского уезда Пензенской губернии. Происходил из великоросской семьи дьякона Федора Ермолаева¹⁸. Обучался в Пензенской духовной семинарии, по окончании которой был уволен без аттестата. После богословского курса был направлен в с. Починки Инсарского уезда Пензенской губернии, в церковь Казанской иконы Божией Матери на место выбывшего священника. 18 декабря 1804 г. состоялось его рукоположение пресвященным епископом Пензенским и Саратовским Гаием (Таковым).

В 1806 г. отец Иоанн был определен депутатом, а с 1807 г. указом Пензенской духовной консистории назначен благочинным (административная должность священника. — Д. С.). Как отмечено в клировых ведомостях, все занимаемые должности он «проходил беспорочно»¹⁹. В связи с этим 15 ноября 1814 г. Иоанн Пачелмовский был награжден протоиерейством преосвященным епископом Пензенским и Саратовским Афанасием (Корчановым) и уже в этом сане, в конце 1818 г., возглавил приход Трехсвятской церкви. К этому времени он уже 2 года вдовствовал, воспитывал дочь Ефимию²⁰. В 1826 г. отец Иоанн был назначен «увещателем по судебным местам», оставаясь в этой должности до своей кончины в 1831 г.

Согласно данным клировых ведомостей за 1823 г., в приходе Трехсвятской церкви состояло 576 душ мужского пола, среди которых насчитывалось 8 чел. духовного звания, 45 военных, 91 чел. из купцов, мещан и цеховых, 75 дворовых и 357 однодворцев²¹. В 1830 г. был впервые представлен полный численный состав прихода. Всего в нем насчитывалось 160 дворов, в которых проживало 1 128 чел. — 517 мужчин и 611 женщин.

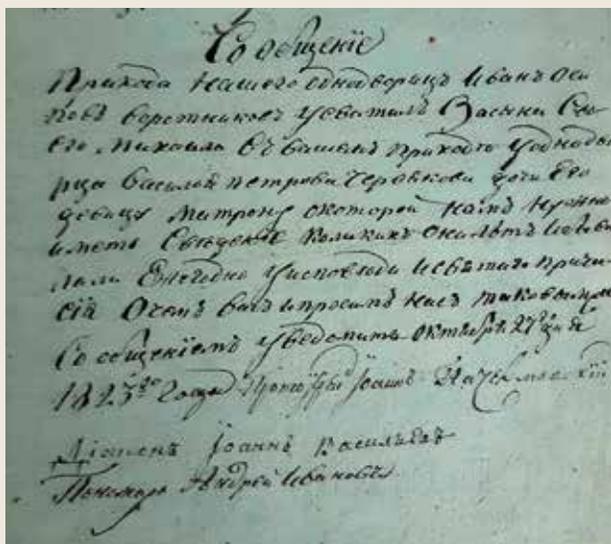
С 1831 г. началось служение нового настоятеля — протоиерея Петра

Афанасий (Корчанов),
епископ Пензенский и Саратовский
(Источник: <http://pravoslavie58region.ru>)

Иоанн (Доброзраков),
епископ Пензенский
и Саратовский
(Источник: <http://pravoslavie58region.ru>)

Автограф протоиерея
Иоанна Пачелмовского.
1823 г. (Источник: ЦГА РМ)

Иванова Сердобольского (с 1831 по 1867 г.). Первое упоминание о нем в приходе Трехсвятской церкви как об ученике, окончившем курс богословия Пензенской духовной семинарии, относится к 2 ноября 1830 г. В этот день он вступил в брак с дочерью прежнего настоятеля Трехсвятской церкви протоиерея Иоанна Пачелмовского Ефимией. Жизнеописание отца Петра содержится в клировых ведомостях 1833 г., а также в ревизских сказках 1834 г.²² Согласно источникам, он происходил из семьи штатного дьякона Вознесенской церкви г. Саранска Ивана Васильева. Окончил учебный курс Пензенской духовной семинарии, получив аттестат второго разряда. 10 января 1831 г. состоялось его рукоположение в священники к приходу Трехсвятской церкви, совершенное преосвященнейшим епископом Пензенским и Саратовским Иоанном (Доброзраковым). В том же году и тем же архиереем Петр Сердобольский был назначен «увещателем по судебным местам» г. Саранска, а в 1832 г. утвержден законоучителем в саранском Вознесенском приходском училище. В этой должности он состоял до 1841 г., а с 1833 по 1840 г. являлся еще и благочинным. С 27 августа 1850 г. его утвердили «настоящим благочинным»²³.

За примерное священническое служение отец Петр неоднократно поощрялся. Так, 14 июля 1835 г. «за исправное прохождение Благочиннической должности» он был награжден набедренником (одна из иерархических наград РПЦ. — Д. С.)²⁴; 17 сентября 1842 г. «за похвальное прохождение Священнической должности» — скуфьей черного бархата²⁵; 17 ноября 1852 г. «за попечение о благолепии дома Господня» получил архипастырское благословение²⁶; 29 октября 1856 г. «за примерное поведение и полезное служение Церкви Божией» был удостоен скуфьи фиолетового бархата²⁷.

Состав семьи Петра Сердобольского был немногочисленным: жена Ефимия, сыновья Митрофан (окончил Пензенскую гимназию, служил с 1851 г. писцом второго разряда в Саранском уездном суде, а с 1855 г. — там же столоначальником), Николай²⁸, а также две дочери — Анна и Ольга. Анна в последующем вышла замуж за священника с. Тепловка Саранского уезда Пензенской губернии Василия Корнилиева. В ревизской сказке 1850 г. вместе с ними указана также сестра Петра Сердобольского дьяконица Устиния Иванова Лебедева²⁹. Приблизительно в 1850 г. отец Петр овдовел. Семья священника жила в собственном деревянном доме на городской земле. 2 июля 1833 г. дом сгорел в пожаре и в дальнейшем был отстроен заново³⁰.

По указу Пензенской духовной консистории от 11 апреля 1856 г., отец Петр был определен опекуном над детьми и имением умершего священника с. Воротники Саранского уезда Егора Смирнова, а с 26 февраля 1859 г. — над детьми и имением умершего пономаря саранской Трехсвятской церкви Василия Максимова.

Содержание причта Трехсвятской церкви со времени существования прихода осуществлялось исключительно за счет «исправления треб», жалованье не полагалось. Только с 1846 г. в качестве дополнительного источника обеспечения появились проценты с «ломбартского билета в 1000 руб. серебром, предоставленного в пользу причта покойным надворным советником господином Крейером» в память об умершем³¹, в размере 40 руб. В остальном, как отмечалось в церковной ведомости за 1874 г., «за требоисправление причт пользуется добротным даянием, содержание причта посредственное»³². В 1886 г. к упомянутым источникам добавилось ежегодное поступление 6,5 % (200 руб.) с би-

лета Саранского общественного банка. За небольшим вычетом в пользу государственного дохода ежегодная сумма с этого билета составляла 12 руб. 35 коп.

В 1847 г., в период служения отца Петра, в Трехсвятской церкви был устроен еще один придел во имя святых праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. С 1851 г. на попечении храма оказалась еще одна часовня во имя святой Параскевы Пятницы, построенная «саранским почтмейстером г-ом Петровым» в двух верстах от города (приблизительно в двух километрах), за р. Инсар³³. В 1876 г., по указу Пензенской духовной консистории, эта часовня была реконструирована³⁴.

Как настоятель и законоучитель отец Петр уделял существенное внимание обучению прихожан Трехсвятской церкви. Так, с его благословения в доме дьякона Иоанна Тарасиева Пospelова в 1861 г. была открыта первая приходская школа для первоначального обучения детей³⁵. Просветительским делом занимался сам дьякон, но в силу того, что большая часть детей прихода обучалась в уездном и поселянском училищах, этот опыт не получил дальнейшего развития. К идее организации приходской школы вновь вернулись только в конце XIX в.

Священник Петр Иванов Сердобольский по старости был выведен за штат в 1867 г., 30 марта 1869 г. он скончался. Иерей Христорожественской церкви г. Саранска Ефимий Колпиков совместно с дьяконом Николаем Улисовым, дьячком Гавриилом Феодосиевским и пономарем Василием Ласточкиным совершили погребение почтенного пастыря на Тихвинском кладбище Саранска, где по традиции осуществлялось захоронение саранского духовенства.

5 марта 1867 г. к Трехсвятской церкви был рукоположен новый настоятель. Им стал священник *Миха-*

ил Алексеев Прелатов. Время его служения — 48 лет (с 1867 по 1915) — можно смело назвать эпохой в жизни прихода, которая во многом определялась особенностями деятельной природы настоятеля. О происхождении отца Михаила известно, что он родился 8 ноября 1844 г. в с. Старо-Корсановский Майдан Инсарского уезда Пензенской губернии, в семье священника³⁶. По окончании курса Пензенской духовной семинарии с аттестатом второго разряда был рукоположен в священнослужители епископом Пензенским и Саранским Антонием (Смолиным).

*Антоний (Смолин),
епископ Пензенский и Саранский.
Литография XIX в.
(Источник: <http://pravoslavie58region.ru>)*

Высокий уровень богословских знаний отца Михаила и очевидные педагогические способности во многом обусловили его активное участие в законоучительской деятельности. Так, указом Пензенской духовной консистории от 2 ноября 1867 г. он был «определен законоучителем для преподавания учения веры и нравственности христианской нижним чинам Саранской уездной команды»³⁷. 21 февраля 1871 г. с благословения нового архиерея — епископа Пензенского и Саранского Григория (Медиоланского) отец Михаил

был утвержден в должности законоучителя Саранского мужского приходского училища³⁷, а в 1884 г. с благословения архиерея Антония II — в том числе в начальной крестьянской школе. Однако в 1890 г. он вновь исполнял лишь обязанности законоучителя при приходском училище. В 1892 г. отец Михаил был утвержден в должности члена Благочиннического совета, а 6 февраля 1898 г. определен законоучителем Саранского братского приюта.

Как и его предшественники, священник Михаил Прелатов прилагал немало усилий к благоустройству церкви, налаживанию приходской жизни и христианскому просвещению. Свидетельством тому являются многочисленные поощрения. Так, 29 января 1872 г. он получил «архипастырское благословение Его Преосвященства Преосвященнейшего Григория за ревностные труды по церкви»³⁹; еще одно такое же благословение было получено им 21 декабря 1873 г.⁴⁰ 18 июля 1779 г. в Спасском соборе Саранска при совершении Божественной литургии епископом Пензенским и Саранским Григорием на отца Михаила был возложен набедренник. В 1884 г. «за отлично усердную службу по гражданскому ведомству»⁴¹ Святейший синод наградил отца Михаила скуфьей, в 1889 г. — комилавкой⁴², в 1898 г. — наперсным крестом; в 1890 и 1896 гг. он удостоивался архипастырского благословения⁴³.

14 ноября 1893 г. при Трехсвятской церкви была открыта школа грамоты. Размещалась она в церковной каменной сторожке, сохранившейся по сей день. Заведовал школой отец Михаил, безвозмездно занимаясь в ней преподаванием Закона Божьего. В 1894 г. на начало учебного года в школе обучалось грамоте 16 чел.: 8 мальчиков и 8 девочек.

*Григорий (Медиоланский),
епископ Пензенский и Саранский
(Источник: <http://pravoslavie58region.ru>)*

В 1897/98 учебном году в ней уже насчитывалось 24 ученика: 19 мальчиков и 5 девочек. В 1898/99 учебном году количество учащихся увеличилось до 31 чел.: 17 мальчиков и 14 девочек. Первой учительницей школы стала дочь крестьянина Евдокия Аршинова⁴⁴, через некоторое время ей на смену пришла мещанка Пелагея Васильева Евдокимова⁴⁵. В 1897/98 учебном году занималась с детьми грамотой мещанская дочь Пелагея Купцова.

Семья священника Михаила Прелатова была немногочисленной — жена Наталья Васильева, с ранних лет умевшая читать и писать, и трое детей (дочь Татьяна, сыновья Петр и Константин). Они жили в собственном деревянном доме, сохранившемся до сегодняшнего времени (в ветхом состоянии, находится недалеко от Трехсвятской церкви* на улице Московской, 27 (бывшая Трехсвятская)).

Сын Михаила Прелатова Петр, закончивший Пензенскую духовную семинарию со свидетельством о полученном 2-классном образовании, с 1893 г. состоял учителем школы гра-

моты при Трехсвятской церкви, а с 11 ноября 1894 г. был утвержден на должность учителя Казанской церковно-приходской школы. В 1899 г. он учительствовал в земской школе с. Лады Саранского уезда, имел свидетельства на звание учителя и регента.

Второй сын Прелатовых Константин закончил Тихоновское духовное училище г. Пензы. В XX в. его потомки немало потрудились на педагогическом поприще (в частности, Нина Константиновна Прелатова-Рябова на протяжении 1930 — 70-х гг. преподавала химию в саранской общеобразовательной школе № 1, а также музыку в Детской музыкальной школе № 1 г. Саранска). Дочь Татьяна вышла замуж за священника Николая Русакова.

В клировых ведомостях с 1871 г. начало фиксироваться количество проповедей, произнесенных настоятелем. В отношении отца Михаила отмечались их самостоятельность и высокий уровень. Если первоначально в течение года осуществлялась подготовка 3 — 4 таких проповедей, то через несколько лет, в 1879 г., — 9, позже их число достигло 12.

*Константин Михайлович Прелатов,
юрист, сын священника Михаила
Прелатова. 1904 г.
(Источник: МРОКМ им. И. Д. Воронина)*

* С 1918 г. в здании церкви размещался Республиканский краеведческий музей (с 2005 г. — МРОКМ им. И. Д. Воронина). Планируется возвращение здания РПЦ.

С 1880 г. штат Трехсвятской церкви претерпел сокращение (не стало дьякона, остался только дьячок). На основании резолюции Пензенской духовной консистории от 29/30 марта 1884 г. за № 376, причт Трехсвятской церкви состоял из одного священника и одного дьячка⁴⁶.

31 июля 1915 г. протоиерей Михаил Прелатов совершил последнее крещение в Трехсвятской церкви младенца Василия, сына крестьянина Александра Ильина Окаёмова⁴⁷. Скорее всего, в течение последующего месяца священник был болен, поскольку богослужение и требы в храме совершал священник Рождество-Богородицкой церкви Владимир Трубецкий. 27 августа 1915 г. в возрасте 71 года отец Михаил умер⁴⁸. Исповедовал его перед смертью священник Иоанн Ареопagitский. 29 августа состоялось погребение, совершенное протоиереем Спасского кафедрального собора Саранска Дмитрием Иоанновичем Охотиным с причтом на городском приходском кладбище⁴⁹.

Согласно официальному сообщению «Пензенских епархиальных ведомостей», 19 сентября 1915 г. настоятелем Трехсвятской церкви был назначен священник Вознесенской церкви г. Инсара Стефан Оранский⁵⁰ (годы службы в приходе — с 1915 по 1916). Однако его появление в приходе документально фиксируется лишь с 13 октября 1915 г. До этого дня в течение нескольких месяцев служение в Трехсвятской церкви совершал отец Владимир Трубецкий, а с 4 октября до 13 октября 1915 г. — священник Успенской церкви г. Саранска Иоанн Охотин⁵¹. Служение Стефана Оранского было непродолжительным, последнее упоминание о нем на приходе относится к 12 ноября 1916 г.⁵²

Согласно данным, опубликованным в «Пензенских епархиальных ведомостях» за 1916 г., при Трехсвятской церкви с 26 сентября 1916 г. (на время Первой мировой войны)

был утвержден двухчленный причт. Жалованье священника составляло 300 руб. в год; «кружечные» доходы за 1915 г. — 331 руб. Количество прихожан насчитывало 1 617 чел. обоюго пола⁵³.

Следующим настоятелем Трехсвятской церкви стал протоиерей Михаил Фриновский (с 1916 по 1919 г.), которому выпало служить в начале самого трагического богоборческого периода отечественной истории. Сведений об этом пастыре сохранилось немного. В условиях начавшихся гонений на веру и православную церковь отец Михаил возглавил образованный при приходе Союз Трехсвятской церкви г. Саранска. К этому времени Святейшим Патриархом и Святейшим синодом было уже указано общее направление развития деятельности духовных пастырей. 28 февраля 1918 г. вышло «Постановление Св. Патриарха Тихона и Св. Синода о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти», в котором, в частности, отмечалось следующее: «3. При всех приходских и бесприходских церквях надлежит организовать из прихожан союзы (коллективы), которые и должны защищать святых и церковное достояние от посягательства. 4. Союзы эти должны иметь просветительские и благотворительные задачи и именоваться, они могут быть под председательством мирянина или священника...»⁵⁴.

В «Книге брачных обысков» 1919 г. сохранился список членов Союза Трехсвятской церкви. Помимо протоиерея Михаила Фриновского и дьякона Петра Наровчатского, в него входили: «церковный староста Василий Агапов, Ефим Васильевич Корнилов, Василий Иванов Разуваев, Петр Васильевич Розалиев, Александр Алексеев Егунов, Алексей Васильевич Корнилов, Василий Александров Разуваев, Василий Михайлов Акаемов, Степан Пав. Лимонников, Николай Васильев Ае<...>, Михайла

Агапов Ана<...>, Андрей Ушаков, Спиридон Иванов Спиринов, Иван Семенович Белоусов, Алексей Андреевич Князев, Михаил Ильич Лукин»⁵⁵.

Следующими настоятелями после Михаила Фриновского были протоиереи Дмитрий Иосифович Сокольский (с 1926 по 1929 г.) и Алексей Остроумов (с 1931 по 1935 г.). Следует отметить, что, несмотря на развернувшуюся в СССР агрессивную атеистическую пропаганду, желавших заключить законный церковный брак в Трехсвятской церкви было не меньше, чем в дореволюционные годы (например, в 1867 г. состоялось 19 браков, аналогичное число отмечено и в 1924 г.). Если же говорить о средних цифрах, то соотношение количества браков в конце XIX — начале XX в. и в 20 — 30-х гг. XX в. составляет 13,0 к 10,5 в пользу дореволюционного. Только после 1927 г. число бракосочетаний сократилось вдвое, а последнее венчание в Трехсвятской церкви зафиксировано 7/20 февраля 1935 г. В тот день священник Алексей Остроумов венчал Федора Ивановича Какнаева и Екатерину Григорьевну Мысину-Степанову⁵⁶.

Примечателен еще один факт, относящийся к 1925 г. Несмотря на упразднение законов Российской империи, вменявших в обязанность родителям в случаях браков с инославными воспитывать своих детей в православном духе, в новых условиях пастыри продолжали твердо отстаивать православное воспитание подрастающего поколения. Так, при венчании в Трехсвятской церкви Романа Александровича Петерса лютеранского вероисповедания и Раисы Евдокимовны Будковой православного вероисповедания жених предоставил удостоверение, гарантирующее воспитание будущих детей в соответствии с правилами православной церкви⁵⁷.

1 февраля 1936 г. на заседании Комиссии по культу при Президи-

уме ЦИК МАССР было принято решение о закрытии Трехсвятской церкви⁵⁸. С этого времени старинный приход на многие десятилетия прекратил свое существование, а здание храма после сноса колокольни использовалось как помещение краеведческого музея. Благодаря этому оно сохранилось и пострадало гораздо в меньшей степени в сравнении с другими церквями Саранска. В настоящее время есть все основания надеяться, что в старинную саранскую святыню вновь вернется литургическая жизнь, и Трехсвятская церковь, как и прежде, будет исполнять свое спасительное предназначение.

Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей в здании Трехсвятской церкви. 2004 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: **Воронин И. Д.** Саранск, 1961. С. 50.
- ² Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2906. Л. 705.
- ³ См.: **Масловский А.** Город Саранск : ист.-стат. описание // Пензенские епархиальные ведомости. 1880. № 18. С. 17 — 18.
- ⁴ См.: **Попов А. Е.** Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза, 1896. С. 199.
- ⁵ См.: **Куклин В. Н.** Биографии саранских улиц. Саранск, 1990.
- ⁶ См.: **Бахмутов С. Б., Лапун В. И.** Разорванное ожерелье. Саранск, 1991.
- ⁷ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 — 3. (Далее — ЦГА РМ).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: **Можаровский А. Ф.** К истории переписей на Руси: перепись состава Нижегородской Духовной Семинарии в 1766 году // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии : сб. ст., сообщ., описей и док. Н. Новгород, 1898. Т. 3. С. 21 — 36.
- ¹² Там же. С. 27.
- ¹³ Государственный архив Пензенской области. Ф. 182. Оп. 1. Д. 769. Л. 18 об. (Далее — ГАПО).
- ¹⁴ ЦГА РМ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 30.
- ¹⁵ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об. — 25 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 16 об.
- ¹⁷ Там же. Ф. 27. Оп. 6. Д. 166. Л. 9.
- ¹⁸ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 — 6.
- ¹⁹ Там же. Л. 15 об.
- ²⁰ Там же. Л. 23. об. — 24.
- ²¹ Там же. Л. 4.
- ²² Там же. Л. 23 об — 24.
- ²³ Там же. Л. 62.
- ²⁴ ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1678. Л. 42 об.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ЦГА РМ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.
- ²⁷ Там же. Л. 98.
- ²⁸ Там же. Ф. 57. Оп. 6. Д. 177. Л. 41 об.
- ²⁹ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.
- ³⁰ Там же. Л. 18 об.
- ³¹ Там же. Л. 39.
- ³² Там же. Л. 223.
- ³³ Там же. Л. 68 об.
- ³⁴ Там же. Л. 309.
- ³⁵ Там же. Л. 141 об.
- ³⁶ Там же. Л. 316 об.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. Л. 310 об.
- ³⁹ Там же. Л. 209.
- ⁴⁰ Там же. Л. 225.
- ⁴¹ Там же. Л. 268 об.
- ⁴² Там же. Л. 288 об., 329 об.
- ⁴³ Там же. Л. 300 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 314 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 320 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 351.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 57. Оп. 4. Д. 1236. Л. 90 об. — 91.
- ⁴⁸ Там же. Л. 110 об.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1915. № 19. С. 360.
- ⁵¹ ЦГА РМ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 1236. Л. 94.
- ⁵² Там же. Д. 1283. Л. 94.
- ⁵³ См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1916. № 20 — 21. С. 340.
- ⁵⁴ Постановление Св. Патриарха Тихона и Св. Синода о деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти от 28 февраля 1918 года // Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917 — 1943 гг. М., 1994. С. 97.
- ⁵⁵ ЦГА РМ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. Л. 62.
- ⁵⁸ Там же. Ф. Р-234. Оп. 4. Д. 1. Л. 52.

УДК 94(47).081.4+070(470)(09)

Ольга Викторовна Кочукова,
Сергей Анатольевич Кочуков

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ РУССКО- ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 – 1878 гг. В ЭСТАМПАХ «СБОРНИКА ВОЕННЫХ РАССКАЗОВ...»

В 1878 — 1879 гг. в Санкт-Петербурге, в издательстве И. Д. Сытина, вышли в свет 6 томов «Сборника военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877 — 1878 гг.»¹. Несмотря на то, что этот исторический источник не является библиографической редкостью, ни в одном из современных исследований на тему Русско-турецкой войны он не получил должного рассмотрения. Более того, остался без внимания богатый иллюстративный материал, сопровождающий каждый том сборника.

Инициатором создания «Сборника военных рассказов...» был редактор газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский. Взгляд на истоки и смысл Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. отражен в его мемуарах «Воспоминания», а также работах публицистического характера «Правда о Сербии и сербах», «Кавказский путевой дневник»². С одной стороны, Мещерскому хотелось выступить в Русско-турецкой войне с позиции

корреспондента газеты «Гражданин». Однако газета была закрыта по цензурным соображениям на 4 месяца. Тем не менее он договорился с издателем «Московских ведомостей» М. Н. Катковым, что будет отправлять свои корреспонденции в его издание. Таким образом, Мещерский стал официальным корреспондентом «Московских ведомостей» на Кавказе³. С другой стороны, князю Мещерскому не давали покоя лавры председателя Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксакова, сыгравшего ключевую роль в подготовке общественного мнения относительно войны с Турцией.

В предисловии к первому тому «Сборника военных рассказов...» В. П. Мещерский писал: «Цель настоящего издания, смею думать, достойна сочувствия всякого, кому дороги слава и честь нашего войска и нашего народа...»⁴ Еще в начале Сербско-турецкой войны 1876 г. Мещерский задумал собрать воспоми-

нания русских добровольцев — непосредственных участников борьбы «за братьев-славян». Но начавшаяся в 1877 г. Русско-турецкая война изменила его планы. В связи с этим он вспоминал: «Был я в Сербии в 1876 году. Приезжаю в Белград. Прежде я на театре войны не был. Впечатлительность так же сильна, как доверчивость. Явились лица, рассказывавшие мне про свои подвиги. В обстановке этой эпохи, с душой, настроенной в уровень событиям, я жадно вслушивался, записывал и описывал героев по их собственным словам. Оказалось впоследствии, что некоторые из этих мною горячо описанных героев не только никогда ими не были, но напротив...»⁵ В результате Мещерскому пришлось идею создания сборника оставить и вернуться к ней лишь по окончании Русско-турецкой войны, поднакопив корреспондентского и литературного опыта.

Помимо значительного количества публикуемых воспоминаний, каждый

том «Сборник военных рассказов...» содержал специальный раздел, представлявший эстампы, которые характеризовали в определенной степени опубликованные мемуары. Всего в 6 томах было включено 220 рисунков на тему войны. Иллюстрированные приложения 6 томов сборника следует рассматривать как составную часть богатейшего корпуса визуальных источников Русско-турецкой войны рассматриваемого периода. Его формируют произведения живописи и графики, фотоальбомы, иллюстрации, гравюры и карикатуры в периодических изданиях. В своей совокупности они представляют сложную картину из созданных современниками визуальных образов войны. В целом в художественном осмыслении войны России «за братьев-славян» легко выделить круг преобладавших тем. Это, прежде всего, создание образов, вокруг которых строилась концепция освободительной войны: объект освобождения (славяне), враг (Турция и поддерживавшие ее европейские политики) и герои-освободители (армия, общество, власть Российской империи). «Сборник военных рассказов...» посвящен преимущественно визуализации образов героев войны.

Одной из любимых тем эстампов в сборнике является изображение императора Александра II. Во время Русско-турецкой войны он присутствовал на Дунайском фронте с 21 мая по 3 декабря 1877 г. Не принимавший участия в командовании войск император называл себя лишь «братом милосердия»⁶. Визуальные источники представляют Александра II непосредственно на передовой. Примером служит гравюра «Государь на позиции под Плевной». Даже после двух неудачных штурмов Плевны, когда многие солдаты впали в уныние, императорский распорядок фактически не изменился: «После второй Плевны государь казался совершенно спокойным, принимал

Государь на позиции под Плевной. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

участие в разговоре и вседневная застольная шутка: вынимай патрон! не была забыта... Вечер прошел по обычаю. Читались газеты и телеграммы»⁷. Однако спокойствие было лишь видимым. Русский художник-баталист В. В. Верещагин вспоминал: «Я стоял близко и слышал, как Грин рассказывал, что все атаки отбиты и штурм со всех сторон не удался. Я видел, что действие этого рассказа на государя, главнокомандующего и окружающих лиц было ужасное; вероятно, тут же запала в них перешедшая потом в решение мысль о необходимости оставить всякие дальнейшие попытки действовать открытою силою»⁸.

Значение присутствия императора в войсках преподносилось как необходимое: «Само же присутствие государя при армии изобличало три значения: сердобольное, одушевляющее и наблюдательное. К первому относились неусыпное посещение и утешение раненых; ко второму — пример личной самоотверженности, объявления войскам подвигов дальних товарищей и щедрые награды за отличия;

к третьему — монаршие мероприятия в случаях превышающих власть главнокомандующего»⁹. Понимание миссии императора на войне особенно показательно в эстампах, где император изображен в госпиталях возле раненых. Один из мемуаристов так описал присутствие Александра II в госпитале: «...Его Величество с заботливостью отца нагибался над раненым, переходя от одного к другому, по-видимому ободряя и успокаивая, потом отдавал какое-то приказание стоявшим неподалеку лакеям.

Государь Император на кухне госпиталя в походе. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

Сейчас же вынесли из домика на большом подносе какие-то портфели и портсигары; Государь взял их несколько штук и со словами: „это подарок от Государыни“, стал раздавать офицерам. Картина, наблюдаемая мною, была так естественна, проникнута такой простотой, так лишена всякой официальности, так возвышенно трогательна, уж если судить даже объективно, что произвела бы даже на совсем чуждое лицо не минутное впечатление!»¹⁰

Благотворительной деятельности Александра II в период Русско-турецкой войны посвящено несколько созданных современниками поэтических текстов. Среди них — стихотворение неуставленного авторства «В Порадимском госпитале»:

*И с ложа встал походного,
И быстрою походкою
Пришел к страдальцу царь;
И с ласкою, с участием,
Как над любимым детищем,
Склонился царь над ним»¹¹.*

Частое присутствие Александра II в госпиталях отмечал и лейб-медик С. П. Боткин: «Я вернулся от этого зрелища... с тяжелым, печальным чувством. Каково же было мое удивление, когда через несколько часов я снова посетил госпиталь, но уже сопровождая государя. Ни одного стога, ни одного вздоха не было слышно. Все лица просветлели. Все взоры одушевились радостью. Простреленные в ноги хотели держаться на ногах! — прежнее тяжелое чувство... заменилось отрадным впечатлением. Этим одним уже объясняется причина высочайшего присутствия на Дунае»¹².

Значительное количество эстампов «Сборника военных рассказов...» связано с визуализацией русской госпитальной части. При этом следует отметить, что данный сборник был далеко не первым изданием, содержащим изображения работы сестер милосердия. В частности, в

В госпитале. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

журналах «Всемирная иллюстрация» и «Иллюстрированная хроника войны» на первом плане также выступали сестры милосердия, выполнявшие свою историческую миссию¹³. Главное место занимало изображение их тяжелой работы в госпиталях. Показателен в этом отношении эстамп «Раздача подарков раненым», на котором художник представил обобщенный образ сестры милосердия, ухаживающей за ранеными. Издатель

журнала «Русский архив», историк и литературовед П. И. Бартенев вспоминал: «Сестры милосердия не имели времени быть хорошо подготовленными к высокому своему призванию, так что многие оказались совершенно бесполезными и шли за деньги на несколько месяцев ухаживать за ранеными. Нельзя сравнивать с этими сестрами нескольких сестер, поступивших на это святое дело без всяких других побуждений, кроме

Раздача подарков раненым. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

влечения быть полезным ближнему; энергия и деятельность этих женщин удивительны. К этому числу нельзя не отнести Е. Н. Козбек... Принявшая на себя руководство над персоналом Н. А. Шереметева не очень крепкого здоровья, а хлопочет целый день — день у нее начинается с солнцем, утром она обходит раненых и предлагает им свои услуги для переписки с родственниками. Солдатские письма всегда заключаются в перечне поклонов членом семейства и начинаются следующими словами: „Дражайшая родительница или родитель, я твоими святыми молитвами слава богу жив и здоров“, а сам лежит без руки или без ноги. Княгиня Е. А. Шаховская приняла на себя одну из самых трудных обязанностей: по закону, в случае отнятия какого-либо члена — руки или ноги, требуется предупредить больного и просить его согласия; это производилось обыкновенно накануне операции. Княгиня брала на себя тогда приготовить больного к принятию святых тайн, оставалось при нем постоянно, и даже во время самой операции, поддерживала его голову и говорила с ним»¹⁴.

Не меньше внимания заслуживает и обстановка, в которой работали сестры милосердия. В данном отношении информация визуальных источников незаменима. Сестра милосердия Е. Иванова оставила характеристику обстановки, в которой работал медицинский персонал во время войны: «Сестры всегда одеты аккуратно, причесаны, в чистых передниках и воротничках. Отмечаю эту подробность, так как здесь, среди лишений и страданий, грязи и миазмов, духоты и тифа, эта мелочь невольно бросается в глаза и производит самое приятное впечатление. Сестры встретили меня радушным образом. Одна уступила мне свою порцию мяса, другая налила стакан чаю, третья предложила вина, а все вместе уговаривали меня скорее ехать

назад, страдая тифом. И в самом деле, каждый день кто-нибудь из персонала заражался этой страшной болезнью, и в каждом поезде отвозили двоих, троих в Бухарест, где целых два дома были отведены под больных врачей и сестер»¹⁵.

Работа в госпиталях была чрезвычайно опасной, и в «Сборнике военных рассказов...» это ярко показано в иллюстрациях. Особенно интересны эстампы «Паника 18 июня

в транспорте раненых из-под Плевны» и «Перевязочный пункт 6 ноября под Карсом». От парадной стороны дела нет и следа. Налицо обычная работа полевых госпиталей. Корреспондент В. И. Немирович-Данченко подходил к оценке госпитальной части достаточно критично. По его мнению, «врачебное дело в Русско-турецкую войну 1877 г. было в ужасном состоянии. Ни лечебных, ни перевязочных средств не оказы-

Паника 18 июня на транспорте раненых из-под Плевны. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

Перевязочный пункт 6 ноября под Карсом. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

валось и рук не хватало. Рассчитанная на короткий срок и на пять корпусов, война развернулась так, что наличных сил и запасов неоткуда было добыть»¹⁶. Тем не менее врачи и сестры милосердия, несмотря на тяжелейшие фронтовые условия, продолжали оказывать солдатам и офицерам посильную помощь.

Не менее популярной темой было изображение высшего командного состава русской армии. В «Сборнике военных рассказов...» эстампы сконцентрированы преимущественно вокруг трех персоналий: И. В. Гурко, М. Д. Скобелева и Ф. Ф. Радецкого. Генерал И. В. Гурко был любим в войсках и в русском обществе, что отразилось в многочисленных песнях о войне 1877 — 1878 гг.:

*Гром гремит, земля трясется,
Увидали молодца.
Генерал Гурко несется,
Признаем мы за отца.*

*Поздоровался он с нами,
Слово ласково сказал
И своей правой рукою
В Дубняк Горный указал¹⁷.*

Свою «программу» относительно ведения боевых действий генерал Гурко просто и четко изложил перед кавалерийскими офицерами Западного отряда: «Господа, я должен вам сказать, что люблю страстно военное дело. На мою долю выпала такая честь и такое счастье, о которых я никогда не смел и мечтать: вести гвардию в бой. Для военного человека не может быть большего счастья, как вести в бой войска с уверенностью в победе, а гвардия по своему составу и обучению, можно сказать, лучшее войско в мире...»¹⁸.

Генерал М. Д. Скобелев был еще более популярен, что отразилось в визуальных источниках наряду с мемуарной литературой. Личности Скобелева посвящено несколько эстампов «Сборника военных рассказов...»,

*Гурко и Скобелев под огнем.
Эстамп из «Сборника военных рассказов...»*

наиболее показательны из них — «Утренний туалет генерала Скобелева под Плевной впереди редута» и «Генерал Скобелев на поле битвы под Плевной 30 августа 1877 г.». Первый эстамп как нельзя лучше представляет генерала непосредственно на театре военных действий. Более того, здесь налицо сравнение М. Д. Скобелева с А. В. Суворовым, который также осуществлял свой утренний туалет непосредственно на

глазах у противника. Если русские солдаты изображены под защитой шанцев и окопов, а адъютант Скобелева с опаской поглядывает на близкие разрывы снарядов, то сам генерал относится к данной ситуации буднично и спокойно. Умение окружить себя знаковой символикой было визитной карточкой Скобелева, достаточно вспомнить его белый мундир или белого коня. Излюбленной фразой «белого генерала» была

*Утренний туалет генерала Скобелева под Плевной впереди редута.
Эстамп из «Сборника военных рассказов...»*

исход сражения в пользу русских²⁵. Поэтому особой значимостью обладала визуализация подвигов русских солдат и офицеров. Таких эстампов на страницах «Сборника военных рассказов...» больше всего. Фактически все они создавались на один манер — главный или главные персонажи, т. е. русские солдаты и офицеры, совершают героические поступки на полях сражений. К таким эстампам относятся «Дело Дубасова и Шестакова» и «Героическая смерть майора Гарталова, в отряде Скобелева под Плевной». Эти гравюры

Героическая смерть майора Гарталова, в отряде Скобелева под Плевной. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

Первая минута. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

Вторая минута. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

типичны для того периода и всегда в большом количестве публиковались в русских иллюстрированных журналах, таких как «Нива», «Всемирная иллюстрация», «Иллюстрированная хроника войны».

Несколько особняком стоят эстампы, которые показывают ситуацию на фронтах войны в динамике. Характерным примером служат гравюры «Первая минута» и «Вторая минута». По сути, эти эстампы единственные в своем роде, так как нигде больше, ни в одном из изданий они или подобные им не публиковались. Представленная ситуация на передовой с изображением артиллерийских офицеров не являлась чем-то необычным. Но сравнение двух «кадров» из повседневной реальности войны заставляет остро ощутить внезапность прямого попадания турецкого снаряда в русскую батарею и гибели военнослужащих.

Еще один аспект, заслуживающий внимания, — это проявление некоторого отхода «Сборника военных рассказов...» от типичной визуализации деятельности русского офицера. Как правило, читателям представлялся образ героя. В русской прессе и иллюстрированных изданиях в целом доминировало торжественно-героическое изображение боевых дей-

ствий. «Сборник военных рассказов...» выходил за границы привычной концепции. В частности, в издании были помещены эстампы, на которых изображались обычные бивачные моменты. Это гравюры «Полевая почта» и «Офицерская стоянка».

Русское офицерство не всегда глубоко интересовалось подробностями возникновения очередного Балканского кризиса. На первый план выступали исполнение воинского долга, присяга и сама природа войны. Профессиональный военный без применения на практике своей профессии превращался в очередного «государственного нахлебника», и это для офицеров было совершенно недопустимо. В отличие от гражданского общества, подогреваемого воззваниями Славянских благотворительных комитетов, для офицеров война была действием, требовавшим практического приложения их знаний и умений. Именно поэтому в мемуарах офицеров практически отсутствуют общие рассуждения об исторической роли русских в спасении славян от османского ига и преобладают описания походной жизни, живых батальных сцен. Тем не менее многие русские офицеры интересовались событиями на Балканском полуострове еще задолго до вооруженного столкновения с Османской империей, следили и за национально-освободительным движением в Сербии, Болгарии и Черногории. То, что «надо заступиться... беспрерывно надо помочь»²⁶, было для русского офицерства очевидной необходимостью.

В «Сборнике военных рассказов...» не обойдены вниманием и рядовые участники войны. Известия о начале боевых действий против Турции были для большинства солдат совершенно неожиданны. Из воспоминаний рядового лейб-гвардии Измайловского полка: «...спокойно текла счастливая жизнь, пока могучее,

Полевая почта. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

Офицерская стоянка. Эстамп из «Сборника военных рассказов...»

царское слово не перенесло неожиданно нас в Турцию — освобождать братьев-славян от тех притеснений, которые они терпели много лет от своих угнетателей-турок...»²⁷. Идея освободительной миссии русских солдат, шедших на Балканы выполнять святое дело, «спасать братушек» от турецкого ига, захватила русское общество. Уже в процессе войны сформировалась официальная точка зрения на историческую роль русских солдат, освобождавших «братьев по вере». Так, в одном из анонимных воспоминаний, посвященных войне, отмечалось: «Кто из нас не помнит

этого замечательного времени. Нет деревушки, которая не слышала бы о „добровольцах“; нет города, в котором толпы народа не провожали бы их с благословениями и пожеланиями. Помещик, мужик от сохи, отставной солдат, офицер — все потянулись на войну, где рядом с кровью братьев-сербов лилась уже русская кровь»²⁸. В другом историческом источнике мемуарист указывает: «С какой завистью смотрели мы, бывало, когда из города отправлялись в Сербию добровольцы: мы сами были движимы этими чувствами — помочь нашему брату — болгарину

*Подвиг рядового 2-й роты лейб-гвардии
Измайловского полка Ивана Овчинникова
в деле под Горным Дубняком.
Эстамп из «Сборника военных рассказов...»*

и отомстить туркам за поруганный крест, за поруганную веру Христову; и вот, наконец, дождалась и мы пойдем туда, куда стремились добровольцы!»²⁹. Из приведенных цитат складывается мнение, что не только в высшем свете русского общества, но и в солдатской среде возобладали настроения помощи братьям-славянам.

На первом плане эстампов «Сборника военных рассказов...», посвященных рядовым солдатам, безусловно, было описание подвигов. Некоторые рисунки сопровождалась комментариями. Так, эстамп «Горнист 6-й роты Севского полка Гордый Ткач с перебитой рукой играет наступление, держа рожок левой рукой» дополняет следующая разъясняющая запись:

« — Левая рука осталась? — спрашивает майор Подберезский.

— Осталась, Ваше Высочорордие.

— Валяй левой.

— Слушаю...»

*Сцена из Руцукского отряда. Обед налегке.
Эстамп из «Сборника военных рассказов...»*

Автор рисунка, художник Г. Бролинг, по всей видимости, не старался донести до зрителей реальную составляющую, важнее было отразить идею долга и самопожертвования.

В сюжетном отношении представляет интерес эстамп «Сцена из Руцукского отряда. Обед налегке». На первом плане изображены обедающие русские солдаты, на втором — на-

*Горнист 6-й роты Севского полка
Гордый Ткач с перебитой рукой играет
наступление, держа рожок левой рукой.
Эстамп из «Сборника военных рассказов...»*

ходящееся поодаль офицерство, наблюдающее за происходящим, как бы давая понять, что главное — это обеспечить наличие обильной и качественной пищи для солдат, ведь им через несколько минут идти в бой. В начале войны некоторые офицеры еще расценивали боевые действия против Турции как способ отвлечься от наскучившей им армейской рутины, однако солдаты сразу осознали войну как опасную работу. В целом они понимали, что выполняют волю царя и должны быть верны присяге, но в чем именно заключалась их «ос-

вободительная миссия» большинство рядовых не понимало.

Редакция «Сборника военных рассказов...» не забыла и о так называемых небоевых потерях от антисанитарного состояния, болезней и т. д. Сборник, по сути, явился единственным русским изданием, содержащим актуальные на эту тему эстампы. В частности, гравюра «Гвардейцы в походе. Солдаты жарят насекомых», конечно, не прибавляла популярности войне, но даже такие факты, представленные в визуальных источниках, вряд ли могли поколебать

патриотические настроения в русском обществе.

Таким образом, «Сборник военных рассказов...» стал одним из многочисленных изданий, где были представлены гравюры и рисунки, посвященные войне России на Балканах. Отличительной чертой этого издания являлась оперативность князя В. П. Мещерского как редактора и издателя, стремившегося представить боевые действия по «горячим следам» наряду с самостоятельностью в трактовке образов героев войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877 — 1878 гг. : в 6 т. СПб., 1878 — 1879.
- ² См.: Мещерский В. П. Правда о Сербии и сербах. СПб., 1877 ; Его же. Кавказский путевой дневник. СПб., 1878 ; Его же. Воспоминания. М., 2001.
- ³ См.: Кочуков С. А., Сапрыкин Р. В. Россия и повседневность Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. в отражении «Кавказского дневника» князя В. П. Мещерского // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. Саратов, 2016. Вып. 8. С. 50 — 56.
- ⁴ Сборник военных рассказов... Т. 1. С. 1.
- ⁵ Там же. С. 1 — 2.
- ⁶ Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 207.
- ⁷ Соллогуб В. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. СПб., 1878. С. 66 — 67.
- ⁸ Верещагин В. В. Скобелев : Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. в воспоминаниях В. В. Верещагина. М., 2007. С. 118.
- ⁹ Соллогуб В. Указ. соч. С. 33 — 34.
- ¹⁰ Сборник военных рассказов... Т. 2. С. 563.
- ¹¹ В Порадимском госпитале // Разведчик. 1892. № 90. С. 137.
- ¹² Соллогуб В. Указ. соч. С. 63 — 64.
- ¹³ См.: Кочуков С. А. Русские сестры милосердия в 1877 — 1878 гг. : (По материалам визуальных источников) // Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории. Саратов, 2014. С. 27 — 38.
- ¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 46. Оп. 2. Д. 132. Л. 12 — 12 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Л. 2.
- ¹⁷ Цит. по: Юрьев К. В. Гвардия на Балканах : Из записок гвардейского офицера. СПб., 1880. С. 14 ; Золотарев В. А. Противоборство империй. Война 1877 — 1878 гг. — апофеоз восточного кризиса. М., 2005. С. 213.
- ¹⁸ Герои Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. СПб., 1878. С. 81.
- ¹⁹ Верещагин В. В. Скобелев. С. 229.
- ²⁰ Немирович-Данченко В. И. Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. СПб., 1895. С. 29 — 30.
- ²¹ Фортунатов П. К. Война 1877 — 1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 55 ; Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. М., 1977 ; Виноградов В. И. Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1978. С. 165 ; Золотарев В. А. Указ. соч. С. 322 — 323.
- ²² См.: Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. М., 1956. С. 209.
- ²³ Там же.
- ²⁴ См.: Дмитриевский В. Радецкий и Скобелев в сражении 27-го и 28-го декабря 1877 г. под Шипкой // Русская старина. 1901. Т. 106. № 6. С. 596.
- ²⁵ См.: Соколов Л. Выручка Шипкинского перевала : Из воспоминаний очевидца // Сборник военных рассказов... Т. 1. С. 202 — 234 ; Около Шипки // Там же. Т. 3. С. 140 — 166.
- ²⁶ Цит. по: Яковлев Н. Н. Участие русского народа в освободительной борьбе славян в 1876 — 1878 гг. : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 1964. С. 26.
- ²⁷ Сборник солдатских сочинений. СПб., 1885. Вып. 1. С. 14.
- ²⁸ Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 4.
- ²⁹ Гуськов С. Походы и действия 70-го пехотного Рязского полка в войну 1877 — 1878 гг. (воспоминания вольноопределяющегося). Люблин, 1909. С. 2.

УДК 009.908(930.85):177

Ирина Данииловна Карпова,
Ирина Александровна Сухарева

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В СТАНОВЛЕНИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья...

Никакими методами социологического изучения нельзя вычислить, какое количество добра вливала в людские отношения эта ежедневная, молчаливая, тысячерукая милостыня, насколько она приучила людей любить человека и отучала бедняка ненавидеть богатого.

В. О. Ключевский*

Благотворительность, складывавшаяся на протяжении многих лет в процессе социализации общества, включает представления о приоритетах, нормах и моделях поведения человека в социокультурном пространстве¹. Благотворительность под управлением и с личным участием членов императорской семьи Романовых основывалась на религиозно-нравственных и культурно-исторических принципах, сходных всему отечественному благотворению, при этом имела существенные особенности². Она демонстрировала покровительственное, попечительское, в чем-то даже отечески-заботливое отношение верховной власти к своим подданным,

одновременно оставаясь не показной, а системно-организованной, с четкой структурой социальных учреждений и мероприятий.

Свыше трех столетий царской династии Романовых принадлежала решающая роль в судьбе одной из наиболее великих и могущественных империй. Среди первостепенных задач правителей Российского государства была организация социального медико-санитарного обеспечения, однако задуманные меры оставались трудноразрешимыми. В России отсутствовала официальная государ-

ственная социальная политика, и ее аналогом в общегосударственном масштабе выступали благотворительность и организованная на ее основе социальная помощь под покровительством царской семьи³. Покровительство благотворительности стало устойчивой традицией, которой следовало большинство членов императорской фамилии.

Совершенствование форм и методов опеки над обездоленными жителями страны началось в период правления Екатерины II. Впервые в истории Российской империи на за-

* Ключевский В. О. О нравственности и русской культуре : Добрые люди Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/61991>

конодательном уровне были созданы приказы общественного призрения, в обязанность которых входила социальная поддержка различных слоев населения. Главными направлениями деятельности этих организаций являлись открытие и содержание богаделен, домов для душевнобольных, народных школ, больниц, сиротских и работных домов, где трудились и жили бездомные и нищие⁴.

В 1784 г. приказ общественного призрения начал свою работу в Таврической губернии. вспомогательную роль в общегосударственной системе попечительства играли дворянские опеки и сиротские суды. Первые заботились об имуществе дворянских детей-сирот и недееспособных дворян, вторые занимались опекой вдов и сирот купеческого, мещанского и ремесленного сословий. 24 марта 1787 г. первой в Таврической губернии начала действовать симферопольская дворянская опека, в последующее время стала функционировать и ялтинская. В Таврической губернии в конце XVIII — начале XX в. действовало 8 сиротских судов: Бахчисарайский, Евпаторийский, Карасубазарский, Керчь-Еникальский, Перекопский, Симферопольский, Старокрымский и Ялтинский.

Во времена правления Павла I ведущую роль в развитии попечительства сыграла императрица Мария Федоровна, являвшаяся главой большинства благотворительных учреждений государства, названных в дальнейшем «Ведомство учреждений императрицы Марии». Благодаря стараниям царицы в различных регионах страны открывались новые богадельни, больницы и сиротские дома.

В период царствования Александра I в сфере призрения произошел постепенный переход от централизованного попечительства к общественному самоуправлению. В ведении правительства оставались лишь контрольная и регулятивная функции.

В это время филантропия приобрела статус национально значимого дела. Царским рескриптом от 16 мая 1802 г. было основано «Благотворительное общество», переименованное в 1814 г. по настоянию императрицы Елизаветы Алексеевны в «Императорское человеколюбивое общество», которое «...немало способствовало повышению престижа благотворительности в общественном мнении, придавая ей статус государственной службы, весьма почтенный для большинства россиян»⁵. Данные учреждения помогали людям, оказавшимся нетрудоспособными по старости или по состоянию здоровья, а также оставшимся без средств к существованию⁶. Сочетание частной, общественной благотворительности и государственного призрения следует рассматривать как взаимодействие общества и государства в решении социальных задач.

В эпоху правления Александра I благотворительные организации и учреждения открывались во многих регионах Российской империи, в том числе в Таврической губернии. В частности, городской отдел «Императорского человеколюбивого общества» был создан в Евпатории⁷. В 1845 г. в состав «Ведомства учреждений императрицы Марии» вошел керченский Кушниковский институт

благородных девиц, функционировавший с 1836 г. благодаря пожертвованиям действительного статского советника Г. С. Кушникова⁸.

Крымская война (1853 — 1856 гг.) коренным образом изменила отношение власти к оздоровительным организациям. Система государственного призрения, построенная в николаевскую эпоху, не отвечала вызовам времени, поэтому уже в первые месяцы боевых действий бремя по поддержке военнослужащих и лиц, пострадавших от разрушений, причиненных союзнической армией, легло на общественность страны. В 1854 г. великая княгиня Елена Павловна основала Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия, предназначенную для оказания помощи раненым и больным. Средства общины состояли из пожертвований императорской семьи, а также частных денежных вкладов, полученных от государственных деятелей, меценатов и предпринимателей⁹.

Приход к власти Александра II в 1855 г. определил принципиально новый государственный подход к проблемам попечительства. В 1859 г. император утвердил большинство ходатайств об открытии оздоровительных учреждений в различных регионах Российской империи. Позже появились

Кушниковский институт благородных девиц. г. Керчь

«Правила о православных церковных братствах», позволявшие этим объединениям заниматься образовательной, миссионерской и благотворительной деятельностью. Решающее значение в реформировании общественного призрения имели Земская реформа (1864 г.) и реформа городского самоуправления (1870 г.). Создание земств привело к ликвидации приказов общественного призрения. Таким образом, в период правления Александра II произошла глобальная социокультурная трансформация системы государственного попечительства и общественной благотворительности.

В 1876 г. Российская империя присоединилась к Женевской конвенции. Положения этого документа, выдвинутые Красным Крестом в 1864 г., предусматривали гуманное отношение к пленным и раненым воинам. Сформировалось «Российское общество попечения о раненых и больных воинах», которое в 1876 г. переименовали в «Российское общество Красного Креста». Эта организация играла важную роль в преодолении последствий войн, эпидемий, стихийных бедствий и голода. Благодаря ей строились лазареты, временные убежища, госпитали.

25 ноября 1867 г. начало работу «Таврическое окружное местное управление общества попечения о раненых и больных воинах», переименованное в «Таврическое окружное местное управление Красного Креста». 26 октября 1884 г. при ялтинском местном комитете «Российского общества Красного Креста» была создана ялтинская община сестер милосердия «Всех скорбящих радость». Через год при общине открыли лечебницу и амбулаторию с бесплатным

приемом больных и бесплатной выдачей лекарств. В 1886 г. в «память высочайшего приезда государыни императрицы в Ялту» Ялтинское городское общественное управление для строительства здания общины безвозмездно выделило «...участок земли площадью 200 кв. саженей». На постройку здания и для создания основного капитала в общину поступили пожертвования от членов царской семьи: 5 тыс. руб. от императора и императрицы, а также значительные суммы от цесаревича и великих князей Николая Александровича и Александра Михайловича¹⁰.

В конце XIX в. начали благотворительную деятельность два специализированных ведомства, входивших в состав «Ведомства учреждений императрицы Марии», — «Попечительство императрицы Марии Александровны о слепых» (1881 г.) и «Попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых» (полное название — «Состоящее под августейшим покровительством их императорских величеств Попечи-

тельство императрицы Марии Федоровны о глухонемых», 1898 г.)¹¹. Эти структуры фактически решали общегосударственные задачи по социальной и медицинской помощи слепым, больным глазными болезнями, глухонемым и глухим.

С 80-х гг. XIX столетия государственная политика в отношении социальной защиты и реабилитации жителей Российской империи в результате контрреформ правительства Александра III стала более сдержанной. Однако развитию Крымского полуострова император уделял особое внимание. С 1870 г. и вплоть до Русско-турецкой кампании (1877 — 1878 гг.) царская семья ежегодно приезжала в Таврическую губернию — в Ливадию¹². Для Александра III Ливадия была не только любимым местом семейного отдыха, но и своеобразной школой освоения сложнейших вопросов европейской политики. В период его царствования на фоне обустройства императорского имения проходило бурное развитие Ялты как первоклассного курорта, и в этом за-

ключается большая роль царствующих особ. Романовы делали значительные денежные пожертвования на строительство школ, училищ, санаториев и других общественных зданий. Следуя примеру царской семьи, вносили средства также знатные и богатые люди города. По личному указанию Александра III в Ялте были построены современный порт и набережная, дан заказ на разработку проекта и строительство собора имени Александра Невского, значительно усовершенствована инфраструктура города-курорта, в том числе знаменитого на весь мир «Массандровского» винного подвала¹³.

По личным указаниям Александра III, а затем

Община сестер милосердия. г. Ялта

<http://old-photo.gallery>

Санаторий Александра III. г. Ялта

Николая II, часть земель удельных имений в Массандре и Ай-Даниле была предоставлена в бесплатную аренду Ялтинской думе на городские нужды и благотворительным обществам под строительство санаториев и приютов¹⁴. В память об Александре III, скончавшемся в Крыму осенью 1894 г., в 1901 г. в Ялте был открыт благотворительный санаторий, учрежденный княгиней М. В. Барятинской на земле, которую для этой цели пожаловал император Николай II: «Государь Император повелел выделить из удельного имения Массандра для устройства этого санатория участок земли около 20 десятин, который по местным ценам стоит около полумиллиона рублей... По подсчету полное устройство санатория на 100 больных обойдется свыше 300 рублей»¹⁵.

В 1910 г. в Ливадии была открыта «Алексеевская» амбулатория. Как известно, цесаревич Алексей болел гемофилией. Когда царская семья приехала в Ливадию с пятилетним сыном, Эмир Бухарский пожертвовал Ялте 30 тыс. руб. на сооружение лечебницы. После ее открытия и освящения она была названа в честь цесаревича¹⁶.

В Ливадии в начале XX в. в связи с частыми приездами высо-

чайшего двора резко увеличилось число жителей, и старая больница уже не справлялась с потоком больных. В связи с этим встал вопрос о строительстве нового здания и расширении штата обслуживающего персонала. В начале февраля 1914 г. под постройку новой больницы было выбрано «...Высочайше одобренное место ниже (Вознесенской) церкви в имении „Ливадия“». Проектирование здания поручили архитектору Ливадийского имения Глебу Петро-

вичу Гущину. В апреле 1914 г., во время пребывания высочайшего двора в Ливадии, Николай II собственноручно написал: «...постройку начать теперь, осенью сделаем закладку», а напротив пункта «Во имя какого святого должна быть сооружена больничная церковь» отметил — «Святого Пантелеимона»¹⁷.

Начавшееся в мирное время строительство продолжилось и в военные годы. Александра Федоровна торопила строительные работы, предназначив новый лазарет для раненых и больных офицеров и нижних чинов, а мансардное помещение — для больных сестер милосердия. Врач В. Я. Пантюхин в своем рапорте от 1 октября 1915 г. писал: «Относительно оборудования новой больницы Ея Величество изволила приказывать воспользоваться всеми имеющимися в Дворцовых помещениях предметами... Все, чего нельзя получить в Ливадии, купить и заказать»¹⁸. 11 апреля 1916 г. состоялось освящение нового лазарета, на которое царская семья ассигновала 300 руб. По высочайшему соизволению, больница получила название «Лазарет Ея Величества Государыни Импера-

Лазарет Ея Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны в Ливадии

трицы Александры Федоровны в Ливадии». В ней проходили лечение самые тяжелые пациенты, которых к лету 1916 г. насчитывалось 80 чел. 31 января 1917 г. в лазарете была открыта и освящена домовая церковь во имя Святого целителя Пантелеймона, что стало последним значительным событием, связанным с царской семьей Романовых¹⁹.

В годы Первой мировой войны для помощи лицам, пострадавшим от военных действий, был создан ряд благотворительных комитетов под покровительством дома Романовых. Так, в 1914 г. появился «Комитет Ее императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий», или «Татьянинский комитет». В Крыму работало его Таврическое губернское отделение. Эта благотворительная организация оказывала материальную поддержку, трудовую помощь, выделяла средства демобилизованным для возвращения домой, строила богоугодные заведения для пострадавших от военных действий²⁰. Работали «Комитет Ее императорского Высочества Марии Павловны» «...по снабжению одеждой низших чинов, увольняемых на родину из лечебных заведений»; временный комитет на южном берегу Крыма для помощи «больным и раненым, пострадавшим в действующей армии на Дальнем Востоке» под покровительством великой княгини Ксении Александровны; «Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» под высочайшим покровительством Николая II²¹.

Царская семья была неразрывно связана с формированием и развитием в Крыму противотуберкулезных санаториев. В 1911, 1912, 1913 и 1914 гг. императрица Александра Федоровна организовала в Ялте 4 больших базара в пользу туберку-

Благотворительный базар в Ялте

Императорские дети на празднике «Белый цветок»

лезных больных; императорская семья принимала также участие в проведении благотворительного праздника «Белый цветок»*. Собранные денежные средства пошли на строительство «Домов для выздоравливающих и переутомленных», а также санатория имени императрицы Александры Федоровны для лечения моряков, больных туберкулезом. Лечебные учреж-

дения начали возводить в имени «Массандра» на земельных участках, пожертвованных для этой цели царской семьей. 29 мая 1913 г. состоялась закладка первого строения санатория — корпуса для лечения офицеров. 22 апреля 1914 г. в присутствии членов императорской семьи его освятили, присвоив имя великой княжны Ольги Николаевны²².

Выручка от продажи «белых цветков» давала возможность под-

* Праздник милосердия и благотворительности, направленный на борьбу с туберкулезом.

держивать деятельность Ялтинского отдела Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом. Основатели отдела, среди которых были известные крымские врачи, общественные деятели, ялтинское земство, стремились максимально оказать помощь многим тысячам туберкулезных больных, приезжавших на южный берег Крыма поправить свое здоровье.

С началом Первой мировой войны в Ливадии на средства императрицы Александры Федоровны были построены новая хирургическая больница, а в удельном имении «Кучук-

Ламбат» — еще один «Санаторий для раненых и утомленных»²³.

Таким образом, в Российской империи происходило постепенное развитие системы социальной защиты, состоявшей не только из государственных органов, но также из частных и общественных организаций. В условиях отсутствия социальной государственной политики организованная благотворительность в форме ведомств и комитетов призрения под покровительством дома Романовых фактически выступала средством решения государственных

задач в сфере социальной помощи и здравоохранения.

В результате филантропической деятельности династии Романовых в конце XIX — начале XX в. в Крыму насчитывалось около 80 благотворительных санитарно-оздоровительных организаций и учреждений, находившихся под августейшим покровительством. Они назывались «императорские», «романовские», «царские» или конкретными именами великих князей и княжон. Носить такое имя было почетно и ответственно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Жуков Г. В. Благотворительность как инструмент фандрейзинга в социокультурном пространстве современного общества : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии. Краснодар, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/blagotvoritelnost-kak-instrument-fandreyzinga-v-sotsiokulturnom-prostranstve-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 26.11.2018).
- ² См.: Соколов А. Р., Зимин И. В. Благотворительность семьи Романовых. XIX — начало XX в. : Повседневная жизнь российского императорского двора. СПб., 2015. С. 6.
- ³ Там же.
- ⁴ Формирование системы государственной помощи и развитие общественного и частного призрения в истории России [Электронный ресурс]. URL: http://otherreferats.allbest.ru/history/00105725_0.html (дата обращения: 26.11.2018).
- ⁵ Соколов А. Р. Благотворительная деятельность «Императорского человеколюбивого общества» в XIX веке // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 110.
- ⁶ См.: Хитров А. А. Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX — начало XX века : (По материалам Санкт-Петербурга и Петербургской губернии). Калининград, 2004.
- ⁷ Федченко Л. Романовы и Крым : «В Крыму была жизнь...» [Электронный ресурс] URL: <http://cherepovets-eparhia.ru/romanovy-i-krym-v-krymu-byala-zhizn-l-fedchenko> (дата обращения: 07.11.2018).
- ⁸ См.: Савочка А. Н. Благотворительность в Таврической губернии (1802 — 1920). Симферополь, 2012. С. 56.
- ⁹ См.: Сухарева И. А., Карпова И. Д., Воробьева А. С. Гуманитарно-героическая деятельность сестер милосердия и медицинских сестер в периоды освободительных войн в России // Таврический медико-биологический вестник. 2017. № 3 (20). С. 134 — 135.
- ¹⁰ Община сестер милосердия «Всех скорбящих радость» [Электронный ресурс]. URL: <http://oldyalta.ru/145-obschina-sester-miloserdiya-vseh-skorbyaschih-radost.html> (дата обращения: 10.03.2019).
- ¹¹ См.: Краткий очерк деятельности Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых. 1881 — 1981. СПб., 1892 ; Попечительство Марии Александровны о слепых : (ист. очерк). СПб., 1909 ; Положение о состоящем под августейшим покровительством их императорских величеств попечительство императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Саратов, 1909.
- ¹² См.: Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым : «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2002. С. 79.
- ¹³ Александр III на южном берегу Крыма [Электронный ресурс]. URL: <http://vizit.yalta.com.ua/photo/34747> (дата обращения: 28.02.2019).
- ¹⁴ См.: Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Указ. соч. С. 209.
- ¹⁵ В память Александра III [Электронный ресурс]. URL: <http://oldyalta.ru/143-v-pamat-aleksandra-iii.html> (дата обращения: 28.02.2019).
- ¹⁶ Федченко Л. Указ. соч.
- ¹⁷ Ливадийская санаторная школа-интернат. История школы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xn--80adheldq8g.xn--p1ai/history> (дата обращения: 22.01.2019).
- ¹⁸ Лазарет Ея И. В. Александры Федоровны в Ливадии [Электронный ресурс]. URL: <http://oldyalta.ru/524-lazaret-eya-imperatorskogo-velichestva-aleksandry-fedorovny-v-livadii.html> (дата обращения: 10.03.2019).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ См.: Очерк деятельности Особого отдела Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 8. Стб. 835 — 866 ; Падучев В. Помощь жертвам войны со стороны Татьянинского комитета // Там же. № 1 — 2. Стб. 83 — 100.
- ²¹ Федченко Л. Указ. соч.
- ²² Под покровительством царской семьи: храм святителя Николая Чудотворца и мученицы царицы Александры при санатории для легочных больных в Нижней Массандре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ipro.ru/historyipro/article/pod-pokrovitelstvom-carskoj-semi-hram-svyatitelya--200588> (дата обращения: 12.03.2019).
- ²³ Ливадийский дворец в жизни Николая II и его семьи [Электронный ресурс]. URL: <https://duguchkin.livejournal.com/11732.html> (дата обращения: 02.03.2019).

УДК 94(470.345).084.6«1936/1937»

Владимир Иванович Лаптун

«МЕНЯЛИСЬ ДИРЕКТОРА – МЕНЯЛОСЬ ОТНОШЕНИЕ...»

К вопросу взаимоотношений М. М. Бахтина с руководителями мордовских вузов*

Часть 2: 1945 – 1950 гг.**

Всю войну М. М. Бахтин работал учителем средней школы в небольшом городке Кимры бывшей Калининской (ныне Тверской) области¹. Безусловно, эта работа не устраивала ученого, поэтому сразу же после окончания войны он всерьез задумался о смене вида деятельности. Михаил Михайлович понимал, что заниматься научно-педагогической практикой в Москве или Ленинграде в силу известных причин ему не удастся, а значит, он опять мог рассчитывать лишь на какой-нибудь провинциальный вуз. В Наркомпросе РСФСР, куда Бахтин пришел в надежде получить назначение на работу, он разыскал своего старого знакомого Георгия Сергеевича Петрова. Вот как вспоминал об этой встрече сам Михаил Михайлович: «...я пошел тогда... чтобы получить какое-нибудь назначение опять в какой-нибудь провинциальный вуз. И там я как раз

нашел заведующего отделом пединститутков, моего декана по Саранску, бывшего декана. Он меня увидел: „Возвращайтесь в Саранск. Я Вас сейчас же туда направлю, напишу директору. Вам будет обеспечено все, что нужно. Поезжайте лучше всего в Саранск“. Ну, я и поехал туда»². Так Бахтины вновь оказались в столице Мордовии.

В то время МГПИ им. А. И. Полежаева незадолго до приезда М. М. Бахтина возглавил *Мухамеджан Юлдашевич Юлдашев* (1904 — 1985). Вот, что о нем известно.

М. Ю. Юлдашев родился 1 мая 1904 г. в Бешарыкском районе Ферганской области Узбекской ССР. Кандидат исторических наук (1947), доктор исторических наук (1953), член-корреспондент Академии наук Узбекской ССР (1956), академик АН УзССР (1968). В 1928 г. он окончил Ташкентский коммунистический уни-

верситет имени В. И. Ленина, затем работал заведующим организационным отделом Старогорского обкома партии г. Ташкента, секретарем райкома ВКП(б), заведующим отделом Среднеузбекского бюро ЦК ВКП(б). С 1931 по 1933 г. Юлдашев учился в Институте красной профессуры в Москве, но вскоре был направлен на партийную работу в Украину. С 1935 г. он продолжил обучение в Институте красной профессуры. С 1937 г. находился на партийной работе в Узбекистане. В 1940 — 1941 гг. возглавлял наркомат просвещения Узбекистана. С 1942 по 1945 г. Юлдашев являлся директором Бугурусланского учительского института. В 1945 г. был назначен директором МГПИ³.

По воспоминаниям В. Б. Естифеевой, являвшейся долгое время коллегой Михаила Михайловича по кафедре и одновременно соседкой по дому, «директор пединститута М. Ю. Юлдашев встретил Бахтиных доброжелательно и в меру своих возможностей старался им помочь»⁴. Так, по

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Бахтинская энциклопедия», № 18-012-00341 А.

** Начало см. в № 2, 2019 г.

приезду в Саранск Бахтиным была предоставлена комната в одном из лучших домов, которыми в то время располагал институт. Он находился в самом центре города (ул. Советская, д. 34. — В. Л.). До революции в этом здании была городская тюрьма, переоборудованная в 1930-х гг. в жилой дом, который затем передали на баланс МГПИ.

Практически сразу же Михаил Михайлович и Елена Александровна столкнулись с бытовыми трудностями. Наиболее остро стоял вопрос с топливом для жилья. «Доехали мы вполне благополучно, — писал М. М. Бахтин М. В. Юдиной в ноябре 1945 г. — Но здесь оказалось катастрофическое положение с топливом; у Института дров нет, на рынке они недоступны, и перспективы в этом отношении самые мрачные. Нагрузка в институте оказалась небольшая. Снабжение здесь, правда, неплохое, но вопрос с топливом ставит под угрозу наше существование здесь (есть, конечно, и еще минусы)»⁵. Надо отдать должное директору института, который вошел в положение Бахтиных и помог им получить дефицитное в то время топливо. С большой степенью вероятности можно утверждать, что решение этой, казалось бы, небольшой бытовой проблемы во многом способствовало изменению желания Бахтиных уехать из Саранска в поисках более благоприятных условий. Известно, что у М. М. Бахтина была ампутирована выше колена правая нога, и с 1938 г. он передвигался исключительно на костылях. На этот факт сразу же обратил внимание и М. Ю. Юлдашев, по распоряжению которого «в весеннюю и осеннюю слякоть, в зимние холода М. М. Бахтина возили на лекции и с лекций на директорской лошадке. Кучер — подросток Илюша, которого Е. А. Бахтина подкармливала в это голодное время, ни разу не опоздал к назначенному времени <...> Подлинно

М. М. Бахтин. 1940-е гг.

гуманное отношение к людям, зависящим от него, видимо, было чертой характера М. Ю. Юлдашева»⁶.

Директор не только нивелировал бытовые трудности М. М. Бахтина, но и всячески помогал ему в научно-педагогической деятельности. Например, М. Ю. Юлдашев прекрасно знал о том, что Михаил Михайлович готовится к защите диссертации в Институте мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР (ИМЛИ). Его диссертационное исследование «Франсуа Рабле в истории реализма» фактически было готово, но все же нуждалось в некоторой доработке.

Несмотря на приближавшуюся зачетно-экзаменационную сессию, Юлдашев без лишних слов во второй половине мая 1946 г. предоставил Бахтину командировку в Москву «для подготовки диссертации и сбора материала для работы о Гоголе»⁷, а также для решения некоторых организационных вопросов, связанных с предстоящей защитой.

Именно «организационные вопросы» стали камнем преткновения для М. М. Бахтина. Как известно, в диссертационный совет необходимо было сдать не только защищаемую работу, но и сопутствующие документы, среди них — диплом об окончании вуза, а также документ о сдаче кандидатского минимума. Затребованный перечень необходимых документов вызвал у Михаила Михайловича, мягко говоря, легкую панику. Дело в том, что у Бахтина отсутствовал диплом об окончании высшего учебного заведения, несмотря на то, что во всех официальных документах при поступлении на работу в графе «образование» он указывал, что в 1918 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. Между тем диплома его никто никогда не видел, да и не мог видеть, так как официально Бахтин никакого вуза не заканчивал⁸. Тем не менее его знания, опыт, эру-

Дом в котором Бахтины жили с 1945 по 1958 гг.

диция, высочайший профессионализм никогда не вызывали сомнений не только у коллег, но и у известных литературоведов, философов и историков культуры. Но, как бы там ни было, бюрократизм никто не отменял. Согласно действовавшей в то время инструкции «О порядке применения постановлений Совета народных комиссаров СССР от 20 марта 1937 г. и 26 апреля 1938 г. «Об ученых степенях и званиях» (С изменениями в 1941, 1945 и 1946 гг.), ученые степени присуждались «гражданам СССР, имеющим законченное высшее образование», а сам диссертант для защиты и последующего присуждения ученой степени должен был предоставить копию диплома⁹.

Другой существенной проблемой для М. М. Бахтина была сдача кандидатского минимума. Подобная перспектива, судя по всему, также мало его «радовала» и, конечно же, не из-за сложности самого экзамена, а чисто психологически. Напомним, что Бахтину было уже за 50 и он заведовал вузовской кафедрой. Можно предположить, что именно поэтому Михаил Михайлович попытался обойти сию, в какой-то степени «унизительную», для него процедуру.

И здесь директор МГПИ М. Ю. Юлдашев постарался помочь М. М. Бахтину. По крайней мере, сделал все от него зависящее. Седьмого июня 1946 г. в Мордовском пединституте состоялось заседание ученого совета, на котором было принято решение ходатайствовать перед Высшей аттестационной комиссией (ВАК) об освобождении Михаила Михайловича от сдачи «кандидатских испытаний» на следующих основаниях:

«1. Бахтин М. М. известен своими научными трудами по русской и западной литературе (книга о Достоевском, исследовательские статьи о Толстом, по истории романа и сатиры, книга о Рабле — в рукописи и др.). О научных работах Бахтина

М. Ю. Юлдашев

имеется ряд положительных печатных отзывов профессоров В. В. Виноградова, Берковского и др.) и в том числе вполне положительная специальная статья покойного академика А. В. Луначарского (опубликована первоначально в журнале „Новый мир“, вошла затем в посмертное собрание статей Луначарского „Классики“).

2. Бахтин обладает солидной эрудицией по специальным дисциплинам, по философии и экономическим наукам (имеет печатные работы), хорошо владеет древними (греческим и латинским) и новыми (французским, немецким, итальянским и английским) языками.

3. Бахтин М. М. имеет большой научный и педагогический опыт, приобретенный им за 25 лет работы в высших учебных заведениях и исследовательских учреждениях.

4. Бахтин М. М. имеет законченную диссертационную работу объемом в 35 — 40 печатных листов („Рабле в истории реализма“). Работа раскрывает народные источники реализма Рабле и прослеживает традиции этого реализма по документам и фольклорным записям, с широким использованием многоязычной литературы вопроса. Оригинальность,

строгая обоснованность и научное значение диссертации Бахтина засвидетельствованы в развернутых отзывах о ней авторитетных специалистов — профессоров Ленинградского университета и сотрудников Академии наук А. А. Смирнова и Б. В. Томашевского. Директор института Юлдашев¹⁰.

Можно предположить, что принятию данного решения ученым советом МГПИ мог способствовать давний знакомый М. М. Бахтина, заведующий отделом Наркомпроса Г. С. Петров. Косвенно это подтверждает тот факт, что буквально накануне Михаил Михайлович побывал в командировке в Москве. Возможно, при встрече с Петровым он поделился с ним своими проблемами, и тот ему посоветовал подготовить данное ходатайство. Но, как бы там ни было, аргументы ученого совета МГПИ, вероятно, не показались ВАК убедительными, и Бахтину все-таки пришлось «сдавать» кандидатский минимум в Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина (ныне МПГУ. — В. Л.).

Скорее всего, Михаил Михайлович на самом деле никаких экзаменов не сдавал. В отделе аспирантуры института, надо полагать, не без помощи его именитых друзей, Бахтину просто выдали справку (датирована 24 июня 1946 г. — В. Л.), в которой говорилось, что он полностью сдал кандидатский минимум по 6 дисциплинам, включая античную литературу, литературу XVIII, XIX, XX вв., немецкий и французский языки, историю философии и диалектический и исторический материализм — все на «отлично»¹¹. Косвенно этот факт подтверждают и воспоминания В. Я. Кирпотина, бывшего в то время заместителем директора ИМЛИ: «На день ушел (имеется в виду М. М. Бахтин. — В. Л.) в Институт имени Ленина и принес справку о сдаче кандидатского минимума»¹².

Едва Михаил Михайлович разобрался с одной проблемой, как неожиданно возникла другая. Дело в том, что, согласно новым учебным планам на 1946/47 учебный год, для Мордовского пединститута была предусмотрена только одна кафедра по литературе. И не факт, что ее возглавил бы именно М. М. Бахтин. Как известно, на тот момент в институте функционировали две литературные кафедры: одну из них, русской литературы, возглавлял Алексей Иванович Панферов, родной брат известного советского писателя Федора Ивановича Панферова, а другую, всеобщей литературы — Бахтин, который, в случае слияния кафедр, вполне мог потерять статус заведующего. Но вновь на помощь пришел уже неоднократно содействовавший Михаилу Михайловичу в трудных жизненных ситуациях Г. С. Петров.

В личном архиве М. М. Бахтина сохранилось его письмо, адресованное директору МГПИ М. Ю. Юлдашеву. Г. С. Петров писал:

«Я бы хотел помочь Вам в одном важном деле. По новым планам (на 1946/47 г.) для Вашего института предусмотрена одна кафедра по литературе. Но мне бы хотелось сохранить и кафедру по всеобщей литературе.

Прошу Вас, когда приедете для утверждения штатов (24.VII), захватите с собой ходатайство от института и обкома ВКП(б) о сохранении двух кафедр по литературе.

Ходатайство надо подкрепить следующими мотивами:

а) Мордовский институт начал широко развертывать свою учебную и научную работу. На факультете языка и литературы с будущего года будет три специальности (см. новые учебные планы); работа кафедр литературы играет большую роль в деле подготовки национальных кадров по этим специальностям.

б) Кафедру всеобщей литературы необходимо сохранить еще и потому,

что члены кафедры (Бахтин М. М.) ведут большую исследовательскую работу (результаты этой работы, отзывы о ней и пр.).

в) Еще мотивы по Вашему усмотрению.

Если все это будет представлено, можно будет настаивать перед Министерством высшего образования СССР о сохранении кафедр. Иначе придется слить обе кафедры»¹³.

Письмо датировано 2 июля 1946 г. Возникает резонный вопрос: как письмо, адресованное директору, могло оказаться в архиве М. М. Бахтина? Можно предположить, что М. Ю. Юлдашев сам передал его Бахтину с тем, чтобы тот подготовил необходимые мотивированные ходатайства от обкома ВКП(б) и института, а также подробно охарактеризовал исследовательскую работу, проводимую членами кафедры. Вероятно, доводы института оказались убедительными, так как обе кафедры просуществовали еще 5 лет. Они были объединены только в начале 1950-х гг.

Как известно, кандидатская диссертация М. М. Бахтина «Франсуа Рабле в истории реализма» была им блестяще защищена 15 ноября 1946 г. в ИМЛИ. Мы не будем подробно

останавливаться на всех перипетиях этой защиты, а лишь напомним два, на наш взгляд, ее ключевых момента. Во-первых, ученый совет ИМЛИ единогласно присудил Бахтину степень кандидата филологических наук и, во-вторых, на голосование был вынесен еще один вопрос: предложение официальных оппонентов диссертанта профессоров А. А. Смирнова, И. М. Нусинова и А. К. Джигелегова о присуждении Бахтину степени доктора филологических наук. С минимальным перевесом в 1 голос (7 — «за» и 6 — «против») вопрос был решен положительно. В связи с этим ученый совет ИМЛИ внес ходатайство в Министерство высшего и среднего специального образования о присуждении Бахтину степени доктора филологических наук.

Забегая вперед, отметим, что эпопея с присуждением Михаилу Михайловичу докторской степени затянулась на несколько лет и завершилась не в его пользу. Менялось время, а вместе с ним и отношение к работе Бахтина. Но вновь вернемся в 1946 г., в Саранск. Весть о блестящей защите Бахтиным диссертации в мгновение ока облетела пединститут. Его поздравляли, желали дальнейших успехов.

М. М. Бахтин среди студентов и преподавателей. Конец 1940-х гг.

Вслед за ученым советом ИМЛИ работа М. М. Бахтина была по достоинству оценена и руководством Мордовского пединститута. Так, в отчете МГПИ о научно-исследовательской деятельности за 1946 г., в разделе «Лучшие работы, выполненные в 1946 году, их научное и практическое значение», в частности, говорилось: «К лучшим работам, выполненным в 1946 году, следует раньше всего отнести кандидатскую диссертацию преподавателя (так в тексте. — В. Л.) всеобщей литературы Бахтина М. М. на тему: „Рабле в истории реализма“ <...> Работа М. М. Бахтина уделяет большое внимание историко-литературному анализу особенностей гротескного реализма, привлекая значительный новый материал документов, текстов, фольклорных записей. В работе прослеживается история народного стиха и гротескных форм от античности до нового времени. Кульминационным пунктом этой истории является творчество Рабле, которое и подвергается в работе всестороннему анализу»¹⁴.

Казалось бы, все у Михаила Михайловича на новом месте складывалось весьма благополучно. Единственное, что настораживало — это крайне затянувшееся утверждение ВАК его диссертации. Пока экспертная комиссия решала, какой же степени достоин диссертант — кандидатской или докторской, в ноябре 1947 г. ситуация вокруг диссертации М. М. Бахтина резко изменилась, причем в худшую сторону. Причиной тому стала статья в газете «Культура и жизнь» (20 ноября) под названием «Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения». Автором статьи был некто В. Николаев, который наряду с критикой работы ИМЛИ и его ученого совета крайне отрицательно отзывался и о диссертации М. М. Бахтина. В статье говорилось: «В ноябре 1946 года Ученый Совет института присудил докторскую степень за

псевдонаучную фрейдистскую по своей методологии диссертацию Бахтина на тему „Рабле в истории реализма“. В этом „труде“ серьезно разрабатываются такие „проблемы“, как „гротескный образ тела“ и образы „материально-телесного низа“ в произведении Рабле и т. п.»¹⁵

Такой «лестный» отзыв в столь авторитетной газете послужил поводом для резкого изменения мнения о знаменитой работе Бахтина не только в Москве, но и в Саранске. По словам В. Б. Естифеевой, местное руководство сочло нужным прореагировать на публикацию в центральной прессе, поэтому кафедре литературы пединститута было поручено обсудить статью В. Николаева и дать оценку диссертации М. М. Бахтина. Выступающие, как это было принято в то время, были намечены заранее, и в институте не стихали разговоры о предстоящем «мероприятии». Валентина Борисовна припоминает один забавный эпизод: «Во время перерыва между лекциями в маленькой преподавательской комнате за столом сидел Михаил Михайлович и, сделав из листа бумаги лодочку для пепла, курил. Он глубоко ушел в свои мысли и, казалось, не замечал входящих и выходящих людей и не слышал оживленной беседы сидящих невдалеке. К нему подошел преподаватель русского языка М. и негромко спросил: „Михаил Михайлович, кто такой Фрейд?“ Лицо Михаила Михайловича озарила доброжелательная улыбка, и он кратко и доступно начал рассказ об австрийском враче-психиатре и его теории и методе психоанализа. Как только он заговорил, все, кто был в преподавательской, придвинулись к нему. Присутствующие имели весьма смутное представление о творце „враждебной идеологии“ и, следовательно, не могли знать, что значит выражение „фрейдистская по своей методологии“»¹⁶.

К счастью, «обсуждение-осуждение» не состоялось. Этому во многом

способствовал директор пединститута М. Ю. Юлдашев, которому удалось убедить высокое начальство в его нецелесообразности — бессмысленно обсуждать диссертацию, пока о ней не высказала своего мнения ВАК. Но экспертный совет ВАК молчал. Постепенно страсти вокруг нашумевшей статьи улеглись, и жизнь в институте пошла своим чередом. Михаил Михайлович читал студентам лекции, проводил семинарские занятия, руководил работой кафедры.

В то же время, как выясняется, Михаила Михайловича по-прежнему не покидала мысль уехать из Саранска и трудоустроиться где-нибудь поближе к Москве. В личном архиве М. М. Бахтина сохранилось два письма от Г. С. Петрова, датированные апрелем 1948 г. Из их содержания следует, что Михаил Михайлович обращался к Петрову с просьбой подыскать для него новое место работы¹⁷. Когда и в связи с чем у него возникла такая идея, сейчас сказать трудно. Однако можно предположить, что этому решению во многом способствовали события, произошедшие в его жизни вскоре после защиты диссертации. Во-первых, это затянувшаяся эпопея с присуждением Михаилу Михайловичу докторской степени¹⁸, а во-вторых, резко изменившееся после всех событий отношение к его работе о Рабле и, в какой-то степени, лично к нему.

Следует отметить, что Г. С. Петров действительно искал Михаилу Михайловичу новое место работы. Вырисовывалось два основных варианта. Первый — перевод в один из подмосковных учительских институтов на должность заместителя директора или заведующего кафедрой; второй — перевод в Новозыбковский пединститут на заведование кафедрой литературы. Наиболее реальным, конечно же, представлялся вариант с Новозыбковым, тем более, что Петров фактически договорился с директором пединститута. Требо-

валось только согласие Бахтина. При этом Петров торопил Бахтина с ответом, но, несмотря на его убедительную просьбу сообщить о своем решении, Михаил Михайлович этого не сделал. Видимо, взвесив все «за» и «против», Бахтины отказались от данной затеи и остались в Саранске. Об этом, в частности, Михаил Михайлович сообщал в письме М. В. Юдиной, датированном 27 апреля 1948 г.: «Я не сразу Вам ответил, так как поджидал выяснения моих здешних дел (в смысле отъезда и пр.), но пока все у нас еще неопределенно. <...> Петров мне писал и предложил приехать в Новозыбков (Брянской области), но это далеко и там, говорят, хуже, чем в Саранске. Менять Саранск на Новозыбков во всяком случае не имеет смысла»¹⁹.

На наш взгляд, было еще одно немаловажное обстоятельство, которое могло подтолкнуть М. М. Бахтина к решению уйти из МГПИ. В марте 1948 г. директор института М. Ю. Юлдашев, покровительствовавший Михаилу Михайловичу, получил новое назначение и покинул Саранск. Новым директором Мордовского пединститута стал *Яков Дементьевич Бетяев* (1900 — 1953). Кандидат философских наук (1940). По национальности — мордвин (эрзя). Член ВКП(б) с 1927 г.

Я. Д. Бетяев родился в крестьянской семье в с. Болдасеве ныне Ичалковского района Республики Мордовия. До 1914 г. работал в хозяйстве своего отца. В 1917 г. окончил Берегово-Сыресево-Сыресевское двухклассное училище и некоторое время работал в нем мастером, затем — мастером патронного цеха в поселке Иващенко (ныне г. Чапаевск Самарской области). В 1919 — 1922 гг. служил в Красной армии. После демобилизации вернулся в родное село, где в 1923 — 1926 гг. был секретарем сельского совета, затем председателем сельского комитета общества взаимопомощи. До осени 1927 г. вел работу по лик-

Я. Д. Бетяев

видации неграмотности в Апраксинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии. В 1929 г. Бетяев окончил Ульяновскую губернскую советско-партийную школу, затем Академию коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова (1933), Институт красной профессуры. В 1933 — 1934 гг. он возглавлял кафедру марксизма-ленинизма МГПИ имени М. М. Хатаевича (с 1938 г. — имени А. И. Полежаева). В сентябре 1934 г. перешел на работу в созданный НИИ мордовской национальной культуры — заведующим секцией литературы, в мае — сентябре 1935 г. — заведующим сектором языка, литературы и искусства НИИ. Позднее Бетяев работал во Всесоюзной промышленной академии индустрии имени В. М. Молотова (г. Москва), старшим научным сотрудником Института философии. С декабря 1939 г. он — заместитель заведующего отделом Наркомата иностранных дел СССР. В апреле — июле 1941 г. — старший преподаватель Высшей дипломатической школы. С 1941 по 1944 г. Бетяев возглавлял кафедру философии МВТУ имени Баумана. В 1945 — 1947 гг. являлся доцентом кафедры истории

русской философии философского факультета МГУ. До 1947 г. состоял лектором в аппарате ЦК ВКП(б). В 1947 г. Бетяев был направлен на работу в Мордовский обком ВКП(б), а весной 1948 г. назначен директором МГПИ имени А. И. Полежаева.

Забегаая вперед, отметим, что Я. Д. Бетяев недолго руководил вузом. В феврале 1950 г. он был освобожден от занимаемой должности как не обеспечивший руководство работой института. Вскоре после этого он уехал в столицу, где с октября работал в Московском университете. Однако уже 4 ноября 1950 г. Бетяев был арестован по ложному обвинению, а в январе 1951 г. исключен из рядов ВКП(б) с формулировкой «за антисоветскую деятельность». Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 29 марта 1952 г. его приговорили к 5 годам ИТЛ. После этого он был этапирован в г. Тайшет Иркутской области, где 21 мая 1953 г. умер в тюремной больнице. Военной коллегией Верховного суда СССР 15 сентября 1956 г. Бетяев Яков Дементьевич был реабилитирован²⁰.

К сожалению, мало что известно о взаимоотношениях М. М. Бахтина и Я. Д. Бетяева. Вместе с тем следует отметить, что последний возглавил институт, прямо скажем, не в самое благоприятное для руководителя вуза время.

Как известно, во второй половине 1948 г. по стране пошла волна борьбы с «низкопоклонством перед Западом» — космополитизмом. В связи с новыми веяниями руководство МГПИ было вынуждено обратить самое пристальное внимание на усиление идеологической составляющей подготовки будущих педагогов. Проводниками идей начавшейся кампании должны были стать подразделения гуманитарного блока, в том числе кафедра всеобщей литературы. Именно поэтому М. М. Бахтин, следуя указаниям нового руководителя инсти-

туда, начал в спешном порядке «перестраивать» работу кафедры, как того требовал «дух времени». Уже в самом начале нового 1948/49 учебного года, 15 сентября, состоялось заседание кафедры всеобщей литературы. На нем с сообщением на тему «Об освещении в курсах всеобщей литературы вопросов влияния русской литературы на литературу западных стран» выступил Бахтин. В принятом постановлении, собственноручно написанном заведующим кафедрой, говорилось следующее:

«1) Вопрос о влияниях русской литературы на мировую разработан в нашем литературоведении далеко не достаточно, в особенности для 19 века; все имеющиеся работы страдают декларативностью и неполнотой; некоторый материал, хотя далеко и не полный, имеется только о влияниях Пушкина, Л. Н. Толстого, Достоевского и Горького.

2) Предложить членам кафедры тщательно использовать весь имеющийся по данному вопросу материал на своих лекциях; ввести в курсы небольшие разделы, вроде следующих: „Мериме и славянские литературы“, „Флобер и Тургенев“, „Гонимые и русская литература“ и т. п. В лекциях по всеобщей литературе 20-го века особое внимание уделить влиянию Горького и советской литературы на все передовые направления этой литературы.

3) Во время научных командировок в Москву членам кафедры ознакомиться с имеющимися в Институте мировой литер. им. Горького рукописными работами (диссертациями по вопросам мирового значения русской литературы), с работами Мотылевой и др.

4) В лекциях по всеобщей литературе проводить сопоставления с соответствующими явлениями русской литературы, раскрывая своеобразие и преимущество последних (напр., русского критического реализма по сравнению с западным).

5) В корне преодолеть пережитки компаративизма в лекциях по всеобщей литературе»²¹.

В начале 1949 г. борьба с космополитизмом достигла своего апогея. В центральных газетах «Правда» и «Культура и жизнь» были опубликованы обличительные статьи, посвященные деятельности группы театральные критиков, «безродных космополитов», в которую вошли Ю. Юзовский, А. Гурвич, И. Альтман, А. Борщаговский, Е. Холодов (Меерович), Г. Бояджиев, Я. Малюгин, Я. Варшавский и др.²² Статьи, опубликованные в главном печатном органе ЦК ВКП(б) и органе Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), имели широкий резонанс в определенных слоях общества и требовали всестороннего не только обсуждения, но и осуждения упомянутых в них лиц. Не была оставлена без внимания «деятельность безродных космополитов» и в Мордовском пединституте. Обсуждению редакционных статей газет «Правда» и «Культура и жизнь» было посвящено объединенное заседание кафедр всеобщей литературы, русской литературы и основ марксизма-ленинизма, состоявшееся 1 марта 1949 г. От кафедры всеобщей литературы на нем выступили А. А. Савицкий и М. М. Бахтин. Позднее Михаил Михайлович собственноручно и достаточно подробно запротоколировал выступление А. А. Савицкого, а свое изложил очень кратко, но так, как того требовала политическая ситуация²³. В целом же, по воспоминаниям присутствовавшей на этом историческом заседании В. Б. Естифеевой, выступление Бахтина носило «мягкий, весьма нейтральный характер»²⁴.

Развернувшаяся в стране борьба с космополитизмом внесла свои коррективы и в ВАКовское дело М. М. Бахтина, которое по-прежнему оставалось открытым. В течение 1948 г. члены экспертной комиссии по западной филологии трижды собирались

по данному вопросу²⁵, но так и не пришли к окончательному решению. Вероятно, ждали — куда подует ветер?

Наконец, в мае 1949 г. Михаил Михайлович был вызван в Москву на заседание пленума ВАК, где окончательно должна была решиться судьба его диссертации, а возможно, и его собственная. На пленуме, состоявшемся 21 мая, Бахтину пришлось ответить на все критические замечания относительно его диссертации. Сделал он это весьма убедительно и компетентно, что не замедлило сказаться и на результате. Бахтину предложили переработать диссертацию и представить на повторное рассмотрение экспертной комиссии, после чего вынести ее на обсуждение ВАК²⁶. После защиты диссертации прошло уже два с половиной года, и все это время Михаил Михайлович находился в постоянном напряжении, изо дня в день ожидая решения ВАК. Но оно вновь откладывалось на неопределенный срок.

Вернувшись в Саранск, М. М. Бахтин вплотную занялся кафедральными делами. Впереди был новый учебный год, который для него не обещал быть легким. Во-первых, помимо выполнения своих прямых обязанностей заведующего кафедрой, ему предстояло в кратчайшие сроки переработать диссертацию с учетом «пожеланий» членов экспертной комиссии и, соответственно, ВАКа. Во-вторых, в связи с предстоящим 20-летним юбилеем образования Мордовской АССР членами кафедры всеобщей литературы были приняты «повышенные» научные обязательства, утвержденные на заседании кафедры 11 октября 1949 г.²⁷ А это, естественно, отнимало время. Всю вторую половину 1949 г. Михаил Михайлович активно занимался переработкой диссертации. Об этом свидетельствует протокол заседания кафедры от 28 декабря 1949 г., на котором преподаватели отчитывались

о выполнении планов научной работы за истекший год. В протоколе, который «по традиции» вел ведущий, в частности, говорилось: «...М. М. Бахтин дополнял свою работу о Рабле: написано дополнительно около 5 печ. листов»²⁸.

В целом Я. Д. Бетяев доброжелательно относился к М. М. Бахтину, что подтверждают и воспоминания современников. Лишь в одном документе нам удалось обнаружить некое подобие «неудовлетворенности» работой Михаила Михайловича со стороны директора. Так, выступая на заседании ученого совета МГПИ 25 января 1950 г., на котором присутствовал и М. М. Бахтин, Я. Д. Бетяев пояснял, что «научная работа считается законченной, если вышла из печати или имеет два положительных отзыва, в условиях института может быть обсуждена на заседании кафедры и получена положительная оценка. Работы т. Сафаргалиева и т. Бахтина считаются законченными, но работы, представленные в учебную часть на клочках бумаги, нельзя считать законченными»²⁹.

Как уже отмечалось, в феврале 1950 г. директора МГПИ Я. Д. Бетяева освободили от занимаемой должности за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей. К сожалению, мы не имеем достоверной информации об истинных причинах его увольнения. Известно лишь, что в июне 1950 г. в Мордовском пединституте работала комиссия Министерства просвещения РСФСР во главе с инспектором вузов Д. Ф. Тарасовым, признавая проводимую учебно-воспитательную работу в вузе неудовлетворительной³⁰. К слову сказать, в Акте проверки МГПИ, составленном комиссией, отмечалось, что «большинство кафедр института обеспечено квалифицированным руководством...»³¹. При этом кафедра всеобщей литературы под управлением М. М. Бахтина называлась в том числе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ, ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

- ¹ Город Кимры расположен в 133 км к востоку от Твери и является районным центром Тверской области. Савёлово — один из районов Кимры.
- ² Беседы В. Д. Дувакина с М. М. Бахтиным. М., 1996. С. 216.
- ³ Юлдашев Мухамеджан Юлдашевич [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mrsu.ru/ru/80let/gestog/index.php?ID=10901> (дата обращения: 12.02.2016); Алпатов В. М. Двое из Саранска // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. № 2.
- ⁴ Естифеева В. Б. Воспоминания о Бахтине // Странник. 1995. № 1. С. 38.
- ⁵ Из переписки М. В. Юдиной и М. М. Бахтина (1941 — 1966 гг.) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 45.
- ⁶ Естифеева В. Б. Годы и люди : К 105-летию со дня рождения М. М. Бахтина // Странник. 2000. № 1. С. 131.
- ⁷ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-546. Оп. 1 «Л». Д. 70. Л. 3. (Далее — ЦГА РМ).
- ⁸ Подробнее об этом см.: Паньков Н. А. Загадки раннего периода: (Еще несколько штрихов к «Биографии М. М. Бахтина») // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 74 — 89.
- ⁹ См.: Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 4(1) : «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.) : материалы к книге о Рабле (1930 — 1950-е гг.). Коммент. и прил. М., 2008. С. 915 — 916.
- ¹⁰ Там же. С. 1077.
- ¹¹ Там же. С. 1078.
- ¹² Там же. С. 907.
- ¹³ Копия письма любезно предоставлена Л. С. Мелиховой. Ранее его фрагменты публиковались в книге: М. М. Бахтин: беседы с В. Д. Дувакиным. М., 2002. С. 359.
- ¹⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 238. Л. 14 об.
- ¹⁵ Николаев В. Преодолеть отставание в разработке актуальных проблем литературоведения // Культура и жизнь. 1947. 20 нояб.
- ¹⁶ Естифеева В. Б. Воспоминания о Бахтине. С. 42.
- ¹⁷ Подробнее об этом см.: Лаптун В. И. «Располагайте мною по-дружески...» // Странник. 2014. № 2. С. 187 — 193; № 3. С. 180 — 185.
- ¹⁸ Подробнее об этом см.: Лаптун В. И. М. М. Бахтин в Саранске (1945 — 1952 гг.) // Там же. 2000. № 4. С. 90 — 105.
- ¹⁹ Из переписки М. В. Юдиной и М. М. Бахтина... С. 49.
- ²⁰ Подробнее об этом см.: Глазкова Е. В. Бетяев Яков Деметрьевич // Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2008. С. 26; Корсаков С. Н. Политические репрессии в институте философии (1930 — 1940-е гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uploadfile/root/biblio/pj/pj_8/9.pdf (дата обращения: 20.08.2018).
- ²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 257. Л. 6 — 8.
- ²² См.: На чуждых позициях : О происках антипатриотической группы театральных критиков // Культура и жизнь. 1949. 30 янв.
- ²³ ЦГА РМ. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 257. Л. 26 — 30.
- ²⁴ Сообщено В. И. Лаптуну в частной беседе.
- ²⁵ См.: «Рабле есть Рабле...» : материалы ВАКовского дела М. М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 2. С. 62.
- ²⁶ Там же. С. 74.
- ²⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 257. Л. 89.
- ²⁸ Там же. Л. 72.
- ²⁹ Там же. Д. 268. Л. 89.
- ³⁰ См.: Крисанова Н. А. Высшая школа в системе идеологии : Историко-психологический анализ формирования интеллигенции. Саранск, 2014. С. 34.
- ³¹ ЦГА РМ. Ф. Р-546. Оп. 1. Д. 283. Л. 5 — 6.

Поступила 03.06.2019

В статье использованы фотографии из личного архива В. И. Лаптуна

УДК 008(470.345)

Александра Михайловна Каторова

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОРДОВСКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОВОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА РОССИИ

На современном этапе общественного развития в условиях глобализации сохранение национальной самобытности (этнокультурной идентичности) любого народа относится к числу особо актуальных проблем, что подчеркивается в действующих нормативно-правовых документах и госпрограммах. Так, в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена указом Президента РФ № 1666 от 19 декабря 2012 г.), «сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов России»¹ обозначено в качестве одной из главных целей. Вместе с тем «единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру», отмечен как фактор, объединяющий все народы России. Кроме того,

в документе зафиксировано такое приоритетное направление, как «создание условий для обеспечения прав народов России в социально-культурной сфере», обозначен принцип «государственной поддержки и защиты культуры и языков народов Российской Федерации». В соответствии с указанной стратегией Правительством РФ была разработана и утверждена программа «Реализация государственной национальной политики»², одной из задач которой определено «обеспечение права на сохранение родного языка из числа языков народов России, его изучение и развитие».

Общеизвестно, что этнокультурное развитие народов России невозможно без сохранения и развития родных языков, используемых в разных сферах жизнедеятельности: в быту, образовании, науке, культуре (художественной литературе, театральных постановках, песенном творчестве) и др. Использование родного языка в быту зависит главным об-

разом от сложившихся на протяжении веков семейных традиций, однако его применение в сфере образования определяется преимущественно государственной политикой, решениями, принимаемыми властными структурами. Для более глубокого постижения проблем обучения на родном языке совершим краткий исторический экскурс.

В советское время до 1990-х гг. в нашем государстве существовало понятие «национальная школа», предполагавшее не только получение образования на родном языке, но и обучение школьников на основе двух культур — русской и родной. В большинстве национальных школ Российской Федерации в начальных классах дети получали образование, как правило, на родном языке, среднее (за исключением отдельных регионов) — на русском. При этом родной язык и литература изучались с 1-го по 10-й (11-й) класс в качестве обязательных предметов. На их освоение с 5-го по 8-й (9-й) класс выделялось 5 часов

в неделю (3 урока языка и 2 — литературы), с 9-го по 10-й (11-й) — 3 часа (1 урок языка и 2 — литературы). Кроме того, существовали специальные программы и учебники по русскому языку и литературе для национальных школ, в которых учитывались языковые и этнокультурные особенности нерусских учащихся. Так, на уроках литературы педагоги стремились развивать интерес школьников не только к родной, русской и зарубежной классике, но и литературному наследию других народов Российской Федерации, предпринимали попытки реализации принципа диалога культур. При этом на первый план выдвигалась задача постижения типологии и национального своеобразия художественных произведений в аспекте общечеловеческих ценностей. Взаимосвязанное изучение русской литературы и литератур других народов было провозглашено в качестве одного из основополагающих принципов в обучении школьников.

Изменение общественно-политической ситуации в конце XX в. (распад Советского Союза, ориентация на Запад, судьбоносные экономические и социокультурные преобразования) обусловили необходимость реформирования системы образования. Во второй половине 1990-х гг. произошел отказ от единых школьных программ и учебников, от термина «национальная школа», было внедрено разноуровневое и вариативное обучение, разработаны и утверждены образовательные стандарты, произошли изменения в содержании образования, на второй план переместились вопросы воспитания учащихся. По объективным и субъективным причинам большинство из перечисленных факторов негативно отразилось на изучении родных языков и литератур в школах.

Первым шагом к ухудшению состояния изучения родных языков и литератур стал отказ от понятия «национальная школа». Хотя его за-

мена терминами «школа с родным (нерусским) языком обучения» и «школа с русским (неродным) языком обучения» ничего плохого не предвещала, с исчезновением де-юре национальной школы судьба предметов «Родной язык» и «Родная литература» существенно изменилась: им была уготована второстепенная роль. В 1998 г. был утвержден Базисный учебный план общеобразовательных учреждений Российской Федерации³, который состоял из двух (инвариантной и вариативной) частей. Родной язык и литературу, несмотря на то, что они входили в инвариантную часть плана для школ с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения, предлагалось изучать наряду с курсами по выбору, практикумами и факультативами за счет часов вариативной части. Кроме того, два предмета слились в один. В разделе «Особенности федерального базисного учебного плана»⁴ было прописано, что «количество часов, отводимых в образовательных учреждениях с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения на преподавание учебного предмета «Родной (нерусский) язык и литература», устанавливается субъектом Россий-

ской Федерации и/или самостоятельно образовательным учреждением». Данная установка отрицательно сказалась на состоянии изучения родных языков в большинстве национальных регионов. Рекомендации по количеству часов, выделяемых на изучение родного языка и литературы, задекларированные в вышеназванном базисном учебном плане⁵ (5 часов в неделю в 5-м классе и 4 — в 9-м классе) и в примерных учебных планах⁶ от 2004 г. (6 часов в неделю в 5 — 6-м классах, 5 — в 7-м и 3 — в 8 — 9-м классах), выполнялись в редких случаях. Например, во многих школах Республики Мордовия число часов постепенно свелось к 3 часам в неделю (2 урока родного языка и 1 урок литературы), а в настоящее время в большинстве учебных организаций сократилось до 2 часов.

С принятием в 2012 г. нового закона «Об образовании в Российской Федерации»⁷, предоставившего руководителям образовательных организаций (учреждений) полную свободу составления учебных планов в части, формируемой участниками образовательных отношений и их объему, а также определившего требования к учебникам, которые не-

*Съезд финно-угорских народов РФ. Республика Коми, г. Сыктывкар.
Заседание секции «Язык. Образование. Наука». Сопредседатели: А. М. Каторова
(Республика Мордовия), Г. П. Харючи (Ямало-Ненецкий АО). 2017 г.*

пременно должны входить в Федеральный перечень, ситуация еще больше усугубилась. Если раньше учебники на родных языках рецензировались, утверждались и рекомендовались к изданию Министерством образования того или иного национального региона, то новый закон определил прохождение экспертизы и утверждение учебников на федеральном уровне. Данное требование привело не только к удорожанию издания учебников по родным языкам и литературам приблизительно в 2 раза (подчеркнем, что они издаются за счет средств субъектов Российской Федерации), но и к увеличению сроков их подготовки. Для прохождения экспертизы и вхождения учебников в Федеральный перечень, который первоначально утверждался на 3 года, должна быть представлена вся линия учебников (1 — 4-й, 5 — 9-й и 10 — 11-й классы) в бумажном формате, их электронная версия и методические рекомендации к ним. За 7 прошедших после принятия закона «Об образовании...» лет учебниками, входящими в Федеральный перечень⁸, смогли обеспечить изучение родных языков и литератур с 1-го по 11-й класс лишь два (!) народа России — татары и чеченцы. При этом возможность свободного выбора программ и учебников по

родному языку и литературе имеется только у татарских школьников: в Федеральном перечне представлены 7 вариантов учебников по татарскому языку и 2 — по литературному чтению для 1 — 4-х классов, 3 — по языку и 4 — по литературе для 5 — 9-х классов, 5 — по языку и 3 — по литературе для 10 — 11-х классов⁹. На *шести* языках коренных народов нашей страны (алтайском, башкирском, татарском, хакасском, чеченском и якутском) в указанном перечне представлены учебники по родным языкам и литературам для 5 — 9-х классов. Для начальной школы в перечень вошли на *пяти* языках (алтайском, башкирском, татарском, удмуртском и чеченском) учебники по родным языкам и литературам, на *четырёх* (абазинском, бурятском, ненецком и хантыйском) — только по языкам и на *одном* (якутском) — по литературе.

Ситуация осложняется и тем, что в соответствии с действующим законом «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰ (ст. 10, пункт 12) сначала должны быть разработаны примерные программы, которые после утверждения федеральным учебно-методическим объединением (УМО) по общему образованию включаются в государственный реестр, и лишь после этого появляется возможность

разработки самих учебников. УМО было официально создано в начале 2019 г. (приказ Минпросвещения России от 6 февраля 2019 г. № 64). На сегодняшний день известно о проведении одного заседания (протокол от 4 марта 2019 г. № 1/19¹¹), на котором принято решение рекомендовать доработать примерные рабочие программы по чувашскому, родному татарскому, мордовским (мокшанскому и эрзянскому), ногайскому, карачаевскому, абазинскому, кабардино-черкесскому языкам и литературам, по ненецкому и хантыйскому языкам (для уровня среднего общего образования). Отметим, что программы по мордовским языкам и литературному чтению были отправлены на экспертизу в УМО год назад, однако авторы до сих пор не получили замечаний и не дождалась положительного решения. Дополняет вышесказанное информация о выполнении подпрограммы 3 — «Русский язык и языки народов России» программы «Реализация государственной национальной политики» по индикатору и показателю «Доля языков народов России, учебники по которым включены в Федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего и среднего общего образования, в общем количестве языков народов России»¹². В 2017 г. в Федеральный перечень должны были войти учебники на 14 языках народов России, в 2018 — на 16, в 2019 — на 18, в 2025 — на 30 языках. На сегодняшний день заявленные показатели исполнены всего на 55 %.

Следует отметить, что внесенные в закон «Об образовании в Российской Федерации» изменения от 3 августа 2018 г. № 317-ФЗ (ст. 14, пункт 6)¹³ в части выбора изучаемого родного языка из числа языков народов Российской Федерации по

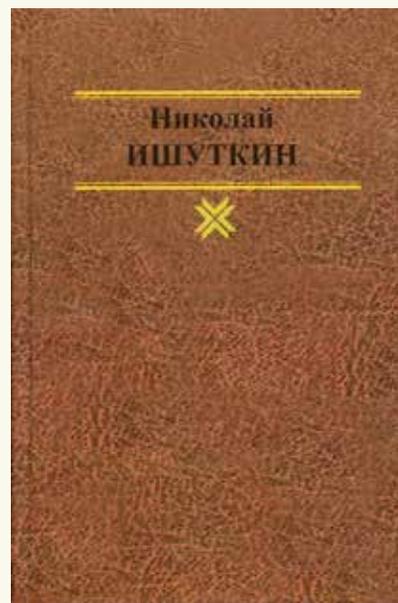
заявлениям родителей школьников привели к неожиданным результатам. Например, многие родители первокурсников мордовской национальности, проживающие в исконно мордовских селах, уже в 2018 г. родным для детей определили русский язык, отказавшись от изучения материнского языка. Если эта тенденция продолжится, то уже через 10 лет отпадет необходимость в создании учебников по мордовским языкам и литературам, а школа будет выпускать «Иванов, не помнящих родства». В данном случае отказ от родного языка выступает как отрицание своей малой родины, родовой памяти, веками накопленных обычаев и традиций. На наш взгляд, в сложившейся ситуации не следует сетовать на несовершенство закона или списывать все на желание родителей. Министерству образования республики и руководителям образовательных организаций необходимо вести целенаправленную работу с родителями школьников: ненавязчиво убеждать их в том, что родное слово является основой умственного развития детей, инструментом познания окружающего мира, фундаментом развития навыков логического мышления, надежной и необходимой базой для изучения других языков.

Изучение мордовских (мокшанского и эрзянского) языков со 2-го по 7-й класс в качестве государственных языков Республики Мордовия не решает обозначенной проблемы, поскольку на их освоение выделяется всего 1 час (редко 2) в неделю, а национальная литература не изучается совсем. Кроме того, на уроках мордовского языка решаются другие задачи, цель которых — научить понимать смысл услышанного на мокшанском и эрзянском языках, иметь представление о наиболее важных достижениях мордовского народа в области науки и культуры, разных видов искусства, об особенностях на-

ционального менталитета, обычаях и традициях.

Подчеркнем, что отказ от изучения мордовских языков и литературы как учебных предметов в школах республики в итоге приведет к прекращению подготовки учителей родного языка и литературы, ученых-филологов, журналистов для национальных СМИ и писателей по причине их невостребованности. В последующем это обусловит исчезновение мордовского языкознания и литературоведения, СМИ и литературного творчества на мокшанском и эрзянском языках. Властным структурам и общественным организациям следует обратить на это самое серьезное внимание, поскольку без сохранения родного языка и культуры мордовскому народу в единый культурный код России интегрировать будет нечего.

Обратимся к вопросу развития художественной литературы, во многом способствующей сохранению родного языка и культуры. В Республике Мордовия с 2015 по 2019 г. издано около 120 наименований книг на русском, мокшанском и эрзянском языках. Из них Мордовским книжным издательством, где рукописи проходят обязательное рецензирование и редактирование, выпущено всего 15 книг, что составляет 12 %. Это серьезные издания, авторами которых являются именитые писатели, признанные читателями и литературоведами: собрания сочинений Н. И. Учватова (т. 1 — 2, 2015), К. Г. Абрамова (т. 7 — 9, 2016 — 2018), М. Л. Сайгина (т. 1 — 3, 2016 — 2017), сборники произведений М. И. Брыжинского (2018), А. П. Тяпаева (2018) и др. К основным публикациям Мордовского отделения Литфонда России можно причислить «Избранные произведения» Н. И. Ишуткина (2016 — 2017), поэтические сборники В. И. Нестерова (2016) и В. Н. Корчеганова (2016). Из наиболее значимых пуб-

ликаций Издательского дома «Книга» отметим литературно-художественный альманах «Память сильнее времени» (2015), сборники произведений Н. Б. Голенкова (2018), В. А. Федосеева (2016 — 2017) и И. Н. Кудашкина (2019). В целом этими двумя издательствами выпущено 22 книги, что составляет 18 % от общего объема художественной литературы. Таким образом, приблизительно 70 % изданий публикуются в авторской редакции за счет самих авторов или спонсоров в типографиях «Красный Октябрь» и «Рузаевский печатник», что нередко обуславливает низкое качество продукции. Однако не все так однозначно, поскольку в указанный период из данных типографий вышли книги таких весьма одаренных и признанных писателей, как Н. П. Цибликин и А. С. Подгорнова (2016); Л. Ф. Дергачёва, Ч. Г. Журавлёв, Л. А. Рябова и К. А. Тангалычев (2017) и др. Приведенные факты позволяют констатировать наличие ряда проблем, связанных с книгоизданием в Республике Мордовия:

— недостаточная работа с талантливыми авторами, в первую очередь с молодыми, по подготовке их книг к изданию за счет государственных средств;

— мизерное количество книг национальных писателей, выпускаемых Мордовским книжным издательством, и полное отсутствие среди них работ молодых авторов;

— издание Мордовским отделением Литературного фонда России наряду с высокохудожественными слабыми литературными, не соответствующими критериям художественности, произведений.

Без своевременного решения обозначенных проблем развитие национальной литературы и культуры в целом оказывается под большим сомнением.

С развитием художественной литературы тесно связана театральная деятельность. В Мордовии пользуется успехом замечательный национально-драматический театр, где зрители смотрят спектакли на родном языке, поставленные в том числе по произведениям национальных писателей. Основная проблема заключается в том, что пьесы мордовских авторов (В. И. Мишаниной, К. Г. Абрамова и К. С. Петровой) среди

Сцена из спектакля по пьесе В. Мишаниной «Апак лемде эрзянь тейтерезэ» («Дочь некрещеного мордвина»), созданной по мотивам рассказа М. Горького «Знахарка»

театральных постановок занимают менее 20 % (5 из 27). Национальная драматургия развивается слабо, что негативно сказывается на формировании мордовских театральных традиций.

В заключение подчеркнем, что в Республике Мордовия, имеющей национальный статус, для развития и сохранения национальных языков и культуры, веками накопленных традиций условия созданы. Следует лишь каждому человеку, имеющему отно-

шение к сфере образования и культуры, качественно выполнять должностные обязанности, меньше думать о собственной или сиюминутной выгоде, не забывая об интересах титульной нации, проявлять заботу о судьбе будущих поколений. Тогда непременно будет оказываться уважение со стороны других народов и появятся большие возможности интеграции в единый культурный код России наиболее значимых духовных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://zakonbase.ru/content/part/1293590> (дата обращения: 24.06.2019).
- ² Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532 Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс]. URL: http://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/028/454/original/Государственная_программа.pdf?1484236417 (дата обращения: 25.06.2019).
- ³ Об утверждении базисного учебного плана общеобразовательных учреждений Российской Федерации. Приказ от 9 февраля 1998 г. № 322 [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27183> (дата обращения: 25.06.2019).
- ⁴ Федеральный базисный учебный план [Электронный ресурс]. URL: <http://window.edu.ru/resource/309/39309/files/bup.pdf> (дата обращения: 25.06.2019).
- ⁵ Об утверждении базисного учебного плана...
- ⁶ Приказ Минобрнауки РФ от 09.03.2004 № 1312 «Об утверждении федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для образовательных учреждений Российской Федерации, реализующих программы общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/1222> (дата обращения: 25.06.2019).
- ⁷ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 30.06.2019).
- ⁸ Приказ Минпросвещения России от 28 декабря 2018 г. № 345 «О Федеральном перечне учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://rulings.ru/acts/Prikaz-Minprosvescheniya-Rossii-ot-28.12.2018-N-345> (дата обращения: 01.07.2019).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»...
- ¹¹ Архив заседаний федерального учебно-методического объединения по общему образованию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.instrao.ru/index.php/federalnoe-uchebno-metodicheskoe-obedinenie-po-obshchemu-obrazovaniyu/item/3209-arhiv-zasedaniy>. (дата обращения: 02.07.2019).
- ¹² Постановление Правительства Российской Федерации...
- ¹³ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»...

УДК 008+39(470.344)

Татьяна Владимировна Юстус

МОРДОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сохранение национальной идентичности

МОРДВЫ, ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Актуальность понимания происходящих в России этнических процессов в сфере взаимодействия народов и культур не вызывает сомнения. Однако данная проблема имеет двоякий характер: с одной стороны — взаимодействие между локальными этносами, этноязыковыми, культурно-хозяйственными и этноконфессиональными общностями вызывает интеграционные процессы, с другой — усиление этнической самоидентификации и противостояние иной культуре. Идентичность есть свойство человека, связанное с его ощущением собственной принадлежности к определенной группе — политической партии, народу, нации, религиозной конфессии, расе и т. д. Очень важно осознавать себя частью своего народа, его культурной составляющей, продолжателем национальных традиций. В понимании этого и заключаются основы патриотизма, любви и уважения к истории, своей Родине.

В приветственном послании к делегатам и гостям V Съезда финно-угорских народов Российской Феде-

рации (26 — 28 сентября 2013 г., г. Саранск) президент В. В. Путин отметил: «Мы придаем приоритетное значение проблемам сохранения идентичности и самобытности каждого народа, укреплению межнационального согласия и гармонии. И поэтому обязательно получают дальнейшее развитие программы по поддержке национальных языков, школ, культурных и образовательных центров, будут реализовываться масштабные просветительские, межрегиональные, международные проекты»¹. В реализации данных вопросов сосредоточены совместные усилия властных структур², общественных организаций, научных и экспертных кругов. В XX в. в связи с образованием национальных республик структура этносов усложнилась. Стали четче выделяться этническое ядро — центр, этническая периферия и диаспора. Изучение этих групп представляет интерес в связи с интенсивностью

этнокультурных контактов и особенностями самоидентификационных процессов.

Общественные организации на местах являются одними из элементов создаваемого в стране гражданского общества, выступают конструктивной силой в диалоге с властью, помогают выстраивать отношения с народом, укреплять межнациональные связи и межкультурное сотрудничество. В данном направлении успешно работает Общественная организация «Мордовский культурный центр» Чувашской Республики (далее — МКЦ ЧР), созданный в 1992 г. (штаб-квартира находится в с. Напольном* Порецкого района). Центр играет активную этномобилизационную роль в Чувашии, поддерживая этнокультурную связь с соседними мордовскими городами и поселками других республик и областей. Его главными направлениями деятельности являются сохранение самобыт-

* Село Напольное (э. Алвеле) — самое древнее мордовское поселение на территории Чувашии, первое упоминание в архивных источниках датируется 1424 г.

ной культуры и фольклора, возрождение исторического культурного наследия мордовского народа, укрепление и расширение творческих связей между самодеятельными коллективами других народов, создание благоприятных условий для межкультурного диалога³.

Мордовский народ Чувашской Республики истари в добрососедстве живет с русскими, чувашами и татарами, а также с представителями более 100 других национальностей. Расселенная в Чувашии мордва относится к субэтнографической группе эрзя, по численности занимает четвертое место в республике (13 014 чел., по переписи 2010 г.) среди коренных народов. Дружба народов в республике всегда была не абстрактным понятием, а живой реальностью, представляющей нерушимый, сложившийся столетиями образ жизни, поведения и культуры.

Особая ответственность за сохранение культурных и этнических традиций, передаваемых от поколения к поколению, лежит на руководителях и членах общественных организаций, которые в начале 1990-х гг. взялись за возрождение национальных культур народностей, проживающих на территории Чувашии. В современных условиях эта работа становится более эффективной при поддержке властных структур. Органы власти всех уровней Чувашской Республики поддерживают все позитивное, что есть в этнокультурной жизни народов, в деятельности национальных общественных организаций. Значительную поддержку в работе МКЦ ЧР оказывают в том числе органы государственной власти и научная общественность Республики Мордовия. Благодаря совместной работе реализуются целевые программы, направленные на сохранение и развитие национальной культурной самобытности. Этот вид деятельности охватывает сферы культуры, науки и образования.

*Празднование 150-летия М. Е. Евсевьева.
Село Малые Кармалы Чувашской Республики, 30 декабря 2014 г.*

В 2013 г. культурный центр стал победителем гранта от Министерства культуры по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики (проект — «150 лет со дня рождения просветителя мордовского народа Макара Евсевьевича Евсевьева»). В рамках юбилея в течение 2014 г. проходили мероприятия разного уровня и направлений. Один из таких проектов был посвящен сохранению языка мордовского этноса. Нельзя не согласиться со словами первого председателя центра В. П. Седойкина, по мнению которого «сохранить родной язык и культуру поможет слово — услышанное и прочитанное». В связи с этим на родине ученого, педагога и просветителя

М. Е. Евсевьева в с. Малые Кармалы Ибресинского района Чувашской Республики состоялся круглый стол — форум с участием представителей государственных служб, ученых и общественности двух дружеских республик (Мордовской и Чувашской). Особое внимание в ходе работы форума уделялось просветительской деятельности М. Е. Евсевьева по таким актуальным на сегодняшний день направлениям, как популяризация родных языков, сбор образцов живых разговорных эрзянского и мокшанского языков, развитие литературного языка; обсуждались вопросы практической реализации поставленных задач в современных условиях⁴. Бесспорным вы-

Юбилейный концерт к 155-летию М. Е. Евсевьева. Село Малые Кармалы, 2019 г.

водом, к которому пришли участники форума, стало признание педагога, ученого и общественного деятеля М. Е. Евсевьева «...безусловным <...> этническим лидером, катализатором национального возрождения мордовского народа, национальным символом»⁵.

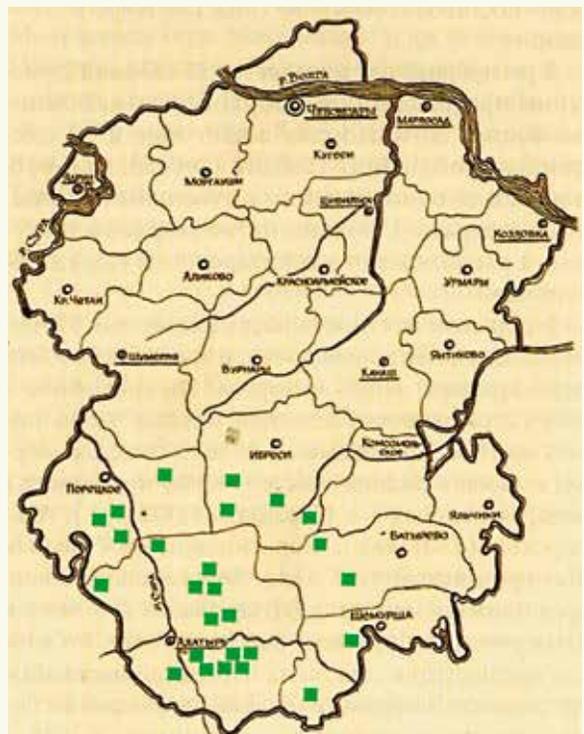
В течение юбилейного года, посвященного М. Е. Евсевьеву, все мероприятия носили практический характер: проводились конкурсы чтецов в школах с компактным проживанием мордвы, открытые занятия по культуре речи и бережного отношения к родному языку. Так, в с. Алтышеве Алатырского района прошли «Евсевьевские чтения» с участием 120 школьников со всей Чувашской Республики; в Напольновском сельском Доме культуры состоялся традиционный фестиваль «Звучи, мордовский язык», приуроченный к дню мордовского языка. Лучшие учащиеся по результатам номинаций продолжили свое участие в олимпиадах по мордовским языкам на родине просветителя в с. Малые Кармалы и в г. Саранске.

Вопросы возрождения, сохранения и развития родного языка в современных условиях являются первостепенными. Национальный язык как историческая память, стержень национального самосознания, как фактор, обеспечивающий связь прошлого с настоящим и будущим, законодательно ни в Чувашской Республике, ни в других регионах России не отвергается. Вместе с тем отказ от родных мордовских, чувашского и татарского языков охватывает все большее количество населения, причем не только среди молодого поколения, но и взрослого. К сожалению, необратимый процесс обрусения очевиден. Об этом, в частности, убедительно свидетельствуют итоги переписи населения Российской Федерации 2010 г., согласно которым использовали разговорные мордовские (мокшанский и эрзянский) язы-

ки 57 % носителей языка, а литературными мордовскими владела только 30 %. Двадцатью годами ранее 33 % мордвы России назвали своим родным языком русский. Таким образом, в зависимости от территории расселения мордвы России прослеживается неуклонное снижение доли носителей родных мордовских языков.

Язык общения мордовского населения Чувашии — русский и эрзянский. В национально-смешанных семьях говорят также на чувашском и русском, причем родители с детьми используют русский язык и редко — мордовские. Следует отметить, что за последние десятилетия в развитии мордовских литературных языков произошли значительные изменения — изданы словари разных типов, разработаны учебно-методические комплексы по языку, выпускаются художественная литература, детские книги для чтения по культуре мордвы, диски с народными песнями, сказками и стихами на мордовских языках. Все это позволяет школьным педагогам разнообразить занятия по языку, истории и культуре родного края. Значительно улучшают качество преподавания мордовского (эрзянского) языка в школах методическая литература, разработанная Министерством образования Республики Мордовия, распространяемые по заказу Мордовского культурного центра мордовские республиканские газеты и журналы.

В настоящее время существенной остается проблема сокращения числа учащихся в сельских национальных школах. Так, в 2017 г. в Порецком районе произошло объединение трех мордовских школ (Сыресинской, Рындинской и Напольновской) в одну Напольновскую среднюю образовательную школу. Сложная ситуация складывается в республике с возрождением преподавания мордовских языков в сельских школах. Например, сегодня занятия по мордовскому (эрзянскому) языку и мордовской литературе в качестве обязательных предметов изучения проводятся только в двух школах — Алтышевской средней школе Алатырского района и Напольновской средней школе Порецкого района; в Малокармолинской средней школе Ибресинского района — только в качестве факультатива. При этом следует отметить, что в республике насчитывается 15 селений с численным преобладанием мордовского населения. Кроме того, мордва живет еще в 10 смешанных, одновременно с чувашами, русскими и татарами, селах Шемуршинского и Батыревского

Карта расселения мордвы в Чувашской Республике (Источник: Иванов В. П., Матвеев Г. Б. «Этнокультурный портрет Чувашской Республики: историко-этнографические очерки»)

районов. Значительное количество мордовских селений (16) расположено в Алатырском районе, в 9 из них мордва составляет большинство населения; в Порецком районе с. Напольное, Сыреси и Рындино являются исконно мордовскими⁶. Для сохранения и изучения языкового наследия мордовского народа, подготовки специалистов языково-культурной сферы МКЦ ЧР уже много лет ведет работу по отбору талантливой молодежи из числа выпускников школ мордовской диаспоры Чувашской Республики с перспективой их дальнейшего обучения в вузах Республики Мордовия. Так, за последние 10 лет студентами вузов, ссузов и колледжей Мордовии стали 397 юношей и девушек. Студенты и преподаватели Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева регулярно проводят встречи с абитуриентами мордовских школ.

На популяризацию мордовской культуры среди молодежи и детей нацелен красочный ежегодный фольклорный фестиваль детского мордовского творчества «Чипайне» («Солнышко»), который традиционно проводится в мордовских селах Рындино, Сыреси и Напольное Порецкого

Фольклорный фестиваль детского мордовского творчества «Чипайне» («Солнышко»). 2014 г.

района. Дети разных возрастов представляют фольклорные коллективы своих школ и детских садов, среди них — ансамбли «Умарина» («Яблонька»), «Письмарне» («Скворушка»), «Валдоня» («Светлячок»), «Рябинушка», «Калинушка» и др. Весь репертуар праздника проводится на мордовском (эрзянском) языке (песни, частушки, запевки, сценки мордовских обрядов и праздников), участники выступают в национальных мор-

довских костюмах. Организаторы праздника МКЦ ЧР и местная администрация победителей творческих номинаций награждают дипломами, материальными призами и экскурсионными поездками в г. Чебоксары и Саранск. Нередкими участниками и гостями различных фестивалей и смотров в Чувашии и Мордовии являются детский фольклорный ансамбль «Килейне» («Березка») из с. Малые Кармалы Ибресинского района, детские танцевальные и хоровые коллективы из с. Атрать и Алтышево Алатырского района.

С 1992 г. в с. Напольном по инициативе МКЦ ЧР и при поддержке Правительства Чувашской Республики ежегодно организуется большой мордовский праздник «Арта» («Возрождение») — фестиваль мордовского народного творчества. Как правило, местом ежегодного празднования становится так называемая Святая поляна. Традиционно народное шествие к Святой поляне начинается от Дома культуры, проходит по центральной улице, где люди, в том числе прибывшие из других селений, собираются в один поток и спускаются на поляну, к речке. Сегодня этот фестиваль имеет межре-

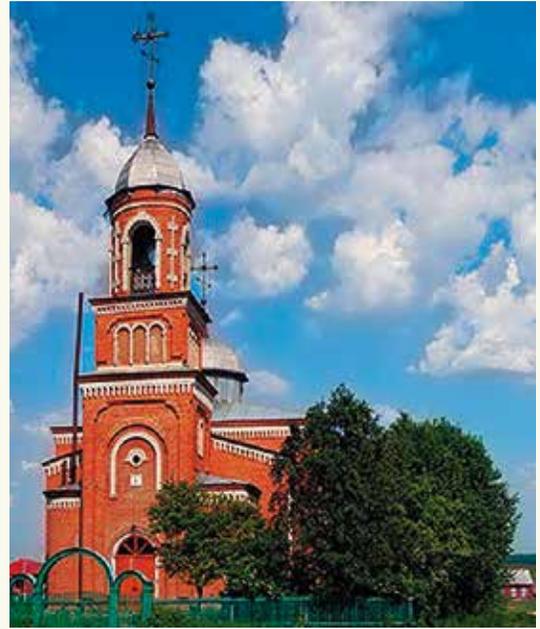
Открытие фестиваля «Арта-2007». Председатель МКЦ ЧР В. П. Седойкин и делегации из Мордовии и Чувашии

гиональное значение, является яркой демонстрацией и пропагандой традиционной мордовской культуры. Основная цель праздника — возрождение национального фольклора, сохранение традиций, обычаев и обрядов, народных промыслов и ремесел, укрепление межрегиональных культурных связей между всеми диаспорами Чувашии, Республикой Мордовия и другими субъектами Поволжья. Программу праздника составляют выступления мордовских коллективов художественной самодеятельности, выставки предметов декоративно-прикладного искусства и изделий народных промыслов, мордовского народного костюма и предметов быта, национальная кухня, спортивно-развлекательные и этнотанцевальные мероприятия.

Одним из важных направлений работы МКЦ ЧР стало возрождение духовного наследия, православной культуры мордовского народа, утраченных в советское время. Так, по инициативе П. П. Седойкина в 1992 г. в с. Напольном Порецкого района была построена церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Заслуженный строитель России и патриот своей Родины, Петр Павлович понимал, что возрождение религии, сохранение национальной самобыт-

ности — это мощный стержень общегражданского единства и согласия. В 1993 г. за проявленную миссионерскую деятельность П. П. Седойкин стал первым из гражданских лиц Чувашской Республики, награжденным орденом Русской православной церкви святого равноапостольного великого князя Владимира патриархом Алексием II. В дальнейшем инициатива по строительству храмов в мордовских селах продолжилась. В 1996 г. брат Петра Павловича Седойкина, Владимир Павлович, организовал строительство храма в честь

Храм Святителя Николая Чудотворца, построенный усилиями П. П. Седойкина в с. Напольном. 1992 г.

Храм Сергия Радонежского в с. Рындино, построенный по инициативе В. П. Седойкина в 1996 г.

Сергия Радонежского в с. Рындино. В настоящее время в мордовских селениях Чувашии действуют 7 храмов, построенных или восстановленных в современной истории, где проводятся богослужения и открыты воскресные школы для детей. Увековечивают память предков и историю мордовского народа памятники первым поселенцам на мордовских захоронениях XV — XIX вв. в с. Напольном, здесь же благодаря МКЦ ЧР установлен мемориальный комплекс в память земляков, павших в боях за Родину в 1941 — 1945 гг.

Освящение колокола храма Святителя Николая Чудотворца. 1992 г.

Знаковым событием для всей многонациональной России стало широкое празднование в августе 2012 г. тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства. В дни юбилейных торжеств делегация МКЦ ЧР в расширенном составе находилась в столице Мордовии. Представители делегации, национальные коллективы художественной самодеятельности (напольновский хор «Эрзянка» и малокармалинский ансамбль эрзянской песни «Горнипов») были задействованы на многих праздничных площадках Саранска и районов республики (в торжественных мероприятиях, научных конференциях и форумах, выставочных и этнокультурных показах, в фольклорных, музыкальных шествиях и др.), объединенных общим лозунгом «Все мы — Россия».

Представители МКЦ ЧР мордовской диаспоры Чувашии уже 15-й сезон принимают участие в ежегодной Международной этнокультурной экспедиции-фестивале «Волга — река мира.

Празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами России. Село Порецкое Чувашской Республики. 2012 г.

Диалог культур волжских народов». Этот проект играет важную роль в сохранении и развитии этнокультуры мордовского народа в регионах Российской Федерации, повышении национального сознания, налаживании межкультурного сотрудничества в многонациональном Приволжском федеральном округе, формировании гражданской идентичности.

В числе приоритетных направлений работы МКЦ ЧР являются привлечение как можно большего количества молодежи республики к изучению и сохранению этнокультурных ценностей, популяризация гражданского патриотизма на примерах великих сынов Отечества⁷. Так, первое массовое общегражданское мероприятие, посвященное 70-летию Победы

Участники Международной этнокультурной экспедиции-фестивала «Волга — река мира. Диалог культур волжских народов». 2014 г.

в Великой Отечественной войне, состоялось 3 мая 2015 г. в с. Напольном. В приветственном слове к односельчанам председатель МКЦ ЧР В. П. Седойкин отметил, что «наша общая историческая судьба неразрывно связана с судьбой России. Мы вместе были и во время побед, и в часы испытаний. У нас общая ответственность за прошлое и будущее нашей страны. И мы видим в этом один из важнейших залогов укрепления нашего государства, нашего единства и сплоченности». В этот день в памятном шествии «Помним! Гордимся!» приняли участие практически все жители села и многие приехавшие земляки. В сопровождении духового оркестра прошли дорогой, по которой уходили на фронт их отцы, деды и прадеды, возложили венки к мемориалу Воину-победителю, почтили память павших минутой молчания. Праздничные мероприятия продолжились в сельском Доме культуры, где государственный ансамбль песни и танца Республики Мордовия «Умарина» представил праздничный концерт. Эта ежегодная традиция благодарности и уважения подвигу

Шествие, посвященное Дню Победы. Село Напольное. 2015 г.

предков — защитников Отечества в День Победы собирает и объединяет людей разных национальностей в шествии «Бессмертный полк», в строю которого много потомков мордвы-эрзи и мокши. Это еще раз демонстрирует общегражданское согласие всех народов, которые в дружбе и мире проживают в России.

Таким образом, деятельность МКЦ ЧР показывает, что общест-

венные гражданские объединения, представляющие интересы отдельных этнических групп, могут и успешно участвуют в решении задач государственной национальной политики, среди которых — сохранение и развитие этнокультурных особенностей народа, укрепление общероссийского гражданского единства, гармонизация межнациональных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Приветствие Президента РФ Владимира Путина делегатов и гостей Пятого съезда финно-угорских народов Российской Федерации, Саранск, 26 сентября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 17.06.2019).
- ² Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями от 6 декабря 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru> (дата обращения: 17.06.2019).
- ³ См.: Юстус Т. В. Деятельность Центра мордовской культуры Чувашской Республики по сохранению и развитию этнокультурных традиций // Финно-угорский мир. № 1(6). 2010. С. 68 — 69.
- ⁴ См.: Евсевьев М. Е. Избранные труды. Т. 2 : Народные песни мордвы. Саранск, 1963. 528 с.
- ⁵ Осовский Е. Г., Зеткина И. А. Макара Евсевьевич Евсевьев: просветитель, ученый, педагог. Саранск, 2003. 172 с.
- ⁶ См.: Иванов В. П., Матвеев Г. Б. Этнокультурный портрет Чувашской Республики : ист.-этногр. очерки. Чебоксары, 2015. 199 с.
- ⁷ См.: Юстус Т. В. Воспитание межэтнической толерантности в студенческой среде // Проблемы воспитания патриотизма и гражданственности в полиэтническом регионе : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2011. С. 214 — 219.

Поступила 02.04.2019

В статье использованы фотографии из личного архива автора.

УДК 398.22

Евгений Владимирович Мочалов

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ЭПОСЕ «МАСТОРАВА»

*Памяти доктора исторических наук,
профессора, директора Научно-исследовательского
института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия
Валерия Анатольевича Юрчёнкова*

В начале нашего повествования подчеркнем, что формулировка исследования была подсказана, к сожалению, безвременно ушедшим от нас уважаемым профессором, доктором исторических наук Валерием Анатольевичем Юрчёнковым.

Тема о влиянии Библии, библейских мотивов на мордовский национальный эпос «Масторава» в современной гуманитаристике Республики Мордовия отнюдь не нова. Так или иначе к ней обращались помимо уважаемого профессора Валерия Анатольевича Юрчёнкова¹ Нина Георгиевна Юрчёнкова², Николай Федорович Мокшин³, Татьяна Петровна Девяткина⁴, Александр Павлович Феокистов⁵, Александр Маркович Шаронов⁶, ряд других известных ученых. В связи с этим примечательно высказывание профессора В. А. Юрчёнкова: «Мордовский народ как творящий индивидуум имеет свое мировоззрение и свою историю, и содержание мордовского национального эпоса есть их отражение»⁷. В немалой степени в качестве методологии нами были использованы работы М. Элиаде⁸ и А. Ф. Лосева⁹.

Общеизвестен тот факт, что в мировой литературе, в мировой духовной культуре, в памятниках фольклора нашли воплощение и отображены самые волнующие людей темы, сюжеты и образы, затронутые в священных текстах. Поэтому совершенно не удивительно, что и национальная литература финно-угорских народов так или иначе обращалась к Священному Писанию. Мы лишь попытаемся сделать очень беглый, фрагментарный обзор этого интересного и во многом поучительного процесса и ответить на вопрос: как преломлялась Библия в эпосе «Масторава».

Сразу же следует отметить, что никакого буквального совпадения между Библией и «Масторавой» не существует. По нашему мнению, есть основания вести речь о неких параллелях, о влиянии Библии и христианства на становление духовной культуры Мордовии. Вышеупомянутый нами профессор Н. Ф. Мокшин в книге «Религиозные верования мордвы» писал: «В религиозных верованиях и обрядах отражалась, хотя и фантастически, историческая действительность, в которой жил тот или иной народ — природные условия, древние формы хозяйственной деятельности, общественных отношений, связи с другими народами. История религии есть отражение истории самих людей, создателей той или иной религии. Таким образом, знание истории религии помогает лучшей реконструкции исторического прошлого народов»¹⁰. Это очень интересная книга, и нам хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство: ссылку автора на работу В. Шмидта. Шмидт, как справедливо отмечает Н. Ф. Мокшин, является очень известным в Западной Европе представителем католической школы в этнографии. В своем 12-томном труде он высказал мысль о том, что с самого начала людям было дано «первобытное откровение». Иными словами, все их начальные ранние верования являлись как бы подготовительной частью к осознанию единого Бога¹¹ — Бога-творца и земли, и окружающего мира, и самого человека. Профессор Н. Ф. Мокшин обращается также к книге финского ученого У. Харвы «Религиозные представления мордвы», которая вышла в прошлом веке в Хельсинки на немецком языке. Анализируя ее, ученый пришел к выводу, что Харва не мог раскрыть

идею возникновения единого Бога, рассматривая религиозные представления мордвы в отрыве от социально-экономических условий жизни народа¹².

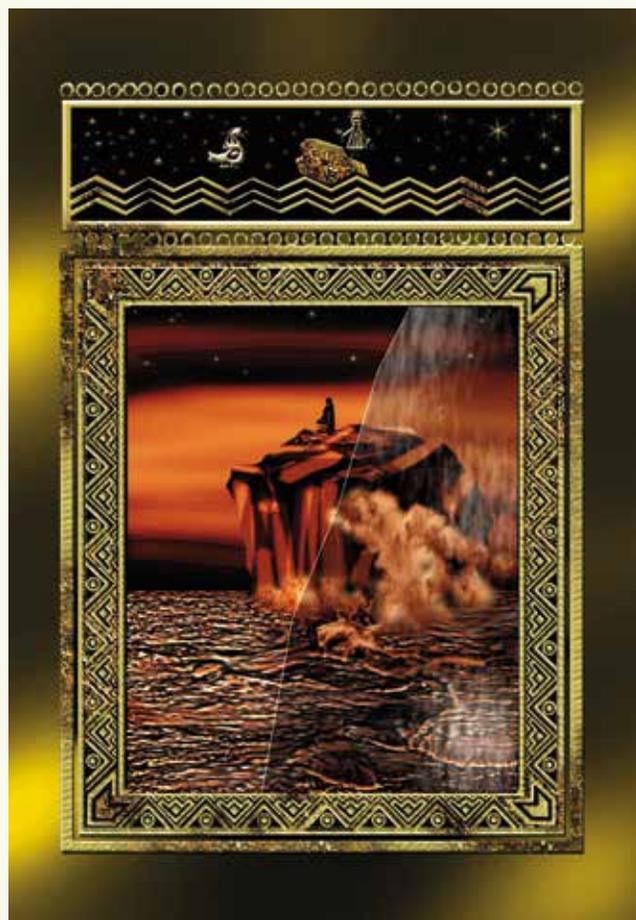
В связи с этим небезынтересна работа А. П. Феоктистова «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков», в которой выдающийся мордовский языковед утверждает, что дореволюционные памятники мордовской письменности, составленные на различных мокшанских и эрзянских диалектах, содержат в себе уникальные языковые материалы, которые являются единственным источником изучения сложных вопросов исторической диалектологии¹³. На богатом материале «Краткого катехизиса», переведенного на мордовский язык с учетом особенностей русского и мордовского просторечия, букварей и словарей на различных языках ученый рассмотрел, каким образом происходило влияние русского языка, и, в частности, текстов Священного Писания, на историю формирования мордовских письменно-литературных языков. В своей интереснейшей работе А. П. Феоктистов подчеркнул, причем совершенно справедливо, что первые текстовые памятники мордовской письменности восходят к XVIII в., то есть к тому периоду истории Русской православной церкви, когда ее служители все больше начали осознавать безуспешность пропаганды среди нерусского населения идей православия на церковнославянском языке. На протяжении XVIII и XIX вв. одной из центральных установок Синода для миссионеров, проповедовавших христианскую веру среди язычников, стало создание переводов на мордовские и другие языки народов России основных разделов Нового Завета и прочей богослужбной литературы.

Кроме перевода сакральных текстов, в царствование Екатерины II, Павла I и Александра I на мордовских языках был также издан ряд неканонических текстов. Обратим внимание на тот факт, что в 1821 — 1827 гг. на эрзя-мордовский язык был переведен и издан весь текст Нового Завета, который буквально отличает аутентичность. Он представляет собой попытку дословного перевода церковнославянского текста на мордовские языки. Из мордовских переводов второй половины XIX в. выделяются «История» (1880 г.), «Евангелие от Матфея» (1882 г.), «Евангелие от Луки» (1889 — 1897 гг.) и полный текст «Евангелия», переведенный в 1910 г. На мокшанский язык был переведен «Краткий катехизис» в 1861 г. Кроме того, очень значимыми событиями в духовной культуре мордовских народов стали словари русского языка, изданные в конце XIX в. Таким образом, совершенно очевидно, что в XIX в. проводилась очень существенная издательская и переводческая работа по выпуску книг на мордовских эрзя и мокша языках.

Именно в XIX в. был заложен фундамент процессов проникновения и влияния текстов Священного Писания на формирование культуры мордвы. Обратимся к текстам «Масторавы» и Библии. Видимо, речь не идет о буквальном влиянии Библии или текстов Священного Писания на «Мастораву», в которой само слово «Библия» не упоминается. Однако «Масторава» возникла и получила распространение в начале процесса христианизации мордвы. Таким образом, в теоретическом отношении Библию можно рассматривать как некий архетип культуры и нравственности, некую парадигму, которую создали сам стиль и само направление написания «Масторавы» хотя бы в отдельных ее частях. Для подтверждения этой мысли достаточно обратиться к песне первой — «Рождение земли»:

«...было все кругом темно и пусто:
Не было еще земли на свете —
Лишь вода, разлитая повсюду,
Лишь одна вода была на свете.
По тому по морю-океану,
По его серебряным, по волнам
Плыл на камне Нишкепаз великий,
В одиночестве плыл Шкай на камне»¹⁴.

*А. С. Алёшкин. Происхождение мира
(Иллюстрация к книге «Масторава»)*

Песнь «Рождение земли» вполне может коррелироваться с первой книгой Ветхого Завета «Бытие»: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» [Бытие 1, 2]. Эти образы пустоты и сотворения мира очень близки. Интересно также то обстоятельство, что в Библии больше идет речь об определенных временах творения — о циклах, о днях, то есть так или иначе присутствует идея времени. В «Мастораве» этого нет, во всяком случае, в разделе, посвященном рождению земли, категория времени еще отсутствует.

Обратимся теперь к проблеме создания человека в «Мастораве»:

«Ой, да призадумался тут Нишке,
Ой, теперь подумал он такое:
Человека надо сделать быстро
С думающей, умной головою!
И пускай живет на Мастораве,
И пускай хозяйничает, правит
Всем, что мною создано навечно.
Будет он хозяином над всеми!
Тут набрал Шкайпаз в достатке глины,
Начал мастерить он человека...
Вот уж человек почти готовый,
Всем походит человек на Шкаю,
Только есть и разница пока что:
Возрастом значительно моложе.
Парень крепкого телосложения.
Нету в человеке духа жизни —
Он поэтому еще не дышит
И по мастору еще не ходит»¹⁵.

В Библии создание человека описано следующим образом: «И создал Господь Бог человека из праха земного. И вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою» [Бытие 2, 7]; «И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся над землей» [Бытие 2, 28]. Сравним аналогичный эпизод с текстом «Масторавы»:

«И пускай живет на Мастораве,
И пускай хозяйничает, правит,
Всем, что мною создано навечно.
Будет он хозяином над всеми»¹⁶.

В «Мастораве» достаточно подробно описывается цель создания человека:

«...растет и расцветает мастор,
Но на нем нет жителя, владельца, —
Нету ни коща травы шелковой,
Нет на нем ни сеятеля хлеба»¹⁷.

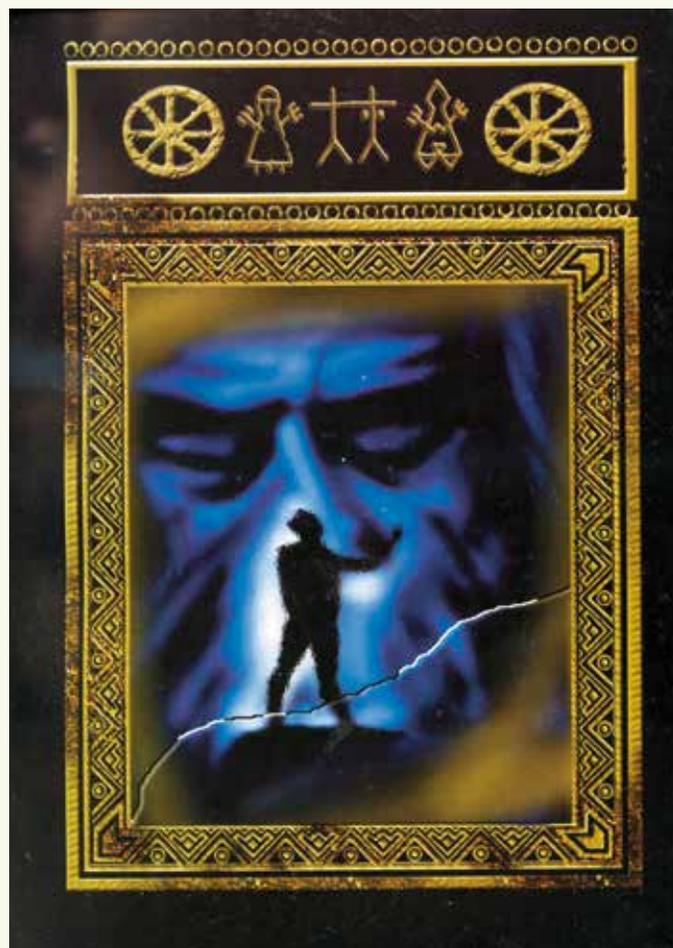
Анализируя сотворение человека, следует обратить внимание на создание его жены:

«Ой, Шкайпаз родной, кормилец Нишке,
Рук твоих творенье полюбил он.
Он жену привел для человека»¹⁸.

Если, согласно Библии, Бог сотворил жену Адама Еву из ребра, то, следуя тексту «Масторавы», ее просто привели:

«Передал ее, кормилец, в руки
И сказал слова ему такие:
— Пусть она тебе женою будет,
Ты над нею, эрзя, будешь старшим,
Ты над нею, мокша, старшим будешь,
Для нее кормилец и хозяин.
Женщине Шкайпаз сказал такое:
— Посмотри, твоим он мужем будет...
Слушайся отныне его слова,
Исполняй всегда его желанья.
И переноси его характер,
Угождать хозяину стараясь.
И тогда спокойным будет сердце,
И тогда с ним будешь ты прекрасна»¹⁹.

*А. С. Алёшкин. Создание человека
(Иллюстрация к книге «Масторава»)*

Само описание Масто́равы в каком-то смысле напоминает библейский рай, рай Ветхого Завета:

«Всю-то Масто́раву заселили.
И у всех у них один обычай.
И у всех у них — язык единый.
Все-то одинаково одеты.
Все-то одинаково обуты.
Любят от души они друг друга.
Молодые слушаются старших,
Нишкепаза любят и боятся»²⁰.

Описание человеческого бытия привлекательно не только языковым единством, но также царством справедливости, когда все уважают друг друга, все «одинаково одеты, одинаково обуты». Безусловно, есть основания утверждать общность идейных истоков социальной справедливости или хотя бы обнаружить отсылы к проблеме социальной справедливости. Все это так или иначе напоминает библейскую историю о вавилонской башне, когда у людей, живших на земле, были едиными обычай, закон и язык.

Особенно подчеркнем значимость для народов Мордовии образа Родины — матери Масто́равы. В нем мокша и эрзя видят себя единым целым, субъектом священной истории, семьей. Эта историческая аналогия с малой родиной-семьей порождает образ всей мокша-эрзя семьи. Если в Библии важным критерием принадлежности к семье является вера, то в «Мастора́ве» — единство семейной традиции на конкретной территории. Образ Масто́равы в этом случае даже не допускает никакой возможности подмены образа нации каким-либо философским, религиозным идеалом, разделяющим общество на «чужих» и «своих». Пророчески звучат в этом отношении слова немецкого философа XIX в. Фридриха Яна: «То, что собирает отдельные черты, накапливает, усиливает их, связывает воедино, создает из них целый мир, эту объединяющую силу в человеческом обществе нельзя назвать иначе, как народностью. Сюда относится то общее, что присуще народу, его внутренняя сущность, его помыслы и жизнь, его способность к воспроизводству и продолжению рода. В результате во всем фольклоре господствуют народный дух, народные чувства, любовь и ненависть, радость и печаль, переживания и поступки, лишения и приобретения, надежды и стремления, предчувствия и вера. Это сплавливает всех представителей народа, не лишая их свободы и самостоятельности, наоборот, укрепляя их связь с другими, со всеми членами прекрасно спянной общины»²¹.

Продолжая размышлять на тему библейских сюжетов в «Мастора́ве», нельзя не обратить внимание на образ женщины, которая сравнивается с «лебедушкой», когда воспевается ее красота. Аналогичные мотивы прослеживаются в книгах «Песни Песней Соломона»:

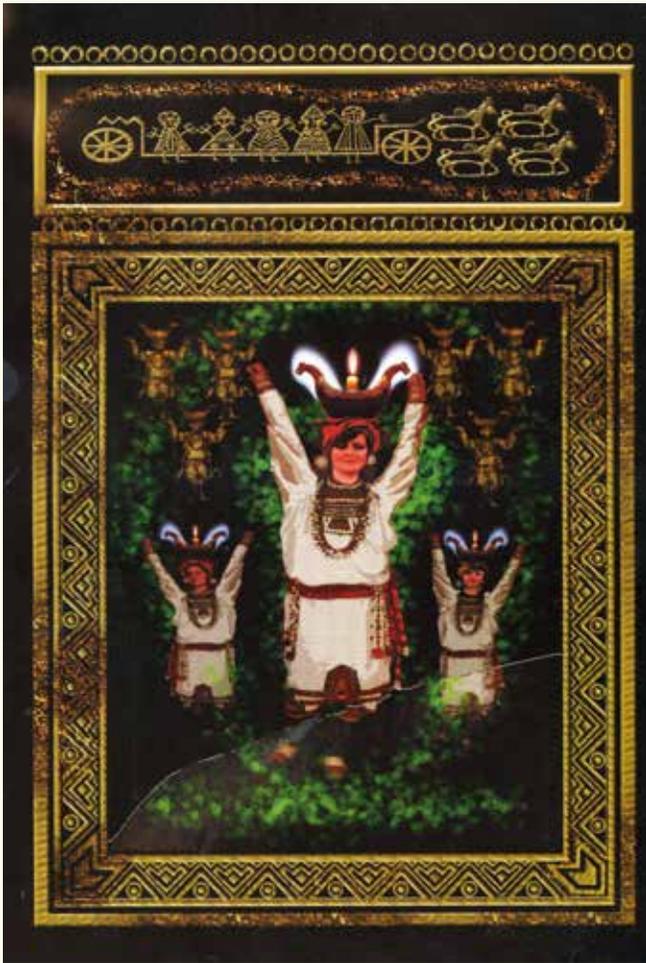
«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные под кудрями твоими; волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галаадской»; «Зубы твои, как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят и бесплодной нет между ними»; «Как лента алая, губы твои и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими»; «Шея твоя, как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных»; «Два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями»²².

Полагаем возможным констатировать тот факт, что здесь фольклор, литература и духовная культура в каком-то смысле обращены к созерцанию библейской тайны, которая выражена в великих словах апостола Иоанна: «И слово стало плотью, и обитало с нами полной благодати и истины». Конечно, речь не идет о каких-либо прямых заимствованиях, но существование определенных параллелей, особенно в начальных книгах «Масто́равы», совершенно очевидно. Следует также принять во внимание вторую книгу «Масто́равы» — песнь «Поиски счастья». Поиски счастья — они присущи каждому народу, каждому человеку, поэтому поиск счастья во многом можно рассматривать как своего рода «Исход» Ветхого Завета.

Таким образом, библейские мотивы определенно присутствуют в эпосе «Мастора́ва». Их влияние проявляется не только в сюжетных линиях, но и в структуре текста, где повествуется о сотворении земли, мира, создании человека и др.

Именно в мифе, фольклоре и эпосе обнаруживается непосредственная связь личности с обществом, помогающая преодолевать одиночество человека. В эпосе заключен если не ответ, то направление его поиска на самые важные вопросы, волнующие человека. В этом отношении эпос «Мастора́ва» выступает уникальным средством и способом хранения коллективного опыта. Социальный опыт, представленный в эпическом наследии, священных текстах, запечатлевает внутренние переживания человека, его повседневную жизнь, быт, религиозную составляющую. В этом отношении он использует категории вместо событий, архетипы. Историческое лицо соотносится с героем (Сураля, Тюштя, Сабан, Норовава), событие — с действием, борьбы со злом.

Существуют и определенные отличия текстов Библии и «Масто́равы». В первом случае они направлены на абсолютное бытие, Бога, а во втором — на великую Семью. Как для библейских текстов, так и для текстов «Масто́равы» описываемые события — это реальная история, взятая в канонические рамки. Знаменитая триада Г. Гегеля «тезис — антитезис — синтез» экстраполируется в Библии и эпосе во временном выраже-

А. С. Алёшкин. Танец с братиной
(Иллюстрация к книге «Масторава»)

нии: настоящее — прошлое — будущее. Мы убеждены, что философское исследование национальной, именно мордовской мифологии, имеет не только научную, но и прагматическую значимость. Без социально-философского, культурологического осмысления прошлого невозможно построение современного гражданского общества с устойчивым развитием во благо человека. Кроме того, реальная социальная ориентация общества, народов Мордовии на нравственные ценности, закреплённые в фольклоре, в эпосе, позволяет достигнуть определенной социальной гармонии.

Гуманитаристика Мордовии позволяет вполне рационально осмыслить мифотворчество ее народов. Это продиктовано, прежде всего, необходимостью выявления не средневековой религиозной нетерпимости и вражды, а идеалов гуманизма, гармонии национального и всечеловеческого, прошлого и будущего, человека и государства.

Национальная мифология, представленная в эпосе «Масторава», выражает коллективный опыт сохранения, укрепления и развития социальной идентичности народов Мордовии в качестве одной большой и дружной семьи. Именно народы Мордовии стали субъектом мифотворчества, а рожденная в недрах его самосознания мифология консолидирует и скрепляет их связь с Россией. Видимо, народ существует, пока живет его национальная мифология. Один из самых известных мыслителей и историков культуры XX века, блистательный антрополог Мирча Элиаде писал: «...мифологическое мышление может оставлять позади свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам. Но оно не может исчезнуть окончательно»²³.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Юрчёнков В. А. Масторава: основные тенденции развития // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 15 — 23 ; Его же. Мордовский национальный эпос — гениальное творение ума и сердца народа // Масторава : мордовский народный эпос. Саранск, 2012.
- ² См.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009. 412 с.
- ³ См.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы : ист.-этногр. очерки. Саранск, 1968. 160 с.
- ⁴ См.: Девяткина Т. П. Мифология мордвы : энцикл. Саранск, 2007. 332 с.
- ⁵ См.: Феоктистов А. П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2008. 392 с.
- ⁶ См.: Шаронов А. М. Картина мироздания в мифологии народа эрзя // Ежегодник финно-угорских исследований [Ижевск]. 2009. № 2. С. 83 — 91 ; Его же. Мордовская версия мифа о сотворении человека // Литературный процесс: история и современность. Саранск, 2008. С. 204 — 211 ; Его же. Мордовский вариант мифа о сотворении мира // Филологические исследования 2003 — 2004 : межвуз. сб. науч. трудов. Саранск, 2005. С. 228 — 237.
- ⁷ Юрчёнков В. А. Мордовский национальный эпос... С. 13.
- ⁸ См.: Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. 256 с.
- ⁹ См.: Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М., 2001. 558 с. ; Его же. Мифология греков и римлян. М., 1996. 975 с.
- ¹⁰ Мокшин Н. Ф. Указ. соч. С. 4.
- ¹¹ Там же. С. 5.
- ¹² Там же. С. 13.
- ¹³ См.: Феоктистов А. П. Указ. соч.
- ¹⁴ Масторава. С. 26.
- ¹⁵ Там же. С. 41.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 45.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 46.
- ²¹ Цит. по: Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 44.
- ²² Библия : Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. С. 676.
- ²³ Элиаде М. Указ. соч. С. 28.

Поступила 17.07.2019

УДК 39(470.345)

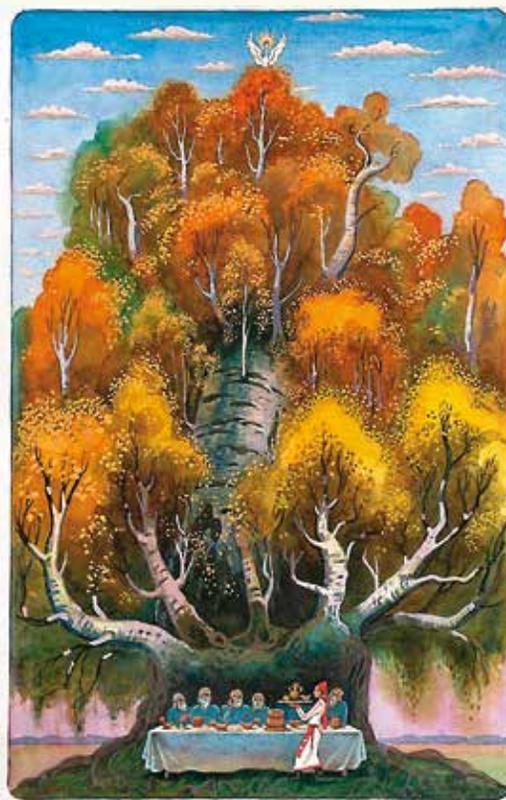
Александр Владимирович Рябов

САКРАЛЬНО-МАГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДЕРЕВА В ЭТНОКУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Предки мордовского народа, жившие в лесах, относились к деревьям с большим почтением, одушевляя и наделяя их сверхъестественными свойствами¹. Языческая мордва считала, что кроме Вирявы — богини леса — у каждого дерева был свой покровитель. Согласно религиозным представлениям древней мордвы, весь мир держится на Мировом (Великом) дереве, опутывающем корнями всю землю, а ветвями держащем небесный свод; оно было также связующим звеном между подземным, земным и небесным мирами. Священными деревьями выступали дуб, береза или яблоня. По преданию, пока Верховный бог (Нишкепаз) спал под деревом, оно росло, отодвигая землю от неба, овраги заполнялись водой, пустые ложбины — родниками, на голой земле появлялись растения, звери, птицы. В корнях дерева жили змеи и нечистые духи, а его крона связывалась с Нишкепазом, небом, солнцем и птицами. Согласно поверьям, с помощью дерева можно было попасть на тот свет, поэтому в прошлом мордва хоронила умерших на деревьях².

Мифологический образ Великого дерева, связующего верхний, средний

и нижний миры Вселенной, представлен в мордовском эпосе «Масторава». Здесь мордовский пантеон, согласно авторской интерпретации, в иерархическом порядке находится на ветвях Великого дуба (аналогично древнегреческим богам Олимпа)³. Образ Великого дерева использован в «Мастораве» разнопланово — это не только центр мироздания, но и место поклонения. Так, в начале произведения «Ушоткс» Великим деревом названа растущая на горе береза. Под ее кроной собираются старейшины рода обсуждать важные дела, с ними беседует Иненармунь — посланница бога, сидящая на ветвях Великого дерева. К подножию священной березы приходят люди, чтобы поклониться богам и принести им жертву⁴. Следует отметить, что у мордовского народа считалось священным любое очень старое дерево, или пораженное молнией, или одиноко растущее в поле. Их наделяли магическими функциями, прося избавить от

Н. С. Макушкин. Великое дерево

болезней и сглаза; приносили им различные дары — развешивали на ветках одежду, лоскуты, полотенца; на них молились, к ним прикасались и просили о помощи. У каждого села была своя священная роща, где не

рубят деревья и не собирали с них плоды. В особые дни сюда приходили умиловить богов — закалывали жертвенных животных, устраивали праздничные трапезы. Мордва верила, что среди деревьев жили Вирява, ростом выше самого высокого дерева или ниже куста, седая и горбатая Баба-Яга, коварная Варда. Из всех древесных пород особо почиталась береза, которой покровительствовала сама Анге Патяй. Березу украшали на праздники, воспевали в песнях, сравнивали с ней красивых девушек⁵. Яблоня и рябина считались «чистыми» деревьями, использовать их для топки печи запрещалось. Столь уважительное отношение к этим породам объясняется их важным хозяйственным значением. Осина и ель в отличие от выше-названных деревьев считались «нечистыми». Мордовские моления, как правило, проводились под дубом, липой, березой, вязом или сосной. В частности, липе мордовские женщины жертвовали курицу, молили священное дерево о богатом урожае хлеба, умножении поголовья домашней птицы⁶.

Почти у каждого дома росла рябина, так как считалось, что она способна защитить от нечистой силы, болезней. В качестве оберега на воротах или дверях дома мордва развешивала рябиновые ветки, их также клали рядом с больным в надежде на скорое выздоровление. Во время грозы, оказавшись на улице, бежали прятаться под рябину, веря, что под этим деревом молния обойдет стороной. В мордовских селениях запрещалось рубить, ломать кусты, обрывать цветы и даже ягоды рябины. С ней связывались мистические представления: если кто осмеливался срубить или поломать дерево, то мог умереть сам или его близкие. Рябину воспевали в народных песнях, где она сравнивалась с тоскующей женщиной, не рассказывающей о своей печали, а горечь рябиновых ягод символизировала безрадостную жизнь⁷.

Символ Мирового дерева, древа жизни использовался во многих обрядовых действиях. Так, обязательным элементом мордовской свадьбы была обрядовая ветка *шач умарина*, эрз. (цветущая яблоня), которой украшали свадебный пирог (эрз. *лушки*); яблоневые прутья использовались для плетения свадебной кибитки (эрз. *онава*, или *улема*). Описывая ритуал *лемдема*, эрз. (имянаречение молодухи), М. Е. Евсевьев отмечал: «Один из участников свадебного поезда... влезает на приступку у печки и двумя ударами топора откалывает щепку от третьего бревна от потолка. Затем слезает вместе с отколотой щепкой и кладет ее на голову невесты... произнося то имя, которое желают дать молодухе»⁸.

Жительница эрзянского села Ширингуши Большеберезниковского района Мордовии Валентина Сорокина рассказала о роли деревьев в жизни сельчан: «...недалеко от нашего дома на широком поле рос огромный дуб, он возвышался над ним, как огромная гора. Нам, детям, казалось, что это великан из бабушкиных сказок. Ходить к дереву было запрещено, прежде всего, из-за боязни потеряться во ржи и из-за змей, которых много водилось в наших местах. Однажды, воспользовавшись отсутствием в доме взрослых, мы решили подойти к дубу. Пройдя ржаное поле, мы очутились во владениях дуба-великана, занимавшего огромную территорию вокруг себя. Раскрыв рты, мы смотрели на толстый ствол, пытались обхватить его руками, щеками прижимались к коре, покрытой глубокими трещинами-морщинами. Однажды на улице бушевала гроза и шел сильный дождь, но дуб стоял гордо, не склоняясь от порывов ветра.

На другой день мы решили отнести гостинец нашему дубу. Каждый из нас восхищался его силой и стойкостью. Нам показалось, что он услышал наши слова и поблагодарил нас, сбросив на землю два желудя. С этого дня стало традицией приносить дубу еду и воду, а он закрывал нас своими огромными ветками-лапами. Став взрослым человеком, я с большим трепетом вспоминаю это время. Несколько лет назад я узнала о том, что дуб является священным деревом у многих народов, в том числе у эрзян. У дуба проводились моления, венчания, просили о дожде в засушливые годы, о рождении детей, о силе и молодости. Бусы, сделанные из желудей, оберегали от глаза и наделяли их владельца даром провидения. Запрещалось рубить дерево, а если в этом была необходимость, то делали это ночью при убывающей луне. Срубленное дерево не умирало, через несколько лет на

Священная роща мордвы.
Фото М. Е. Евсевьева.
Начало XX в.

пеньке образовывались веточки, самая сильная из которых становилась стволом. Если собирали желуди и листья, то лили под корень хмельную брагу в знак уважения его дарам. Под дубом гадали и предсказывали, слушая его шелест листьев и скрип ствола. Узнав все это, я сделала для себя важное открытие. Из поколения в поколение передаются по крови обычаи и традиции наших предков. Откуда нам, детям, было знать, что ломать ветки этого дерева запрещено, что ему надо приносить дары, завязывать на ветки ленточки, просить о чем-то, рассказывать о своих проблемах? А это все пришло в мое сознание зовом предков, которые жили в единении и гармонии с природой, а она в благодарность давала им свои силы, кормила их своими плодами»⁹.

Мордовский народ издавна использовал древесину как материал для художественной обработки. Из лиственных пород дуб — самое крепкое и прочное дерево. Древесина дуба крупнопористая, очень трудная в обработке. Противоположна дубу осина. В народе бытует поговорка — «осина не древесина». Из этого «нечистого», как считается у мордвы, дерева делают так называемую дранку — небольшие тонкие дощечки, которыми кроют крыши домов, накладывая их одну на другую снизу вверх. Дранка, вырезанная фигурно, называется «лемех». И дранка, и лемех долго не загнивают, приобретая со временем красивый серебристый оттенок; «лемехом» с давних пор покрывали кровли старинных церквей. Сама же осина, не успев вырасти, часто загнивает и покрывается наростами с гнилой сердцевинной. Тонкая дранка использовалась также для обшивки стен в саманных (смесь глины и соломы) домах. Готовую обшитую стену замазывали глиняным раствором вручную.

Дерево являлось универсальным материалом для создания предметов утилитарного назначения. Так, мор-

Священный дуб. Симкинское лесничество
Большесберезниковского района Республики Мордовия

довский народ изготавливал шумовые музыкальные инструменты из определенного дерева. Некоторые из них были заимствованы от бытовых предметов, таких как бельевые вальки и рубели (небольшие плоские дощечки с круглой рукоятью в форме прямоугольника, изготовленные из твердых пород деревьев — березы, клена, ясеня), прекрасно создающих звуковой эффект.

Из хвойных деревьев наиболее ценной считается сосна благодаря красивой и прочной древесине. С давних пор ее используют в строительстве домов и в качестве подельного материала. Дома, построенные из сосновых бревен, стояли веками, сохраняя тепло зимой и прохладу летом. «Кто построит сосновый дом, — поется в мордовской песне, — кто срубит сосновую избу, тот пусть скажет: „У меня есть дом“, тот пусть скажет: „Я с домом“. Кто построит осиновый дом, кто срубит осиновую избу, тот пусть скажет: „У меня нет дома“, тот пусть скажет: „Я бездомный“»¹⁰. Строили одним топором, поэтому в народе говорили: «срубить дом», «срубить город». У мордвы топор был основным строительным инструментом, поэтому пользовался особым почитанием. При постройке деревянного дома учиты-

вались физические и механические свойства дерева. Запрещалось рубить деревья священных рощ. При нахождении подходящих для строительства деревьев вначале обращались к верховному богу Нишкепазу с просьбой выделить необходимое количество древесины.

Интерьер мордовской избы значительно отличался от интерьера русского крестьянского жилища. Для него были характерны широкие пристенные неподвижные лавки, носившие различные названия, а также находившиеся под потолком полати, на которых спали и держали повседневную одежду. С крестьянской избой неразрывно связана традиционная культура мордовского народа. Так, строение дома, в частности крыши (эрз. *кудо пря*), тождественно женскому головному убору (эрз. *панго*); декоративные элементы оконных (эрз. *вальмат*) и дверных (эрз. *кенкшт*) проемов сходны с орнаментом национальной вышивки на праздничной одежде мордовской женщины¹¹. Нередко в духовных традициях мордвы сельский дом (крестьянская изба) ассоциируется с материнством, символизирует жизнь, продолжение рода. Культ дома широко представлен во многих мифах, легендах, устно-поэтическом творчестве мордовского народа.

П. В. Рябов, А. В. Рябов, А. П. Туркичев. Кереметь. 2012 г.

Наделение деревьев сакральными свойствами обуславливало особое отношение крестьян к поделочному материалу — стремление использовать его целиком, найти готовую, «самородную» форму, сохранить природные очертания. Можно предположить, что пассивное следование древесному материалу отражает древние религиозные запреты. Этим, возможно, объясняется и болваноподобная, почти не обработанная, форма деревянных мордовских идолов. Чрезмерно усердная обработка могла бы нарушить скрытую жизнь дерева, убить в нем спящего бога. Существует точка зрения, согласно которой идолы выполняли охранную функцию, прежде всего обрядового места, не являясь предметом поклонения. До настоящего времени в мордовских селах традиционно отмечается национальный праздник *Раськень озкс* (эрс. *раське* — народ, родня; *озкс* — моление), возникший еще в дохристианскую пору как религиозный языческий ритуал, связанный, прежде всего, с земледелием. Совершая обрядовые действия, сопровождаемые магическими заклинаниями и ритуальными угощениями, мордва как бы стремилась повлиять на непонятные ей явления природы, задобрить богов,

заручившись благосклонностью высших сил. Жители села собирались на большой поляне и молили верховного бога Инешкипаза о здоровье, сохранности посевов и щедром урожае хлебов, добром приплоде скотины¹². Ритуальное моленье нашло отражение в деревянной скульптурной композиции «Кереметь», авторами которой являются мастера-резчики А. В. Рябов и П. В. Рябов из Республики Мордовия и А. П. Туркичев из Пензенской области. Авторский замысел

композиции заключается в следующем: «Давным-давно в каждом поселении существовало место для моления — „Кереметь“ — священная роща. Раз в год в эту рощу приходили женщины, чтобы поделиться своей болью, своими переживаниями». Центральное место в композиции занимает священное дерево, символизирующее связь духов предков с богами.

Значительное место в культурном пространстве Республики Мордовия занимают садово-парковые скульптуры. Для их создания резчики, как правило, используют сосну¹³. Крупные скульптуры на тему эзрянской мифологии широко представлены в Доме-музее «Этно-кудо имени В. И. Ромашкина» в с. Подлесная Тавла.

Таким образом, мифологическая картина мира финно-угорских народов изначально тесно связана с образом дерева. Мотив Мирового дерева является одним из ведущих не только в устно-поэтическом творчестве мордовского народа, но и в декоративно-прикладном искусстве тавлинских мастеров, что обуславливает использование древесины как материал для утилитарных целей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Рябов Н. В. Мировоззренческие традиции в мифологии мордвы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2 (30). С. 185 — 195.
- ² См.: Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009. С. 343.
- ³ См.: Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 1994. С. 172 — 173.
- ⁴ Там же. С. 9.
- ⁵ См.: Юрчёнкова Н. Г. Указ. соч. С. 344.
- ⁶ Там же. С. 371.
- ⁷ Там же. С. 388.
- ⁸ Евсевьев М. Е. Избранные труды : в 5 т. Саранск, 1961. Т. 1. С. 230 — 231.
- ⁹ Полевой материал автора. В. Сорокина, с. Ширингуши Большеберезниковского района Республики Мордовия, запись 2016 г.
- ¹⁰ Евсевьев М. Е. Указ. соч.
- ¹¹ См.: Прокина Т. П. Мордовский народный костюм. Саранск, 1990. С. 25.
- ¹² См.: Лузгин А. С. Любимая Русь и мордва. Саранск, 2009. С. 126.
- ¹³ См.: Рябов П. В. Садово-парковая культура как этнообъединяющий фактор // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 1 (17). С. 125 — 131 ; Его же. Развивая народные традиции... : О творческом пути П. В. Рябова // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 97 — 102.

УДК 070:316.334.52:17.022.1(470.345-25)

Наталья Михайловна Фролова

ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМИДЖА В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ

На примере города Саранска в свете актуальных спортивных событий

Важное место в региональной политике современной России занимает работа над имиджем субъектов Российской Федерации. Понятие «имидж» (от англ. «образ», «изображение») конкретизируется в работах отечественных исследователей. Так, в научной рецепции Д. О. Селентьевой социально-политический имидж есть «положительный облик», «непосредственно или преднамеренно создаваемое визуальное впечатление о личности или социальной структуре»¹; исследователь М. В. Яковлев под «имиджем» понимает «общее, эмоционально окрашенное системное представление о регионе как государственном субъекте и уровне управления, формируемое на основе значимых событий, которые происходят в этом регионе»². При этом впечатление и субъективное представление, положенные в основу феномена имиджа, безусловно, имеют подчеркнuto необъективную природу и могут существенно отличаться от существенных, наличествующих характеристик объекта оценки. Таким образом, работу

над социально-политическим имиджем вполне можно рассматривать как осознанный, целенаправленно осуществляемый процесс воздействия на реципиента в заданном аспекте или направлении. Усиление положительного модуса имиджа региона непосредственно связано с повышением уровня консолидации социальных сил в нем, социальной стабильности в отдельном субъекте Российской Федерации и России в целом.

Работа над имиджем региона со стороны его руководства имеет подчеркнuto разнонаправленный и разноаспектный характер. С одной стороны, она ориентирована на формирование положительного мнения о нем в федеральном центре. Здесь наиболее важными являются следующие моменты: наличие сильного лидера; сбалансированная система власти, восприимчивая к влиянию «сверху»; стабильность развития региона; гибкая и выраженная социальная политика; экономический рост, привлекательность для инвесторов и другие факторы, обуславливающие

эффективность и продуктивность социально-политического и социально-экономического развития. С другой стороны, это работа с населением региона, которая в сравнении с первым аспектом имеет свою специфику, заключающуюся в акцентировании не столько объективных показателей (не столь значимых для большей части населения, поскольку уровень жизни в субъекте Российской Федерации жители способны оценить исходя из собственных наблюдений и опыта), сколько субъективных, сводящихся к повышению гордости за свою республику, область или край, к осознанию их места в жизни современной России, пониманию масштабности процессов, начатых руководством и активно реализующихся для повышения социально-экономического благополучия граждан. Если в первом случае целью работы над имиджем региона становится увеличение поддержки со стороны федерального центра, то во втором — повышение общественной сплоченности и стабильности в субъекте

Российской Федерации, демонстрация одобрения населением политических, социальных и экономических решений правительства и т. д. Несомненно, оба аспекта оказывают мощнейшее влияние на содержание социально-политических процессов в регионе, конструирование информационного пространства в федеральных и республиканских (краевых) СМИ, выбор технологий связей с общественностью и прочее. В центре нашего внимания будет находиться второй из названных аспектов преобразования имиджа региона, ориентированный на развитие положительного мнения о нем у населения как залогом поддержки со стороны общественности проводимой в нем политики.

Усиление значимости имиджевой политики в субъектах Российской Федерации М. В. Яковлев связывает с изменением их политического и правового статуса в начале 1990-х гг.: «Федеративный договор от 31 марта 1992 года изменил характер и основные принципы взаимодействия между центром и регионами России. Регионы наделены новыми полномочиями и стали относительно самостоятельными участниками социально-политических процессов; кроме того, именно властные структуры регионов, в отличие от федеральных государственных органов, работают непосредственно с населением, а также во многих случаях исполняют президентские и правительственные задачи по национальным проектам. В этом контексте имидж региона является собой необходимый компонент информационно-политического пространства и эффективный инструмент решения проблем взаимодействия Центра и регионов»³.

Наиболее ярким примером активной работы над имиджем региона, в том числе регионального центра, является, на наш взгляд, значительное и интенсивное в последнее время преобразование облика г. Саранска —

административной столицы Республики Мордовия. Это связано, прежде всего, с развитием в нем спортивной жизни. Начиная с 2000-х гг. благодаря достижениям мордовских спортсменов в мировых первенствах, а также широкому строительству спортивных объектов в Мордовии Саранск по праву называют спортивной столицей Поволжья. Новой вехой в его спортивной истории стало участие на правах города-организатора в проведении чемпионата мира по футболу в 2018 г. После оглашения 29 сентября 2012 г. окончательного списка городов-организаторов чемпионата, среди которых был и Саранск, в городе начали активно готовиться к проведению будущего первенства, на что ушли немалые силы и средства: были возведены спортивные объекты, прежде всего футбольный стадион вместимостью более 40 тыс. чел.; расширена инфраструктура; отремонтированы и модернизированы вокзалы и аэропорт; проложены новые дороги, включая объездные, и т. д. Все это потребовало личного участия не только руководства, но и граждан, связанных с подготовкой к чемпионату, мобилизации их сил, преимущественно в последнее полугодие перед первенством. В числе приоритетных задач было формирование определенных социальных установок, или аттитюдов, восприятия этого спортивного события, направленных на снижение роста недовольства и опасений относительно его проведения в столь небольшом по масштабам России городе, создание положительного модуса эмоционального к нему отношения, общения с гостями, спортсменами, поведения, достойного события мирового уровня в целом. Иными словами, должна была состояться успешная презентация Саранска практически для всего мира, и образ его жителей играл в этом немалую роль.

В задачи руководства города и Республики Мордовия входило фор-

мирование положительного отношения к грядущему спортивному событию, осознания готовности к нему, поскольку практически никому не известный ранее город становился центром спортивной жизни мира. На наш взгляд, социальная установка на усиление гордости за свою малую родину, понимание ее бесспорных достоинств даже в сравнении с более крупными городами России, воспитание уважения к ней, любви, разумеется, не ограничивалась задачами успешного проведения мирового первенства по футболу — данный аттитюд формировал, «задавал» весьма продуктивную программу жизни и работы в Саранске в будущем, в которой важную роль играют самоотдача, искреннее рвение за общее дело, воспитание национальной гордости, уважения к культурной самобытности мордовских народов и т. д.

Основной сферой актуализации данных социальных установок в работе руководства региона с общественностью стали СМИ. В особенной степени их активизация фиксировалась за несколько недель до начала чемпионата мира по футболу и во время матчей, которые проходили непосредственно в Саранске. Рассмотрим ряд наиболее значительных, интересных и показательных в данном отношении публикаций в СМИ Республики Мордовия.

Так, в интервью с Главой Республики Мордовия Владимиром Волковым ключевым стало его высказывание, вынесенное в заглавие материала: «*Мордовия станет совершенно другой после чемпионата мира*»⁴. Это означает необходимость понимания общественностью важности удержания достигнутых во время чемпионата мира по футболу культурного и ментального уровней; отношения к своему городу не как к провинциальному, которое было достаточно глубоко укоренено ранее, а как к одному из наиболее известных и успешно развивающихся столичных

городов России. Помимо перечисления и краткой характеристики произошедших изменений в городе, вызванных предстоящим чемпионатом, здесь акцентированы два аспекта. Первый — презентация самобытной мордовской культуры, безусловно, интересной для иностранцев, тем более, что в материале подчеркивается, из какого огромного числа стран придут болельщики в Саранск полюбоваться высококлассным футболом:

«— Из каких стран ждете болельщиков?»

— *Не только из тех, чьи сборные будут играть в Саранске. Мы ждем много гостей из США — более 3 тысяч. Приедут болельщики из Великобритании и практически всех стран Европы»⁵;*

«— *Мы на прошлой неделе говорили с волонтерами, что многое будет зависеть от того, как они покажут нашу мордовскую культуру. Музеи Саранска в дни матчей будут работать круглосуточно. Например, можно будет посмотреть галерею работ Степана Эрзи. Гости смогут посетить близлежащие национальные центры: центр эрзянской культуры в Тавле, где учат делать национальную деревянную игрушку, центры мокшанской и русской культуры»⁶.*

Из этих слов читатель может заключить, что мордовская культура будет весьма интересной для гостей города прежде всего благодаря ее самобытности, уникальности, оригинальности, нехарактерности для стран, например, Латинской Америки; это настоящее сокровище, удивительный мир которого еще только предстоит открыть гостям республики, а нам — лучше осознать его ценность, научиться дорожить им и достойно представлять людям, незнакомым с мордовским этносом.

Второй акцентированный аспект — это понимание важности будущего спортивного мероприятия для дальнейшего развития Саранска, теперь

уже как одного из самых известных российских городов в мире, буквально за несколько последних лет вышедшего на большую арену спортивной жизни России:

«*Рядом с новым микрорайоном построены четыре крупных торговых центра, где представлены как российские сети, так и мировые бренды. И это тоже наследие чемпионата — появление в Саранске магазинов мировых торговых сетей. У нас построены „Леруа Мерлен“, „Ашан“, „Metro“, „Spar“ — всего больше десятка. Без чемпионата нам было бы очень трудно убедить их прийти в наш небольшой город»⁷.*

Данные социальные установки обуславливают определенное отношение к чемпионату и его гостям (чувство личной ответственности за имидж города-организатора, доброжелательность, радушие, вежливость, воспитанность и т. д.), а также к самой столице Республики Мордовия (гордость, любовь, альтруистические намерения, готовность принять посильное участие и оказать посильную помощь в организации будущих спортивных и неспортивных мероприятий в рамках чемпионата мира по футболу и после него).

В заключительной части интервью данные моменты объединяются и преобразовываются на качественно новом уровне, апеллирующем к необходимости существенной перестройки мировосприятия горожан в связи с кардинальными изменениями в жизни Саранска, будь то спортивная, экономическая, транспортная, торгово-промышленная или другая сфера:

«*Чем хорош чемпионат? Может быть, это прозвучит громко, но я считаю, что основное достижение то, что мы станем совершенно другими. Это главное наследие чемпионата. У нас будет другой кругозор, другое отношение к окружающей среде, другой масштаб, другие представления о жизни. Те, кто работает в тех же ресторанах, кафе,*

сфере обслуживания, сами не замечают, как изменятся за этот месяц. Они будут совершенно по-другому смотреть на мир»⁸.

Попутно сообщается о таких «плюсах» чемпионата мира по футболу для развития Мордовии, как привлечение инвесторов, продвижение туризма и т. д., однако акцент ставится именно на росте самосознания горожан и формировании нового отношения к своей республике, а, следовательно, большей самоотверженности в труде на ее благо, на повышении воспитанности, образованности, ориентации на личностный и гражданский рост.

Сходные аттитюды прослеживаются в интервью с мэром Саранска Петром Тултаевым: «Мы понимали, что открываемся миру!»⁹. В данном контексте опровергается стереотипное мнение, согласно которому такой небольшой город, как Саранск, очевидно, не должен был принимать у себя столь значительное спортивное мероприятие мирового уровня. Петр Тултаев развенчивает это мнение, формируя социальную установку на понимание широкой общественностью многих достоинств провинциальной столицы республики, которых лишены многие города-мегаполисы:

«*Мне часто задают вопрос: „Почему именно Саранск был выбран в качестве одного из городов-организаторов Чемпионата мира по футболу-2018?“ И у меня всегда только один ответ на этот вопрос: „А почему не Саранск?“ Поймите, Россия — это не только Москва, Санкт-Петербург и Казань. Россия в большинстве своем состоит из таких городов, как Саранск, в котором проживают 349 тысяч человек. И поверьте, мы не просто готовились принять этот чемпионат, для нас это дело чести! Мы очень переживаем, я не скрываю этого. Переживаем не только я и Глава Республики, но и все люди, которые живут в нашем городе, да и в республике в целом...*

Почему Саранск? Потому что мы больше, чем кто-либо, хотели, чтобы чемпионат состоялся у нас. Мы не просто хотели заполучить этот праздник. Чемпионат мира по футболу помогает нам решать очень многие проблемы городского хозяйства. Проблемы, которые нужно было решать, но не хватало денег или не доходили руки... И когда было принято окончательное решение, что Саранск стал одним из городов-организаторов чемпионата мира, мы сразу обратились к людям. Ведь подготовка к такому событию — это не дело одной власти. Это всенародное дело. И мы часто обращались к людям за помощью, и они всегда откликались. За это я хочу выразить им огромную благодарность»¹⁰.

Здесь, как и в предыдущем материале, отмечена необходимость изменения самосознания горожан, отношения к делу, к себе, к миру, формирования поведения и жизненной позиции, достойных города со всемирной славой, поскольку жители Саранска получили удивительный опыт самопрезентации для иностранных государств, открыли много нового и интересного, многое узнали и наглядно увидели — как осуществлялась подготовка к чемпионату, как он проходил, как это непосредственно затрагивало каждого человека, находившегося во время первенства в его эпицентре, сколько культурных мероприятий ему сопутствовали: «Одним из самых трудных моментов для нас стала вовсе не материальная сторона дела. Денег всегда не хватает. Самым трудным был психологический момент. Мы проводили много масштабных проектов, но никогда не встречали такого количества людей! Мы, конечно, понимали, что открываемся миру, но понимали и то, что открываем для себя новый мир. Мы понимали, что так, как работали раньше, в данном случае работать нельзя. Нельзя оставлять

Шествие по улицам Саранска во время чемпионата мира по футболу. 2018 г.

какие-то вещи на потом. Мы отдавали себе отчет в том, что люди, которые к нам приедут, не должны чувствовать, что находятся где-то далеко-далеко. Они не должны видеть нашего напряжения, нашего труда, наших проблем. Это наше внутреннее дело. И мне кажется, что это получилось. Но по-настоящему об этом можно будет говорить, только когда пройдут все матчи. Скажу лишь, что для нас это очень большой и сложный экзамен! Речь ведь идет не о том, справился ли мэр со своей работой, речь идет о том, чтобы не подвести город, республику и, самое главное, страну! Нередко народы разведывают границы и политика. И мы ориентируем всех, будь то большой начальник или просто дворник, на простую вещь: люди, которые приедут к нам из разных уголков мира, должны понять — все мы живем на планете Земля! Нам нечего делить, мы уважаем традиции каждого народа. И главное, чтобы у этих людей, которые приедут в Саранск на чемпионат мира по футболу, было желание еще раз вернуться к нам! ...На свете много хороших городов, но милее и лучше Саранска нет!»¹¹.

Таким образом, в материалах подобного характера «запускается» простой, но весьма действенный психологический механизм: меняется Саранск → меняются люди, живущие в нем, поскольку они должны соответствовать психологически новым реалиям времени. При этом транслирующее данные моменты лицо не обязательно должно быть официальным (глава республики, мэр города и т. д.), но как минимум известным и обладать мнением, важным для общест-венности. Примером выступает интервью с известным музыкантом, выступающим под псевдонимом «Нойз МС», который принял участие в Фестивале болельщиков FIFA: «Noize МС: „Саранск стал еще краше“»¹².

Планка для преобразования имиджа города посредством изменения представлений о нем у его жителей и их отношения к своей малой родине нередко задается очень высоко. Негативный оценочный модус прослеживается в интервью с мэром города Петром Тултаевым: «Жители Саранска не такие культурные, как обитатели Нью-Йорка»¹³. Сравнение, на первый взгляд, парадоксальное, более того, еще и явно не в пользу наших горожан, однако оба этих ме-

ханизма (парадокс плюс негативная оценочность) также «срабатывают» в нужном направлении. Сама возможность сопоставления периферийной столицы небольшой российской республики с мировым мегаполисом оказывает мощнейший психологический эффект, провоцирует ментальную трансформацию и при дальнейшем осмыслении выглядит вполне оправданной, учитывая высокий статус Саранска благодаря проведению чемпионата мира по футболу. Это обязывает в корне изменить свое поведение, ориентироваться на культуру в столицах мира: «Мэр Саранска пристыдил горожан, которые отдохнув на природе, оставляют после себя мусор». В связи с этим Петр Тултаев с тоской вспомнил увиденное им в Нью-Йорке, где местное население любит устраивать безотходные пикники: жители отдыхают практически по всему городу на зеленых зонах, жарят барбекю. «Там нет мусорных баков, — поделился воспоминаниями Петр Тултаев. — Но после отдыха горожан там нет гор мусора, они забирают его с собой. Никакая коммунальная служба уборкой за отдыхающими там не занимается!»¹⁴.

Из рассмотренных примеров выстраивается весьма действенная и широко реализуемая в СМИ Республики Мордовия имиджевая технология, направленная на существенное преобразование облика столицы Мордовии как города уже с мировой известностью:

— *основные целевые установки:* изменение самосознания жителей Саранска и Республики Мордовия, представлений о малой родине в целом; повышение личностного и культурного уровня населения; воспитание гордости за родную землю, понимания значимости Саранска в новейшей

истории современной России; повышение личной ответственности; консолидация общественных сил, признание единства в целях и интересах с руководством региона;

— *коммуникативные стратегии:* акцентирование внимания на мировой известности Саранска, внешней привлекательности города и его благоустройстве, активном развитии во всех сферах, туристском потенциале; привлечение мнений медийных личностей;

— *механизмы осуществления:* формирование таких социальных установок, как «ценность и уникальность мордовского края, прежде всего его этнокультурной составляющей», «значимость спортивного события мирового уровня», «открытие Саранска миру / самопрезентация», «важность изменения самосознания, мировоззрения», «личная ответственность за происходящее в регионе»,

«единство общественных и политических сил с народом» (посредством их постоянной актуализации в публикациях в СМИ, лексических повторов и т. д.); применение парадоксальных сравнений, обнаруживающих логическую обоснованность, действующих с целью привлечения внимания аудитории к затрагиваемым вопросам; использование негативного оценочного модуса как мотиватора дальнейшего культурного и личностного роста жителей региона.

Активная работа с общественностью с использованием данной имиджевой технологии, на наш взгляд, будет осуществляться и далее, причем с большей интенсивностью, набирая обороты. Она является значимым элементом развития региона, сохранения достигнутых им результатов и уровня, которые важно не только запомнить, но и осознать, стремиться к новым успехам в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Селентьева Д. О. Политический имидж в условиях современной России // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2008. С. 80 — 81.
- ² Яковлев М. В. Формирование политического имиджа региона в условиях современной России : дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. М., 2006. С. 16.
- ³ Там же. С. 3.
- ⁴ Владимир Волков : «Мордовия станет совершенно другой после чемпионата мира» [Электронный ресурс] // РИА Новости : события в России и мире. URL : <https://ria.ru/interview/20180614/1522627855.html> (дата обращения: 14.06.2018).
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Глава Саранска Петр Тултаев: «Мы понимали, что открываемся миру!» [Электронный ресурс] // Вечерний Саранск. URL : http://www.vsar.ru/19072_glava_saranska_petr_tultaev_my_ponimali_chno_otkryvaemsa_miru (дата обращения: 21.06.2018).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Грызунова А. Noize MC : «Саранск стал еще краше» [Электронный ресурс] // Известия Мордовии. URL : <https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/noize-ms-saransk-stal-eshche-krashe/> (дата обращения: 23.06.2018).
- ¹³ Жители Саранска не такие культурные, как обитатели Нью-Йорка [Электронный ресурс] // Столица С. URL : <https://stolica-s.su/news/society/129836> (дата обращения: 07.05.2018).
- ¹⁴ Там же.

Поступила 06.09.2018

УДК 93+911(470.345)

Анатолий Александрович Ямашкин,
Олег Александрович Зарубин,
Станислав Анатольевич Ямашкин

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕЛИТЕБНОГО ОСВОЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ МОРДОВИИ

Научно-практическая значимость разработки проектов гармонизации взаимодействия природы и общества имеет длительную историю. Среди многочисленных примеров выделяются «Закон градский», известный на Руси с XIII в., система фен-шуй в Китае, «Улучшение земель» и «Украшение земель» в Германии начала XIX в. Опыт многовекового хозяйственного освоения различных регионов ландшафтной оболочки показывает, что устойчивое функционирование городов, промышленных предприятий, сельскохозяйственных комплексов и других объектов во многом зависит от степени их адаптации к пространственно-временной структуре геосистем.

Особую значимость имеет исследование селитебных ландшафтов — сложных природно-социально-производственных систем, включающих вмещающий природный ландшафт, регулирующий средо- и ресурсо-воспроизводящие процессы, сложившиеся системы поселений с трассами хозяйственного освоения территории; производственный потенциал и типы

землепользования, адаптированные к структуре природного каркаса; этнографическое своеобразие местности, особо ценные памятники истории и культуры, находящиеся в функциональной и пространственной связи с ландшафтным окружением¹. Анализ селитебного освоения ландшафтов составляет важнейшую основу для схем территориального планирования регионов.

Процессы хозяйственного освоения ландшафтов являются важнейшими объектами междисциплинарных исследований, интегрирующих методологию и методы ландшафтоведения, экологии, истории, этнографии, культурологии и других наук. Анализ процессов селитебного освоения ландшафтов проводился с использованием геоинформационной системы (ГИС) «Мордовия», включающей более 100 слоев электронных карт и баз данных, отражающих свойства природных компонентов и комплексов, природно-ресурсный потенциал, процессы хозяйственного освоения региона. В качестве центрального звена ГИС выступает синтетическая ландшафт-

ная карта². Сущность комплексного анализа природно-социально-производственных систем для целей территориального планирования заключается в изучении свойств и оценке характера взаимосвязей между природными, социальными и производственными системами, их происхождения и развития, пространственной структуры и современной спецификой функционирования с целью выработки мероприятий по сохранению средо- и ресурсовоспроизводящих функций природных ландшафтов, минимизации развития деструктивных эколого-социально-экономических процессов на разных иерархических уровнях.

Территория современной Мордовии располагается в физико-географических провинциях лесостепи Приволжской возвышенности и лесных ландшафтов Окско-Донской низменности. Положение республики в секторе умеренно континентального климата определяет хорошую выраженность смен сезонов года и устойчивость увлажнения. Перераспределение тепла и влаги в зависи-

мости от характера литогенной основы обуславливает формирование сложной пространственной мозаики лесных, лесостепных и лугово-степных типов ландшафтов³.

Селитебное освоение ландшафтов Мордовии до XVII в. Древнейшие поселения в бассейнах рек Мокши и Суры археологи относят к эпохе неолита (5 — 3 тыс. до н. э.). Основными источниками существования людей этого времени были рыболовство, охота и собирательство. Поэтому для поселений выбирались места на террасах рек и их останцах, вблизи пойменных озер. На стоянках древних охотников и рыболовов в долине Суры у озера Инерка найдены кремневые орудия и обломки грубой глиняной посуды, орнаментированной круглыми ямками и отпечатками зубчатого штампа, так называемая ямочно-гребенчатая керамика⁴. Как предполагают археологи, это были далекие предки современных волжских и прибалтийских финноязычных народов.

Среди древних скотоводов и земледельцев бронзового века были индоиранские племена срубной культуры. В Мордовии археологические памятники срубной культуры (курганные могильники и поселения) распространены преимущественно в лугово-степных ландшафтах бассейнов рек Инсар, Нуя и Большая Сарка⁵. В лесных ландшафтах региона найдены следы пребывания племен балановской культуры с характерными для этого населения каменными боевыми топорами. Наиболее известным поселением балановцев в регионе является «Ош Пандо» у с. Сайнино. Исследователи считают балановскую культуру частью более широкой фатьяновской культурно-исторической общности⁶.

В V — VII вв. в Среднем Посурье расселились племена именковской культуры. Поселениями именковцев были неукрепленные селища и небольшие городища, служившие

в основном убежищами во время вражеских набегов. В Посурье они известны у сел Симкино (на месте древнего городища раннего железного века), Енгальчево, Морга, Николаевка, Сайнино и Чиндяново. Среди них наиболее изучено Сайнинское городище «Ош Пандо».

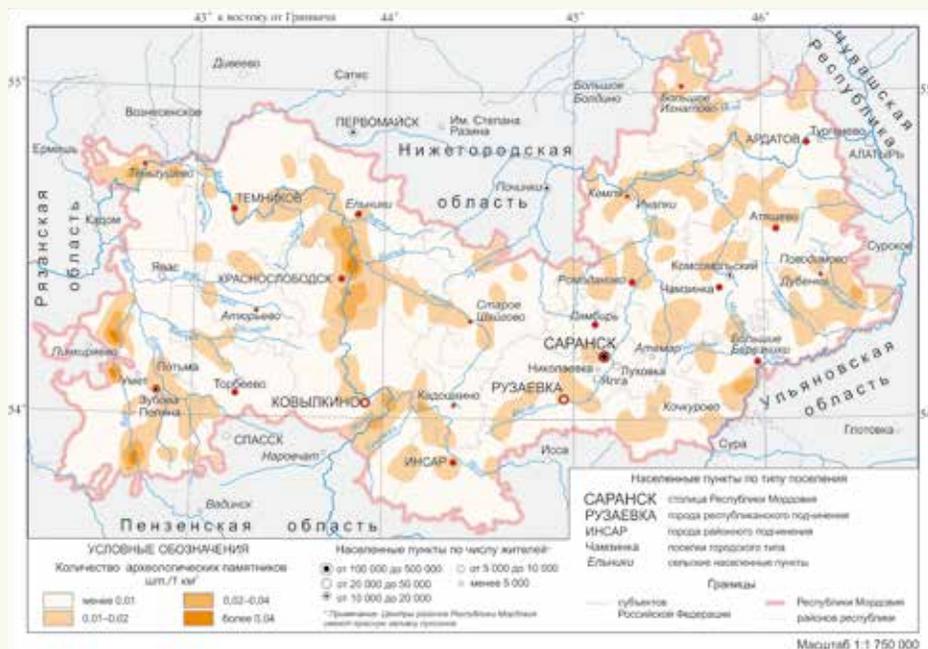
К периоду раннего селитебного освоения относится первое упоминание этнонимов «мордва» и «мордвин». Первое письменное свидетельство о *Mordens* (где *-ns* может быть готским окончанием) встречается у Иордана (VI в.). В русских летописях уже используется слово «мордва» (с суффиксом собирательного значения). Основа *mord-*, возможно, имеет иранское происхождение. На это указывают древнеиндийское *martah* — «человек, смертный», новоперсидское, таджикское *mard* — «мужчина, муж, человек». Значительно позже появились самоназвания народов эрзя и мокша, происхождение которых восходит, вероятно, к более древним временам⁷.

Начальный этап селитебного освоения ориентирован на гармоничное взаимодействие природного ландшафта и жизнедеятельности этносов, которая во многом зависела от природных условий, явлений и процессов. Это подтверждается анализом религиозных верований мордвы, в основе которых было отождествление в богах природных начал. Так, Н. Ф. Мокшин отмечает, что мордва поклонялась Вирь-аве (*вирь* — лес, *ава* — женщина, мать), Мода-аве, или Матор-аве (*мода*, *матор* — земля), Норов-аве, или Пакся-аве (*пакся* — поле), Ведь-аве (*ведь* — вода), Варма-аве (*варма* — ветер), Тол-аве (*тол* — огонь), Чи-пазу или Ши-пазу (*чи*, *ши* — солнце, *паз* — бог), Пургине-пазу (*пургине* — гром)⁸. Значимость природных начал для жизнеобеспечения оставалась в сознании мордвы и после принятия православия. Мордва сохраняла знаковые места — урочища, родники, поляны, участки леса — в естествен-

ном состоянии, ограничивая хозяйственное освоение. Анализ и восстановление таких сакральных мест представляет одно из наиболее перспективных направлений историко-географических, этнографических и культурологических региональных исследований.

Развитие селитебных процессов, формирование системы расселения мордвы изначально не было изолированным. Многочисленные археологические материалы свидетельствуют, что эволюция материальной культуры древней мордвы проходила в условиях тесного контактирования со славянскими племенами (с VII в.) и ранними болгарскими (VII — IX вв.), волжскими булгарами (X в.), половцами, хазарами (VIII — IX вв.), буртасами (XI в.) и др.⁹ Следует отметить, что структура расселения мордвы этого периода весьма динамична. Общие закономерности селитебного освоения раскрываются при анализе карты «Плотность археологических памятников». Ее ландшафтный анализ показывает, что наиболее активно процесс освоения проходил в зонах взаимодействия лесных и лугово-степных ландшафтов, отличавшихся высоким разнообразием природных условий, хорошей обеспеченностью родниковыми водами; особо следует выделить участки слияния рек — впадения в Мокшу Иссы, Сивини, Урката и Шокши, Инсара в Алатырь, Виндрея — в Вад, устье р. Большая Кша. Данный факт свидетельствует о высоком опыте коренного населения при выборе мест для организации поселений, благоприятных для устойчивого жизнеобеспечения.

Формирование селитебных ландшафтов Мордовии в период с XVII до середины XIX в. Значительное влияние на развитие процессов хозяйственного освоения мордовских земель в XVII в. оказало строительство засечных черт, возводимых с целью защиты Московского государ-

Плотность расположения археологических памятников

ства от татарских набегов. Северная засечная черта (Пузская и Алатырская засеки) проходила от Темникова на восток по долине р. Алатырь, южная — в направлении Сурский острог — Атемар — Саранск — Шишкеево — Инсар. В первую очередь, это отразилось на эволюции форм землевладения и развитии структуры расселения, так как многие крепости в последующем трансформировались в города: Темников, Инсар, Саранск и др. Увеличивалась численность деревень — мест поселения крестьян, а также сел — центров крупного землевладения. По результатам исследований М. В. Мосина¹⁰, изначально мордовское слово «веле» («село») трактовалось более расширенно, обозначая не только населенный пункт, но и «открытое, свободное от лесов пространство в виде лесной поляны, где можно было обрабатывать землю, а также делать постройки»¹¹. По мнению В. Ф. Вавилина, «...слово веле вошло в обиход первоначально не для обозначения типа поселения, а для обозначения общности населения»¹². Таким образом, мордовское «веле» представляет собой важный элемент культурного (сакрального) ландшафта.

Значительная часть населенных пунктов Мордовии возникла в XVII в. во время массового сельскохозяйственного освоения Поволжья. Разнообразие культурных ландшафтов Мордовии во многом определялось соседством селений разного национального состава — русских (51,4 % от числа всех населенных пунктов), мокшанских (19,3 %), эрзянских (13,5 %), татарских (4,7 %), смешанных (11,1 %)¹³. Геоинформационное моделирование позволяет выделить ряд закономерностей в их размещении. Согласно ГИС-анализу, ареалы расселения двух субэтнотетосов мордвы довольно четко разграничивались водоразделом Мокши и Суры: населенные пункты мордвы-мокши сосредотачивались в бассейне Мокши, мордвы-эрзи — Суры. Переходы из основных ареалов, вероятно, обуславливались последующими переселенческими движениями. Русские населенные пункты распределялись по территории региона более равномерно, однако наибольшая плотность их размещения (более 5 шт./км²) была характерна для лугово-степных ландшафтов. На предположительной территории татарских населенных пунктов выделяются несколько ареалов с наибольшей плот-

ностью поселений в среднем течении р. Инсар и в бассейне р. Парки — левого притока Мокши. Наиболее крупные населенные пункты размещались в лугово-степных ландшафтах.

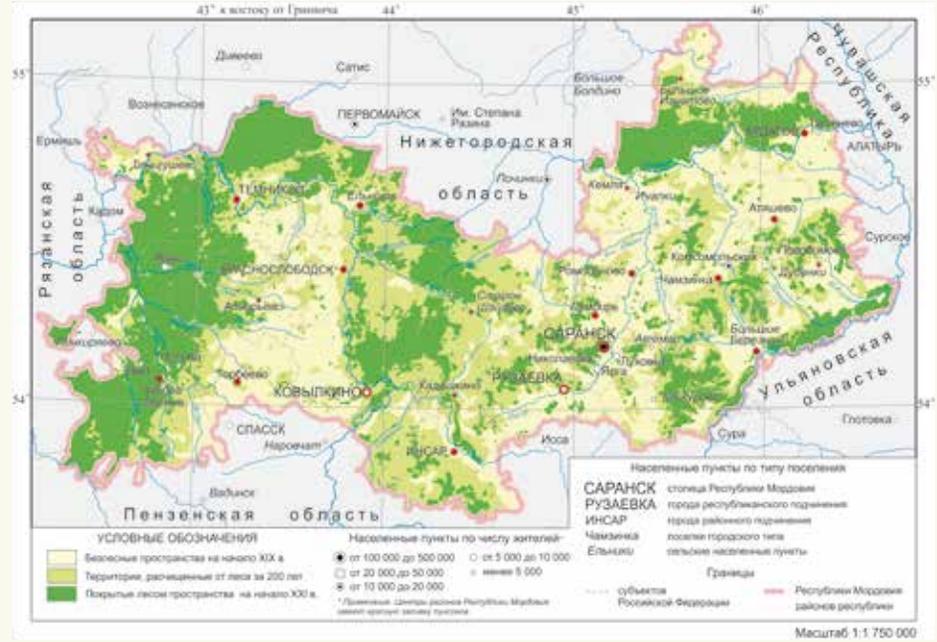
Селитебное освоение ландшафтов Мордовии с середины XIX до начала XX в. Во второй половине XIX в. определяющую роль в формировании системы расселения стало играть строительство железных дорог Москва — Рузаевка — Казань (1893 г.), Ромоданово — Нижний Новгород (1897 г.), Рузаевка — Пенза (1897 г.) и Рузаевка — Сызрань (1899 г.). Они во многом определили социально-экономическое развитие региона — сельскохозяйственное освоение земель, возникновение и развитие поселений, промышленных предприятий. Следует отметить, что значительная часть таких крупных населенных пунктов, как Ардатов, Инсар, Краснослободск, Темников, Саров и др. остались вне зон непосредственного влияния новых трасс освоения.

В конце XIX в. процессы селитебного освоения ландшафтов Мордовии обуславливались развитием не только дорожно-транспортной сети, но также перерабатывающей промышленности (винокуренной, суконной, поташной, деревообрабатывающей и др.) и горнотехнической (разработка месторождения глины, карбонатного сырья). При этом ведущая роль сохранялась у сельскохозяйственного освоения, определявшего пространственные особенности развития системы расселения. О выборочном характере хозяйственного освоения ландшафтов свидетельствуют карты лесистости на период Генерального межевания земель. Наиболее крупными лесными массивами являлись Примокшанский и Присурский, соединявшиеся ленточными лесами по приводораздельным пространствам Приволжской возвышенности. На рубеже XI — XX вв. происходило уве-

личение плотности населения в центрах древнего земледельческого освоения в лугово-степных ландшафтах, одновременно значительное количество мелких поселений возникало в лесных типах ландшафтов, что определяется сельскохозяйственным освоением новых земель. В лугово-степных ландшафтах, характеризующихся наиболее плодородными почвами, формировалось значительное по площади пашенное землепользование с редким расположением крупных сельских населенных пунктов. Результатом селитебного освоения ландшафтов широколиственных лесов стала более плотная сеть населенных пунктов по сравнению с заселением лугово-степных ландшафтов. Основные массивы пашни были ориентированы на наиболее плодородные почвы придолинных участков склонов. Очаговое селитебное освоение сохранилось в ландшафтах смешанных лесов водно-ледниковых равнин, для которых характерны небольшие дисперсно расположенные населенные пункты.

Селитебное освоение ландшафтов Мордовии в XX — начале XXI в. В этот период естественное движение населения определялось воздействием комплекса политических и социально-экономических факторов, среди которых основными являлись рост образовательного, культурного и профессионального уровней населения, изменение общественного положения женщин. Характерной чертой становилось сокращение численности населения, наиболее сильно проявившееся в сельской местности.

Следствием уменьшения численности населения стали изменения в пространственной структуре расселения, количестве поселений. Следует отметить, что наименее устойчивыми оказались поселения, возникшие в конце XIX — начале XX в. при земледельческом освоении малопродуктивных дерново-подзолистых и серых лесных почв. Для этого вре-

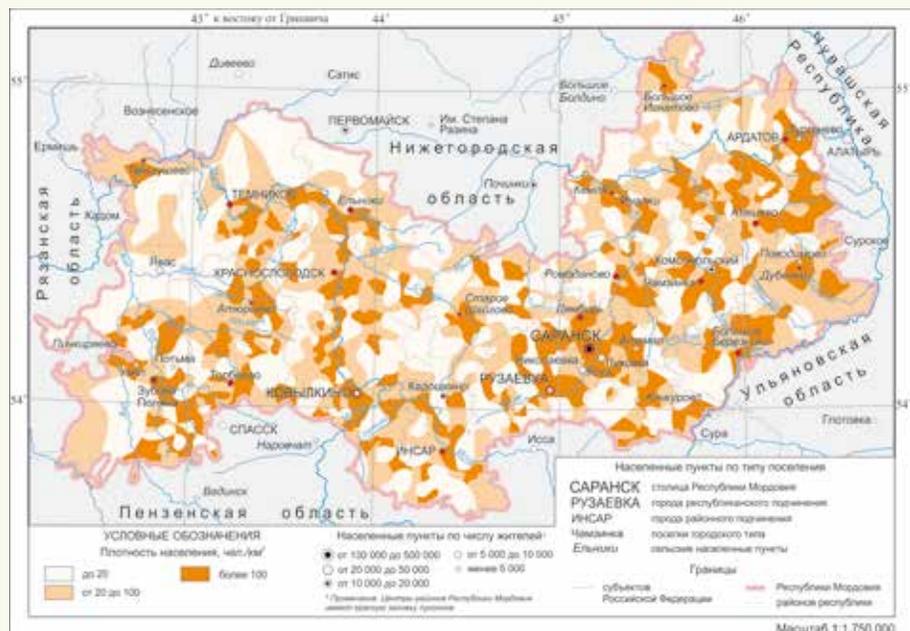
Изменение лесистости

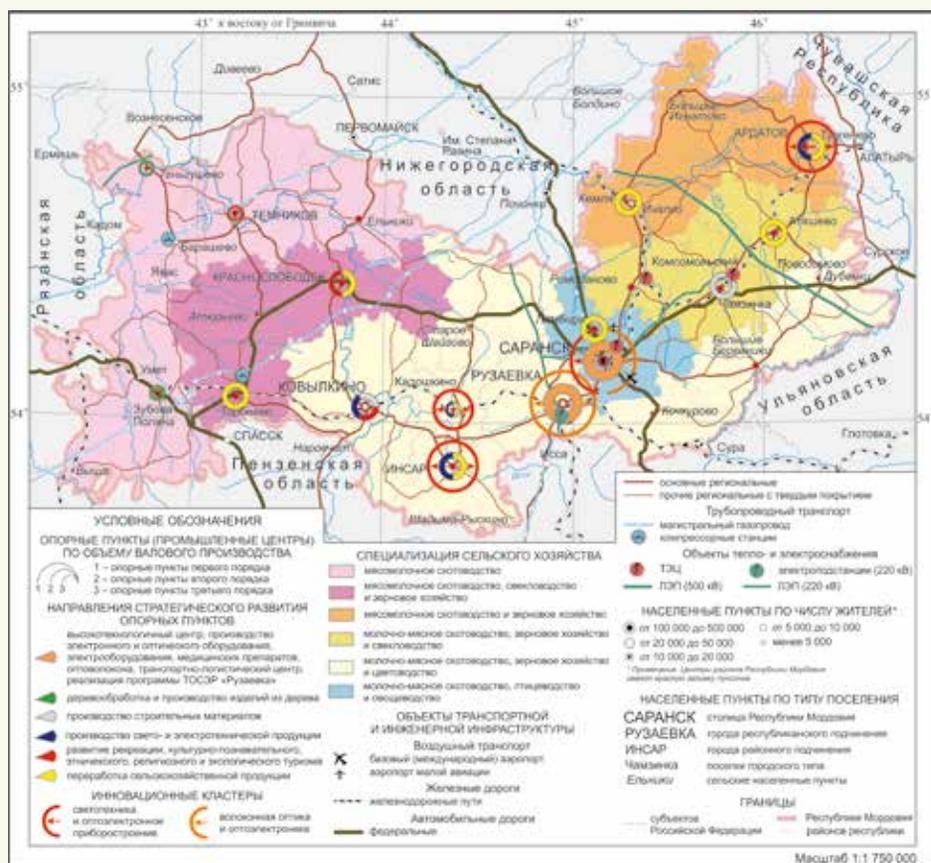
мени характерна центростремительная тенденция селитебного освоения — отток населения из сельской местности при концентрации его в крупных населенных пунктах, чаще районных центрах.

Современный опорный каркас расселения. Для оценки современного состояния и прогнозирования процесса селитебного освоения большое значение имеют приемы изучения пространственных форм хозяйственных явлений. Важнейшим понятием

в пространственном анализе селитебного освоения территории является опорный каркас расселения — фокусы экономической, политической и культурной жизни страны (региона) и соединяющие их магистрали, отражающие основные черты их территориальной организации¹⁴. На формирование опорного каркаса влияют природные факторы — географическое положение, орография, ландшафтная зональность, гидрографическая сеть и экономические — степень

Современная плотность населения

Хозяйственный каркас

экономической освоенности территории, географическое разделение труда.

В настоящее время опорный каркас расселения Мордовии составляют 7 городов, в том числе 3 — республиканского подчинения, 13 поселков

городского типа, 14 наиболее крупных сельских населенных пунктов (более 3 тыс. чел.). В качестве центрального звена выступает Саранско-Рузаевский промышленный узел с наличием таких ведущих отраслей про-

Таблица 1

Распределение населенных пунктов по типам ландшафтов (по состоянию на 2017 г.)*

Ландшафты	Количество населенных пунктов, шт.	Доля населенных пунктов от их числа в регионе, %	Плотность населенных пунктов, шт./км ²
Лугово-степные с выщелоченными и луговыми черноземами	509	40,4	0,07
Лесостепные с доминированием оподзоленных черноземов	352	27,9	0,05
Широколиственные леса с серыми лесными почвами	141	11,2	0,04
Остепненные нагорные дубравы с серыми лесными разной степени щелнистыми почвами	19	1,5	0,01
Хвойные и смешанные леса с дерново-подзолистыми почвами	240	19,0	0,03

* Составлена по: Мордовиястат 2016.

мышленности, как машиностроение, кабельная и оптоволоконная промышленность, производство медицинских препаратов, переработка сельскохозяйственного сырья и др. Саранско-Рузаевский промышленный узел и районные центры выполняют районнообразующие и районоорганизующие функции. Линейными элементами опорного каркаса выступают автомобильные и железнодорожные магистрали, газопроводы и линии электропередач. Опорные каркасные элементы являются центрами притяжения населения.

Перспективы сельского расселения зависят, в первую очередь, от инфраструктуры и природного потенциала геосистем. Наибольшей селитебной освоенностью характеризуются лугово-степные ландшафты, в том числе смежные с ними долинные ландшафты (бассейны рек Инсар, Исса, Мокша, Нуя, Сарка и др.). Лугово-степные ландшафты отличаются наибольшим количеством населенных пунктов, а также более высокой плотностью населения по сравнению с другими типами ландшафтов поселений (табл. 1).

Согласно таблице, опорный хозяйственный каркас земледельческого освоения, формирующийся в лугово-степных ландшафтах с XVII в., отличается наибольшей устойчивостью. Значительно меньшей освоенностью характеризуются геосистемы остепненных нагорных дубрав останцово-водораздельных массивов с серыми лесными щелнистыми почвами и геоконплексы хвойных и смешанных лесов песчаных водно-ледниковых равнин. Данная закономерность проявляется также в людности поселений. Если средняя плотность населения в лугово-степных ландшафтах превышает 300 чел. (без учета районных центров), то в лесных типах ландшафтов она варьируется от 158 до 240 чел. (табл. 2).

В ходе освоения лесостепных и лесных ландшафтов Мордовии на-

Таблица 2
Распределение численности и плотности населения по типам ландшафтов без учета районных центров (по состоянию на 2017 г.)*

Ландшафты	Численность населения, чел.	Плотность населения, чел./км ²	Средняя людность населенных пунктов, чел.
Лугово-степные с выщелоченными и луговыми черноземами	157 121	25,3	313,6
Лесостепные с доминированием оподзоленных черноземов	68 177	10,3	197,6
Широколиственные леса с серыми лесными почвами	21 660	6,3	158,1
Остепненные нагорные дубравы с серыми лесными разной степени щелочными почвами	3 465	2,3	182,4
Хвойные и смешанные леса с дерново-подзолистыми почвами	56 593	7,5	239,8

* Составлена по: Мордовиястат 2016.

коплен уникальный опыт использования природно-ресурсного потенциала, что представляет инструмент для реализации политики устойчивого развития на региональном уровне, основанной на развитии эффективной пространственной модели хозяйственного освоения. Решение данной задачи исходит из критического анализа процессов расселения населения. Такой анализ позволяет осуществлять

стратегическое планирование в сочетании с территориальным упорядочением природно-социально-производственных систем, что является фундаментальным условием устойчивого развития региона. Для этого необходимы инструменты, способные обеспечить достоверную информацию о ресурсном потенциале, а также управленческие решения, позволяющие оптимально его использовать для

удовлетворения растущих потребностей общества.

Разработанная на основе инструментов геоинформационного картографирования серия карт селитебного освоения Мордовии дает возможность оценить основные историко-географические закономерности формирования системы расселения. Особенности природной дифференциации и хозяйственного освоения территории современной Мордовии сформировали поляризованный культурный ландшафт, где один полюс составляет опорный каркас расселения с транспортными системами (расположен вдоль рек по лугово-степным геокомплексам с плодородными черноземами), а второй — зоны экологического равновесия с лесными массивами на водно-ледниковых равнинах и останцово-водораздельных массивах Приволжской возвышенности. Многовековая адаптация хозяйственной деятельности к вмещающему ландшафту привела к формированию значительного природного и культурного наследия, гармоничному взаимодействию природных, социальных и производственных систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- 1 См.: Ямашкин А. А. Природное и историческое наследие культурного ландшафта Мордовии. Саранск, 2008. 169 с.
- 2 См.: Ямашкин А. А., Ямашкин С. А. Структура региональной ГИС для целей ландшафтного планирования // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 4 (28). С. 305 — 314 ; Ямашкин А. А., Ямашкин С. А., Зарубин О. А. Геопортал как форпост в исследовании культурного ландшафта // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 70 — 76.
- 3 См.: Географический атлас Республики Мордовия. Саранск, 2012. 204 с. ; Культурный ландшафт Мордовии (геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование). Саранск, 2003. 204 с.
- 4 См.: Третьяков П. Н. К вопросу о возникновении и древнейшей истории финно-угорских племен Поволжья // Научная сессия по этногенезу мордовского народа. Саранск, 1964. С. 23 — 56.
- 5 См.: Шитов В. Н. Луговая степь и памятники срубной культуры на территории Мордовии // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1995. Вып. 24. С. 61 — 72.
- 6 См.: Степанов П. Д. Ош Пандо. Саранск, 1967. 210 с.
- 7 См.: Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. 240 с. ; Его же. История формирования мордовского этноса // Мордва : историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 31 — 80.
- 8 См.: Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1998. 248 с.
- 9 См.: Культурный ландшафт Мордовии...
- 10 См.: Мосин М. В. Эзянское велесэ // Советское финно-угроведение. [Таллин]. 1968. № 4. С. 249 — 250.
- 11 Там же. С. 250.
- 12 Вавилин В. Ф. К этимологии мордовских слов веле и бие // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975. С. 189.
- 13 См.: Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987. 264 с.
- 14 См.: Хорев В. С. Проблемы городов : (Урбанизация и единая система расселения в СССР). М., 1975. 428 с. ; Лаппо Г. М. Города на пути в будущее. М., 1987. 237 с.

Поступила 05.08.2019

УДК 39:7.037.3:75

Валентина Павловна Миничкина,
Павел Дмитриевич Миничкин

ЭТНОФУТУРИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЭТНОСА КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОПОНИМАНИЯ

Этнофутуризм как исследовательское направление формировался в 40 — 70-х гг. XX в. на основе футурологии — учения о будущем человечества, перспективах развития мира. В конце 1970-х гг. идейным содержанием данного течения стала концепция перехода к «новой цивилизации», построенной на принципах экологизации и гуманизации общества.

В XXI в. возник вопрос о выборе культурных формаций, обусловленных лично-стилевым восприятием окружающего мира. В развитии изобразительного искусства в национальных республиках четко обозначилась тенденция к новой интерпретации аутентичных пластов национальной культуры, выражающаяся в обращении художников к вечным, «вневременным» проблемам человека и мира. С одной стороны, это объясняется, безусловно, активными и динамичными процессами глобализации, с другой — стремлением творческой интеллигенции органично включить национальную культуру в современный художественный процесс¹. Художников привле-

кают глубинные, сущностные проявления жизни, то, что неподвластно времени, не подвержено изменению: сказания старины, предания, несущие в себе вечные проблемы добра и зла, жизни и смерти, любви и ненависти².

Вопросам этнокультуры, этнокультурных традиций и этнофутуризма посвящен ряд работ отечественных авторов. Так, А. Б. Афанасьева проблемой современного общества, представляющей риск как для экологии культуры, так и для психологического состояния человека и социума, считает перенасыщенность поликультурного пространства, размытость духовно-нравственных ориентиров, потерю ценностных смыслов. Насыщенная поликультурность нередко ведет не столько к богатству мировосприятия человека, сколько к хаотичности впечатлений. По мнению автора, многообразие разнородных и ценностно разновекторных культурных впечатлений способствует эклектике и фрагментарности сознания, потере в нем доминанты, связующего единства. Между тем чувство целостности мира важно для формирования экологического мышления,

связанного как с природным, так и с культурным ландшафтом, а во внутреннем векторе — с духовным миром человека. Доминантой этого единства должны стать духовно-нравственные ценности и космическое мироощущение, объединяющие человечество на нашей общей планете. А. Б. Афанасьева говорит о необходимости пристального изучения этнокультур народов с позиций бережного отношения человека к природе и нравственных отношений в обществе. В качестве механизма взаимодействия единичного и множественного она предлагает принцип диалогичности. Через диалог этнокультурного моноэтнического и полиэтнического можно понять общее, объединяющее народы, и особенное — свойственное конкретному, единичному этносу. Понимание взаимосвязей монокультурного и поликультурного в историческом процессе развития человечества будет способствовать формированию в сознании человека гармонии единства мира в полифонии культур³.

Рассматривая этнокультурную традицию в контексте современной

художественной практики, исследователь О. Г. Беломоева ставит проблему выбора путей развития локальной культуры в современных условиях. По ее мнению, на рубеже XX — XXI вв. есть три пути сохранения своеобразия культур: «самобытность как форма закрытости» (защита своего социокультурного пространства), «самобытность в условиях открытости» (создание условий для сосуществования различных этносов и культур, готовность к диалогу культур) и «самобытность, устремленная в будущее» (формирование гражданского общества и проведение политики культурного плюрализма)⁴. При этом центр внимания, считает О. Г. Беломоева, смещается в сторону нахождения путей бытия современного локального в современном глобальном. Это, вероятно, решается посредством соотнесения местных культурных традиций с общими вопросами развития современной культуры.

Марийский исследователь Э. М. Колчева рассматривает этнофутуризм конструктивной практикой, предполагающей творческий диалог между этнокультурами, несущей в себе потенциал культуротворчества и миротворчества⁵. По мнению ученого, этнофутуризм есть идейная платформа, художественный метод и часть искусства, социокультурное движение, творческий метод⁶. Раскручивание в последние годы темы «этно» имеет много различных подоплек, и разобраться, что именно под этим подразумевается, достаточно сложно.

В научной литературе, как правило, существует несколько определений одного и того же явления, и этнофутуризм является одним из ярких примеров. Прежде всего, функция у этого стиля, как и у всех других, — передача информации о мире, таком, каким его видим мы. В процессе создания авторского произведения мы доверяем художнику, поскольку видим потребность во взгляде на мир через другой «объектив».

«Ценность авторского высказывания очень высока для художника-этнофутуриста, — отмечают исследователи Н. А. Розенберг и Е. О. Плеханова. — И в этом существенное отличие его от постмодернизма с его клишированностью, склонностью к цитированию, снисходительным отношением к поискам истины»⁷. Этнофутуризм является носителем информации этноса. Как подчеркивает исследователь Д. Ю. Семенов, становление этнофутуризма произошло благодаря обращению народов к своим культурным корням в контексте всеобщего доминирования культуры современного общества⁸.

Э. М. Колчева исследует содержательные стороны этнофутуризма с культурологической точки зрения, акцентируя его ключевые моменты. В первую очередь, считает ученый, этнофутуризм — это общественное движение (социальный уровень культуры), зародившееся в Эстонии в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Следующий аспект — этнофутуризм как философия и идеология (духовно-нравственный и ментальный уровни культуры). Его суть состоит в поиске новой культурной парадигмы. Главной идеей этнофутуризма Э. М. Колчева считает поиск путей выживания этнокультуры в условиях глобальной модернизации. В этнофутуризме «идея» этнически окрашена. Этнически ценные образы в культуре и искусстве весьма актуальны. Секрет международного успеха этнофутуризма, по мнению исследователя, состоит в том, что он «предстает четко сформулированным частным вариантом повсеместных локальных культуроохранительных тенденций, апеллирующих к собственным этническим корням через призму достижений современности». Тем самым

предполагается приспособление культуры к условиям современного мира без утраты этнического «лица». Если метод строится на диалектике традиции и новации, то этнофутуризм — это творческий метод⁹.

Изобразительное искусство состоит в достаточно тесных взаимоотношениях с мифологией. Как отмечает исследователь Н. Г. Юрчёнкова, «существует определенная преемственность в мифологических и художественных средствах обобщения. Увидеть в единичном общее и показать его — одна из важных художественных задач»¹⁰. По мнению

*П. Д. Миничкин. Мотивы снов о прошлом.
Роспись по ткани. 2018 г.*

Н. А. Розенберга и Е. О. Плехановой, «пространство мифа с конца 1980-х гг. стало территорией, где возрождалась культурная память народов. Произведения, создаваемые по мотивам мифологии, сегодня для одних — дань модной теме, для других — глубокая внутренняя потребность, для третьих — способ диалогического контакта с иной культурой»¹¹. Описывая этническое наследие в искусстве финно-угорских и тюркских народов, Д. Ю. Семенов приходит к выводу, что было бы не совсем верно ограничивать обращение к образам национальной истории и культуры в современном искусстве исключительно рамками финно-угорского мира, так как это сузило бы понимание этнофутуризма как явления современного искусства. Более того, изучение современного искусства в сравнительно-типологическом аспекте позволяет проследить в нем как общее, так и частное, выявить его национальное своеобразие¹².

Этничность в этнофутуризме реализуется в художественном русле. Она коренится в мифе, хранящем опыт народа. Этнофутуризм стремится перенести накопленный опыт из прошлого в настоящее, найдя ему актуальные художественные формы. Так осуществляется фундаментальный уровень этнической идентификации — мифологический¹³. Наиболее «родной» мифу формой мышления, по мнению Э. М. Колчевой, является художественно-образная: «Искусство занимается своеобразной „инвентаризацией“ архетипов культуры, извлечением их из забвения, осмыслением, насыщением адекватным современности содержанием и формой. Те, зазвучав в искусстве в полную силу, сами находят „обратную дорогу“ в коллективный духовный опыт народа»¹⁴. Именно поэтому самая яркая грань этнофутуризма — это искусство (художественный уровень культуры).

Проблема понимания и созерцания работ в художественной стилистике этнофутуризма неоднозначна. В XXI в. не составляет труда найти информацию о том или ином стиле модного течения или художественного произведения. Однако у кажущейся простоты есть обратная сторона более глубокого понимания, становящаяся главным аргументом в осмыслении произведения. В контексте творческого концептуализма и конечного воплощения через стилистику этнофутуризма последний представляет собой уникальный метод познания¹⁵.

Этнофутуризм можно рассматривать как память народа, устремленную в реальность. Будущее через прошлое как система взаимосвязанных временных промежутков, проходящих через понимание народа. Память — сложно сконструированный механизм: порой одно и то же, рассматриваемое в разных ракурсах, противоречит само себе. Противоречие может искривлять как истори-

ческое событие, так и культурно-исторический пласт. В момент появления разлома и возникает «ново-искривленное понимание». Достоверность и естественное течение времени слишком противоречат «моментальности» надлома. Надлом в культурно-историческом контексте вообще и в искусстве — в частности имеет гораздо большую смысловую нагрузку, нежели просто смена акцентов. Несложно проследить идейно-изобразительные моменты в историческом контексте за полвека. Образ лучшего человека в определенной изобразительной технике диктовало само общество. Многие течения, будь то просто идея или новое слово в искусстве (например, К. Малевич, В. Кандинский), воспринимались сразу отрицательно, к другим интерес менялся на гнев в течение некоторого времени.

Этнофутуризм актуализировал проблемы культурной и национальной идентичности. Его основой стало принятие традиционных духовных цен-

Ю. А. Дырин. Полнолуние. 2011 г.

ностей и раскрытие особенностей культуры каждого народа. По мнению Э. М. Колчевой, «главная идея этого направления выражена в самом названии. Это стремление обеспечить будущее этнической культуре, в первую очередь культуре духовной, включающей в себя и социальные, и художественные аспекты. Реальное воплощение этнофутуризм находит в синтезе специфически национального и общемирового опыта в искусстве и культуре»¹⁶.

О. Г. Беломоева выделяет несколько вариантов современного бытования традиции: чистый аутентичный фольклор; творчество на основе традиции, в ходе чего происходят «вживание» в традицию и «вживление» ее в современную культуру с сохранением установки на максимальную подлинность личностной культурной

*П. Д. Миничкин. Осень.
Роспись по ткани. 2013 г.*

П. Д. Миничкин. Лето. Роспись по ткани. 2013 г.

и непосредственно этнической идентификации с материалом; формирование определенной совокупности унифицированных вариантов подлинной и национальной культуры, свободных от каких-либо изменений; авторское творчество, которое косвенно ориентировано на традицион-

ную этническую культуру. В настоящее время в контексте современной культуры наиболее актуальным, по мнению ученого, является вариант, обуславливающий «вливание» традиции в новую культурную сферу, в которой она находит свое место (возможно, это и есть то пространство,

где может происходить событие глобального и локального): «Построенный на единстве двух удаленных друг от друга во времени художественных и культурных феноменов архаической традиции и авангардных поисков новой выразительности конца XX в., этнофутуризм представляет собой не просто пересказ общепонятным языком содержания древней магии и первичных художественных структур, а попытку воссоздать утраченную человечеством картину мира как целого, модель мироздания»¹⁷.

Рассматривая этнофутуризм как художественно-творческий стиль, следует отметить его спиралевидную основу. Она проникает во многие сферы и содержит в себе неоднозначную тенденцию. Так, момент зарождения идеи предполагает многоплановую подготовку, просмотр многих других вариантов. Этнофутуризм в попытках достичь массовости и новых генерирующих идей идет по явно ложному пути — от повто-

рения других художественных стилей до несопричастности с определенными догмами тех же стилей. Очевидно, что нельзя повторять какой-либо художественный момент без его предварительного изучения и осмысления. В эпоху неповторения, художественного возвышения в одном ряду идут и отрицание прошлого опыта, и акцент на узкий фрагмент творческого замысла, и попытка показать что-то новое без должного изучения и владения материалом, китч. Такая тенденция свидетельствует о сложной обстановке в целом, однако и личный вклад творца, художника не должен оставаться без изучения. Сегодня многие «творцы» в манере невзвешенного отношения и личного непонимания делают что хотят в живописи и графике, скульптуре. Результат скрывается под масками — мода, тренд, востребованный художник. При этом ответственность художника как личности теряется, прекращает существовать. Создается не полотно на века, а продукт для насыщения общественной невежливости. Многие моменты, безусловно, спорны, но в наш век индивидуального потребления в начале ряда творческих предпочтений встает новомодный элемент декора. Потребление стало фактически главной составляющей жизни. Без него невозможно говорить о собственном мнении, своем отношении. Человек обезличился, появился массовый потребитель, и уже не важно, кто он. Все пошло на продажу: от идей до ипостасей нашего мира. Искусство как средство наживы сразу и не без злого умысла пошло на сделку с модой и ее непостоянством. Здесь и сейчас — вот догма нового мира.

В этом контексте этнофутуризм стал на одну доску с молниеносным исполнением легкодоступных порывов, породив непреодолимое желание перестать что-либо понимать из-за сложности и отсутствия конкретики. Смешение стилей, взглядов на твор-

ческие моменты вытесняет попытки понять и постичь ту самую память народа. Результатом становятся новые жанры, порой в несовместимых контекстах: этноабстракция, реалистичный этнонатюрморт. Слова в сочетаниях дают впечатляющий эффект, но при этом натюрморт так таковым и остался, а абстракция так и осталась абстракцией. Этно — лишь показатель основной творческой идеи, но в угоду времени и настроению действительности этно становится основным, а все остальное — второстепенным. Между тем даже в одном стиле вполне могут сосуществовать различные направления.

Самоактуализация этноса через исторический, культурно-творческий момент выглядит более чем достойно, но излишне благоприятные, искусственно созданные условия приводят к краху даже столь интересное явление. Теряется само понимание проблемы. Это прослеживается повсеместно, где остро стоит проблема культурно-исторического самоопределения, где за сохранность самобытности выступает сам этнос, а не кто-то другой. Этнос делает кардинально новый «прыжок» в понимании многих самоидентификационных основ в стремлении найти свой неповторимый путь. Этнофутуризм может стать попыткой объединить этнос. В XXI в., надо полагать, нам многое еще предстоит пройти по дороге понимания того, кто мы и куда идем. Один из вызовов времени — это отношение самого этноса к традиционным ценностям как общества, так и личности.

Нельзя не согласиться с исследователем Н. М. Инюшкиным, по мнению которого «социально-культурная неоднородность провинциального хронотопа приводила и приводит к необходимости учета намеченной разницы восприятия и отношения к этническим традициям, синхронности сосуществования целого спектра разных мнений и личностных реакций».

Наблюдая за сферой российской национальной культуры, он отмечает, что на уровне повседневности в ней наиболее зримо происходят постоянное пересечение, переплетение, перетекание народного, этнически особенного с привнесенным, считающимся престижным, должным, прогрессивным, «культурным по-настоящему»: «Исторически и актуально перед нами процесс, который некорректно оценивать однозначно: далеко не всегда безболезненный, могущий быть продуктивным, нравственно-эстетическим, порождающим феномены творческого синтеза, нового качества и вместе с тем искусственные, спекулятивные, тупиковые проявления»¹⁸.

Что же следует признать первоочередным в понимании личностного нигилизма — ценность, изначально догматическую, или свободу? Личностная свобода непоколебима только с устоявшимися правилами — вот что говорит нам искусство. Но и само искусство не раз меняло одно правило на другое. Так что в основе? Полагаем, что в поисках достоверности и непротиворечия надо признать основную роль саморазвивающегося процесса, в данном смысле — этнофутуризма¹⁹. Происходит смещение ценностей от общегосударственного понимания к народно-личностному. Человек идентифицирует себя не только как гражданина, но и как потомка своих предков, взгляды которых на мир положили основу для воспитания тех или иных норм.

Стилевые особенности этнофутуризма полагаем уместным раскрыть на примере творчества П. В. Рябова и С. Д. Эрзи. П. В. Рябов, народный мастер России, ученик тавлинской школы резьбы по дереву, в своем творчестве опирается на народную традицию, переосмысливая ее. Многочисленные символы узора резьбы он переносит на объемные скульптурные группы, создавая таким образом самостоятельные произведения. «Инешкипаз» — одно из наи-

более значительных произведений мастера. В его основе лежат культ предков, традиция поклонения природе, космосу. Главная идея скульптуры заключена в том, что лишь помня предков и осознавая значение преемственности, можно строить свою жизнь. В центре произведения — образ первопредка, которого можно рассматривать как бога солнца, как саму жизнь. Голова фигуры увенчана символом солнца. В руках божества — мужчина и женщина, что означает благословение рода человеческого. Фигура расположена на небесной ладье, изображенной в виде лошади. Образ лошади ключевой в

многим племенам. В образе верховного бога отражена человеческая иерархия, где главное положение занимал вождь, шаман. Образы мужчины и женщины по разные стороны центральной фигуры символизируют разные энергии, разные роли в обществе. Соединяя их своими руками, вождь вводит людей в брачный союз.

Долгое время люди свое представление о мире передавали различными комбинированными символами, однако постепенно их смысл забывался и утрачивался. Как результат — прервалась нить, соединявшая духовную модель мира прошлого и символа как такового, на-

чалось простое его дублирование. Художникам современности необходимо выработать концепции моделирования символов прошлого и их проецирования на современность, исключая непонимание изначально заложенного смысла, то есть «распредметить» его и воплотить в новую форму²⁰.

Образы скульптора с мировым именем С. Д. Эрзы («Калипсо», «Медуза», «Ева»,

«Леда и Лебедь», «Леший», «Баба Яга», «Моисей», «Мельпомена») — не боги и не демоны. В его своеобразной мифологии скрыт положительный знак. Она не противопоставляется человеку, а наоборот, дает ему радость приобщения к животворным силам природы. Диалог с природой скульптор извлекал из недр народного творчества. Сам художник с юности был приобщен к народному творчеству мордовского края, где повсеместными видами искусства были вышивка — мордовская, русская и татарская, а также резьба по дереву. В работах Эрзы нашли отражение гармоничные идеалы мордовской де-

*С. Д. Эрзя. Скорбь. 1918 г.
МРМИИ им. С. Д. Эрзы*

ревни, стремление упорядочить неустроенный окружающий мир. Эволюция художественного мышления скульптора привела его к новому осмыслению некоторых идеалов, форм мышления, мировосприятия и миропонимания. Отсюда и его обращение к мифологическим и библейским образам. В свое время скульптуру «Моисей» критики приравнивали к «Моисею» Микеланджело. Однако это абсолютно разные образы. У Микеланджело в облике Моисея — власт-

*С. Д. Эрзя. Калипсо. 1917 г.
МРМИИ им. С. Д. Эрзы*

П. В. Рябов. Инешкипаз. 2009 г.

жизни человека. На протяжении сотен лет без этого животного была невозможна работа по обработке земли, устройству быта. Не случайно именно символ лошади прослеживается во многих работах мастеров как прошлого, так и современности. Фигуры божества и животного украшены резьбой — вертикально и горизонтально расположенными ритмами, изображениями рыб и солнца. Столь каноническая передача человеческого представления о мире свойственна, прежде всего, людям, которые свою жизнь видят в космическом контексте. Такая концепция мироздания в прошлом была присуща

ная сила, мощь духа. Моисей Эрзы (выполненный из альгарробо — дерева чрезвычайно твердого, часто с причудливыми наростами) — не библейский пророк, а, скорее, сказочный герой. Он поражает своей мудростью и в то же время простотой, человечностью. Он не властвует, а раздумывает о людских судьбах. В этом отношении Эрзю можно рассматривать как первооткрывателя образа Моисея²¹.

Стремление к сопричастности заставляет человека действовать, думать и жить, согласно определенным правилам. Выход из сложившейся догматической ситуации в систему знаний возможен на подсознательном уровне. Изобразительное творчество наряду с многоликостью и различными техниками исполнения владеет едва уловимыми средствами пове-

ствования — это то сокровенное, что хотел передать автор. Такое положение дает выход накопившимся идеям, помогает человеку углубиться в себя и посмотреть на обыденные вещи иначе. Этнофутуризм осуществляет прямое воздействие на экзистенциальное человеческое сознание. Различные техники исполнения, располагая обоюдосогласованными ингредиентами, заставляют человека смотреть на обыденное как на явление не материальное, а духовно-изобразительное. Чувства переходят на осязаемо новый для себя уровень, перемещая человека, зрителя в мир идейных реформаций. Но понимание или отвержение возможно только в соответствии с личными предпочтениями, в данном случае обусловленными художественной культурой человека. Несомненно, массовое вос-

приятие оказывает свое влияние на каждого, но и каждый человек в отдельности воздействует на общее восприятие, понимание, будь то духовная практика или изобразительное искусство.

Опыт этноса играет основополагающую роль в достижении сопричастности личности и общества. Через малое постигается большое. Ввиду этого творчество само по себе очень положительно, но в угоду времени и конкретным запросам имеет ряд отрицательных сторон. В мире высоких технологий человек сам становится актуализатором своих предпочтений. Ответственность личности возросла многократно. Теперь только она стоит на пути массового и сугубо индивидуального, только она оберегает лучшее и отвергает худшее из опыта прошлых лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Семенов Д. Ю. Этнофутуризм как направление в современном изобразительном искусстве Удмуртии : дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения. М., 2007. 216 с.
- ² См.: Поляк А. И. Художники Удмуртии. Л., 1976. С. 193.
- ³ См.: Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование в аспекте космического мировоззрения // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 116.
- ⁴ См.: Беломоева О. Г. Универсализм культуры : опыт культурологического анализа : дис. на соиск. учен. степ. д-ра культурологии. Саранск, 2005. С. 59.
- ⁵ См.: Колчева Э. М. Этнофутуризм: этапы пути и творческие находки // Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России». Петрозаводск, 2014. С. 389.
- ⁶ См.: Колчева Э. М. Этнофутуризм как явление культуры. Йошкар-Ола, 2008. 164 с.
- ⁷ Розенберг Н. А., Плеханова Е. О. Этнофутуризм и этническая идентификация в искусстве России конца XIX — начала XXI века // Современные трансформации российской культуры. М., 2005. С. 281 — 302.
- ⁸ См.: Семенов Д. Ю. Указ. соч.
- ⁹ См.: Колчева Э. М. Этнофутуризм: этапы пути... С. 388.
- ¹⁰ Юрчёнкова Н. Г. Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002. С. 116.
- ¹¹ Розенберг Н. А., Плеханова Е. О. Указ. соч.
- ¹² См.: Семенов Д. Ю. Указ. соч.
- ¹³ См.: Ионин Л. Г. Социология культуры : Путь в новое тысячелетие. М., 2000. 428 с.
- ¹⁴ Колчева Э. М. Этнофутуризм: этапы пути... С. 389.
- ¹⁵ См.: Миничкин П. Д. Особенности изобразительных средств в этнофутуризме // Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки : в 3 кн. Саранск, 2016. Кн. 3. С. 178.
- ¹⁶ Колчева Э. М. Этнофутуризм как явление культуры. С. 3.
- ¹⁷ Беломоева О. Г. Этнокультурная традиция в контексте современной художественной практики // Финно-угорский мир. 2009. № 3. С. 61.
- ¹⁸ Иношкин Н. М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 148.
- ¹⁹ Этнофутуристическое движение в Югре : Манифест этнофутуризма [Электронный ресурс]. URL : <http://hmao.kaisa.ru/object/1810466806?lc=ru> (дата обращения: 15.08.2018).
- ²⁰ См.: Миничкин П. Д. Актуализация символического капитала финно-угорского мира в современных культурных практиках Республики Мордовия : дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии. Саранск, 2016. С. 77 — 78.
- ²¹ Там же. С. 93.

Поступила 09.08.2019

УДК 730+929

Вера Ивановна Антонова,
Светлана Александровна Ржанова

ЭРЗЯ ОБ ЭРЗЕ.

О великом сыне мордовского народа

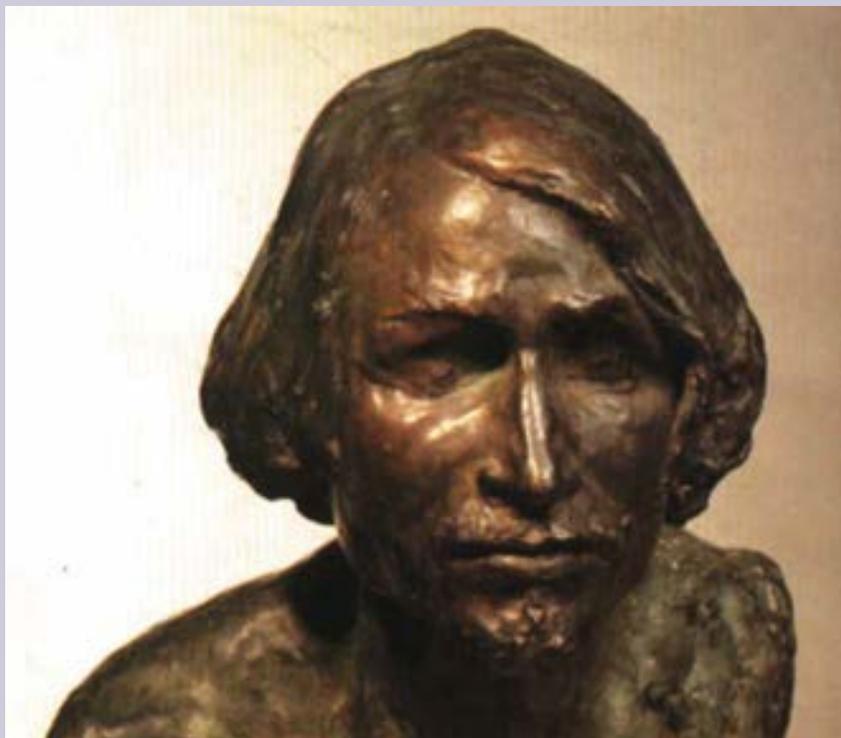
Пожалуй, каждому человеку, живущему в Мордовии, да и за ее пределами, известно имя великого скульптора С. Д. Эрзи (Нефедова). Он — один из немногих, кому удалось своим творчеством и вдохновением увековечить, сделать знаменитым не только свое имя, но и, прежде всего, имя своего народа — эрзи.

Степан Дмитриевич Нефедов родился в эрзянском селе Баеве Ала-

тырского уезда Симбирской губернии (ныне Ардатовский район Республики Мордовия) 27 октября (8 ноября) 1876 г. Будущий скульптор воспитывался и рос в беднейшей крестьянской семье. Его отец, чтобы прокормить семейство, занимался плотницким делом. Любимым занятием маленького Степана в то время было играть со стружками и оставшимися чурбачками.

В детстве Степан ничем не отличался от других деревенских мальчишек. Как и они, он бегал босым по улице в длинной холщовой рубашке, его ноги были покрыты цыпками от вьевшейся грязи, поскольку мылись эрзяне лишь по субботам, когда всей деревней топили бани. Но было что-то невидимое, не совсем понятное обывателю, что отличало будущего гения от остальных людей. Это его лицо — всегда крайне сосредоточенное, даже хмурое. А еще глаза — живые, пытливые, цепкие до всего нового. Довершали образ вечно лохматые волосы. Мальчик панически боялся ржавых овечьих ножниц, которыми его пытались стричь. Степан часто уединялся от родителей, брата и сестры, немногочисленных друзей и мечтал о чем-то своем, смутном, неведомом и прекрасном, которое было где-то далеко-далеко от их глухого села. Такая недетская нелюдимость отталкивала от него соседских детей, которые нередко смеялись, даже издевались над будущим мастером.

Биограф С. Д. Эрзи К. Г. Абрамов, говоря о детских годах мордовского самородка, отмечал, что первым его рабочим инструментом стал обыкновенный гвоздь. Это орудие Степан нашел во дворе своего дома и очень

С. Д. Эрзя. Тоска. 1908 г. МРМИИ им. С. Д. Эрзи

обрадовался находке. Он с радостью показывал его брату Ивану, сестре Фиме, родителям и очень удивлялся, что никто не разделял его восторга. С тех пор он мог целыми днями чертить воображаемые фигуры на таких твердых материалах, как дерево и камень¹. Другим величайшим открытием для деревенского мальчишки стала глина. Нефедовы купили старый дом на реке Бездне, сменив место жительства. Речка оказалась довольно илистой, и на берегу было много глины и песка. Степан сутками пропадал на реке, мастера свои первые фигурки.

Можно сказать, что значительную роль в становлении и формировании Степана Эрзы как будущего художника сыграли родная природа — река, зимние сугробы, морозные узоры на окнах, остатки плотницкой работы — чурбачки и коренья, на срезах которых мальчику виделись волшебные рисунки, а также местное окружение — соседки-вышивальщицы, приходившие по вечерам к его матери прясть, деревенские резчики по дереву и многое другое, что сформировало первые понятия о красоте².

Следующим этапом самообразования С. Д. Эрзы стала школа в селе Алтышеве Алатырского уезда. Трудности в общении со сверстниками в силу замкнутости, разлука с горячо любимой матерью, отрыв от родных мест компенсировались знакомством с первым школьным учителем — Алексеем Ивановичем Михайловским, у которого Степан брал уроки рисования. Педагог не только «вычислил» незаурядный творческий потенциал школьника, но и смог убедить его в необходимости развивать божий дар посредством добросовестного обучения. ...Время шло. Калейдоскоп событий, имен, географических перемещений в жизни Степана юношеского возраста (Баево, Алтышево, Алатырь, Казань, Москва) не только не отвлекал его от дарован-

ного призвания, а, наоборот, способствовал росту внутреннего интеллектуального потенциала, профессионализма, таланта.

В творческом развитии великого скульптора немалую роль сыграла любовная драма. Впервые полюбив Делю — девочку из детства, Степан Нефедов так и не смог связать свою жизнь с жизнью любимой, а может, просто не захотел? Конечно, мы вправе рассуждать на тему, были ли Эрзя счастлив, избрав жизненный путь большинства людей. Наверное, нет. Сама судьба предопределила жизненный путь и назначение Степана Нефедова, в противном случае мир лишился бы великого Мастера, чьи творения будоражат и восхищают умы искусствоведов всего мира по сей день. Настоящий художник настоящего искусства не может жить двумя чувствами. Поэтому из двух своих величайших душевных эмоций под названием «Любовь» и «Искусство» Степан предпочел второе. Следует отметить, что женщины в жизни скульптора сыграли огромную роль. Они являлись для художника не только источником вдохновения, но и одновременно образами для его великих произведений. Вместе с тем Эрзя никогда не был женат, исключая тот факт, что однажды к матери привез «на смотрины» очередную свою знакомую. Как и ожидалось, его родителям не понравилась художочная горожанка, не приспособленная ни к деторождению, ни к деревенскому труду. На этом попытки Эрзы связать себя узами брака закончились. Думается, от тесного сближения с женщиной Эрзю оста-

*Парижанка в шляпе. 1927 г.
МРМИИ им. С. Д. Эрзы*

навливали «лишние» душевные муки и волнения, которые неизбежно мешали бы ему заниматься делом всей жизни — творчеством.

Не менее важную роль в становлении мордовского самородка сыграли алатырские иконописцы, художники из Казани, Москвы. Исключительно сильное впечатление на юного Эрзю произвела Нижегородская художественная выставка. Глядя на полотно «Северная идиллия» русского художника К. А. Коровина, он впервые увидел творение настоящего искусства, понял, как много еще не знает, как многому нужно научиться, чтобы создавать подобные произведения.

Значим и плодотворен в творчестве Эрзы московский период жизни, его обучение в рисовальном классе, знакомство со многими художниками и скульпторами. Встреча в столице России с итальянским художником-меценатом Уголино кардинально изменила жизнь Эрзы. Это знакомство было знаковым. Уголино, любознательный, как и все итальянцы, постоянно расспрашивал Степа-

на о его жизни в родительском доме, роде деятельности отца и матери, полученном образовании. Узнав о мордовских корнях юноши, европеец ему сначала не поверил, а потом пришел в восторг оттого, что Степан — эрзянин. Именно итальянцу пришла в голову мысль увековечить в мраморе национальность Нефедова. Уголино практически насильно заставил Степана высечь слово «Эрзя» на скульптурных творениях, ставшим знаменитым псевдонимом признанного мастера из мордовской глубинки.

Время, проведенное в Италии, является наиболее ярким в творческой биографии мастера. Знакомство мордовского скульптора с работами мастеров эпохи Возрождения Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи вызывало в Эрзе восторг и трепет, заставляло еще более совершенствовать собственные творения. Друзья и знакомые скульптора не переставали удивляться не только его манере творчества, но и трудоспособности. Работая по 24 часа в сутки, Эрзя не уставал, его вдохновляли идеи, переполнявшие сознание. Нередко он уничтожал свои скульптурные, неудавшиеся, на его взгляд, эскизы, принимаясь за новый вариант. Подобный творческий поиск был длительным и болезненным для мастера, однако он не успокаивался до тех пор, пока работа не получалась именно такой, какой представлялась в его воображении.

С. Д. Эрзю в искусствоведческих кругах называют народным художником, поскольку всю жизнь мордовский самородок стремился к изображению в своих творениях простого человека. Понимая, насколько сильную роль играет искусство в процессе формирования народной культуры, Эрзя

верил, что его творчество поможет людям совершенствовать свои нравственные и духовные ценности, приобретать новые знания, способствующие объединению всех наций в одно мировое культурное сообщество. Постепенно в его творческой лаборатории возникали образы женщин различных национальностей: русской («Катя», «Зинаида»), эрзянской («Эрзянка»), татарской («Татарка»), казахской («Казашка»), монгольской («Монголка») и др. Несколько позже появились работы «Портрет французенки», «Индианка», «Калипсо», «Китаец», «Испанская танцовщица», «Голова турка», «Крестьянин мордвин» и др.

С. Д. Эрзя использовал в своем творчестве различные твердые породы деревьев, глину, мрамор, гипс. Будучи в Аргентине, в Буэнос-Айресе, он, наконец, нашел тот уникальный материал для своих произведений, который неосознанно искал всю жизнь. Случайно во дворе дома Эрзя заметил какие-то странные

Эрзянка. 1915 г. МРМИИ им. С. Д. Эрзи

коряги, которые сначала хотел выбросить, но потом стал их внимательно рассматривать, попробовал разрезать дерево штихелем (профессиональный режущий инструмент скульптора). Дерево не поддавалось. Это и был квебрахо, или квебрачо (кебрачо) — субтропическая порода деревьев, растущих в Южной Америке, отличающаяся высокой твердостью древесины. Сходными кебрачо были древесные породы альгарробо и урундай. Из этого жесткого, как камень, материала мордовский скульптор высек большинство образов («Парижанка», «Фантазия», «Головка Лии» и др.). Произведения восхитили не только профессиональных искусствоведов-критиков того времени, но в целом мировое художественное сообщество.

С момента бесценной находки начался новый этап в творчестве С. Д. Эрзи. С упоением и небывалой энергией он создал серию уникальных портретов, воплотивших все гениальные фантазии мастера. Зарубежные издания наперебой восхищались новым гением, так неожиданно возникшим на небосклоне высокого искусства. Это были грандиозный успех и общее признание великого таланта мордовского самородка. Эрзя стал, наконец, работать с тем материалом, поиски которого не давали ему покоя. Более того, он решился приступить к созданию величайшего образа, о работе над которым мечтал многие годы — образа пророка Моисея.

С. Д. Эрзя, с раннего детства приобщенный к вере в Бога, всегда с почтением и трепетом относился к священным образам, не осмеливаясь «дотрагиваться» до них. Однако находка причудливых корней квебрахо

*С. Д. Эрзя. Моисей. 1932 г.
МРМИИ им. С. Д. Эрзи*

не оставляла ему вариантов. Эрзя боготворил свое произведение. Ему и в голову не приходило сравнивать его с мраморным «Моисеем» Микеланджело, которого он считал холодным и безжизненным. Пророк мордовского скульптора был создан из теплого, живого материала — дерева. Именно это, по мнению автора, придавало ему жизненность и человечность. Многие зарубежные меценаты неоднократно просили продать «Моисея», предлагая баснословную по тем временам сумму — 100 тыс. американских долларов, но мастера не прельщало богатство, он решил, что работа должна принадлежать его Родине.

О высокой работоспособности С. Д. Эрзи ходили легенды, друзья подшучивали над ним, обижались и недоумевали, но художник продолжал

работать не покладая рук. Свое творчество он не считал работой, он жил и дышал им. За свою жизнь Эрзя изваял тысячу различных произведений, в которых воплотил галерею образов; ему, как знатоку человеческой души, удалось воспроизвести в камне, дереве и гипсе душевные, аффективные состояния человека («Пламенный», «Отчаяние», «Казненный», «Ужас», «Поцелуй», «Раздумье», «Тоска» и пр.). Не менее великолепны эрзынские портреты известных исто-

произведения в родной край, чтобы приобщить земляков к настоящему искусству. Но, к сожалению, не успел.

Таким образом, уникальность творчества С. Д. Эрзи заключается в его неразрывной связи с малой родиной. В какой бы стране ни жил мастер, он не переставал ощущать себя частью своего народа, мордовской культуры, традиций. Национальной самобытностью пронизаны все работы художника, в которых воплощены любовь, страсть, жажда познания. Исключительность гениального таланта Эрзи состоит также

в том, что он — единственный представитель мирового классического искусства, который не только воспел родной край в произведениях, но и представил эрзынский народ как социальную константу, причастную к высочайшим гуманным ценностям человечества, к духовно-нравственному климату мирового социума.

*С. Д. Эрзя. Христос
кричащий. 1945 г.
МРМИИ им. С. Д. Эрзи*

рических личностей («Ленин», «Лев Толстой», «Христос», «Бетховен», «Микеланджело», «Иоанн Креститель», «Партизан» и др.), являющиеся фактографическим свидетельством интеллектуального потенциала, широчайшего диапазона знаний мордовского мастера. Как истинный художник, горячо любивший народ, взрастивший его, он мечтал привезти свои

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ См.: **Абрамов К. Г.** Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3 : Степан Эрзя : биограф. роман. Саранск, 1999. 528 с.

² См.: **Голяков А. Н.** Авторское осмысление национальной картины мира в романе К. Абрамова «Степан Эрзя» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 2017. С. 48.

Поступила 02.07.2019

УДК 82-94+929

Петр Серафимович Кабытов

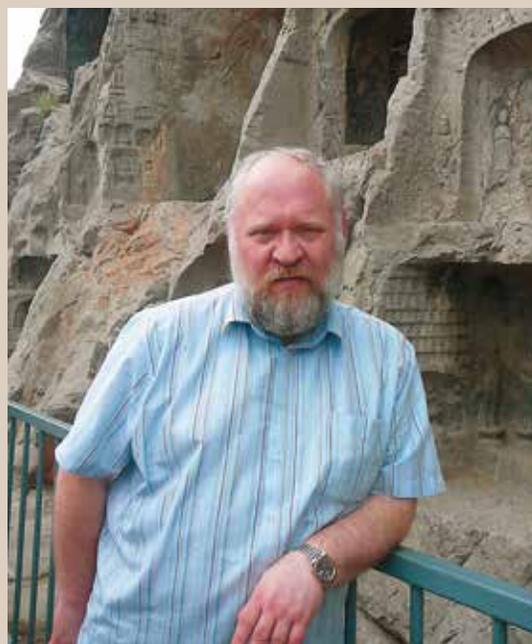
ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ЮРЧЁНКОВА

Я пишу эту статью для того, чтобы отдать дань памяти моему другу Валерию Анатольевичу Юрчёнкову, который ушел из жизни 3 октября 2017 г. Это была большая утрата как для мордовского народа, так и для исторического сообщества Российской Федерации. Историография жизни и деятельности выдающегося историка, общественного деятеля, заслуженного деятеля науки Республики Мордовия, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Валерия Анатольевича Юрчёнкова, многие годы возглавлявшего Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия (НИИГН), не велика. Первую статью об ученом я написал в 1996 г.¹, и позднее ее текст был мною переработан и включен в воспоминания². Активная научная и общественная деятельность В. А. Юрчёнкова не могла остаться незамеченной республиканской научной общественностью. В 1999 г. о мордовском историке написали Л. П. Барычева³ и Н. И. Воронина⁴. В нулевые и 10-е гг. XXI столетия были опубликованы статьи о Юрчёнкове в Википедии⁵, а также в энциклопедических и справочных изданиях⁶. В 2004 г. о вкладе ученого в разработку истории мордовского народа писали Н. И. Воронина⁷ и А. А. Гагаев⁸, вышла статья

в «Литературной России»⁹. Особо следует отметить статью профессора Г. А. Куршевой, в которой анализируется организаторская и научная деятельность В. А. Юрчёнкова, определившая новый вектор научной разработки проблем коллектива института¹⁰. Заслуживает внимания публикация П. С. Кабытова и Г. А. Куршевой, посвященная исследованию научных трудов В. А. Юрчёнкова по аграрной истории Среднего Поволжья¹¹.

Для более полного представления В. А. Юрчёнкова как незаурядного российского историка, организатора многочисленных научных исследований и просто человека редких душевных качеств, интереснейшего собеседника и доброго друга мною были использованы материалы из личного архива, историографические факты — научные труды Валерия Анатольевича, материалы научных конференций историков-аграрников Среднего Поволжья, его отзывы в качестве оппонента на диссертации моих аспирантов и докторантов, а также визуальные источники — фото- и видеоматериалы.

В 70-х гг. XX в., пытаясь установить научные контакты со многими историками Поволжья, я использовал

свои коммуникативные практики в ходе научных конференций по таким проблемам, как история Великой (в те годы Октябрьской) российской революции и аграрной истории Среднего Поволжья. Как известно, организатором конференций историков-аграрников Среднего Поволжья был Юрий Ильич Смыков¹². В конференциях помимо маститых ученых активное участие принимали аспиранты и молодые ученые — преподаватели вузов и научные сотрудники научно-исследовательских институтов республик Среднего Поволжья. Мои научные, а затем дружеские контакты с В. А. Юрчёнковым заняли продол-

жительный период — с 1982 г. по 3 октября 2017 г., когда перестало биться сердце замечательного историка и моего друга. Наши отношения вначале носили кратковременный, и я даже сказал бы летучий характер, но затем частота контактов возросла, трансформировавшись в крепкую дружбу.

Впервые я встретился с Валерием Анатольевичем в начале 1980-х гг. Если мне не изменяет память, знакомство произошло в 1982 г. на научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья в Казани. В то время Валерий Анатольевич под руководством академика Ю. С. Кукушкина завершал работу над кандидатской диссертацией на тему «Советы Мордовии в период Гражданской войны и иностранной интервенции (1918 — 1920 гг.)». Одновременно он работал младшим научным сотрудником в НИИ языка, литературы, истории и экономики (НИИЯЛИЭ). Его доклад привлек внимание не только известных ученых, но и молодых исследователей. Я увидел среднего роста молодого человека с открытым лицом, который, знакомясь со мной, произнес с улыбкой: «Валерий Юрчёнков». Я тут же уточнил: «Юрчёнков, или Юрчёнков?» Он улыбнулся и вновь повторил: «Юрчёнков! Ударение на втором слог!» Тогда наша встреча была очень непродолжительной. Но и этого времени хватило для того, чтобы понять, насколько интересен для меня был Валерий Анатольевич. Во-первых, я не мог не отметить его эрудицию и доброжелательное отношение к самарским (тогда все еще куйбышевским) коллегам. Мы, как водится в таких случаях, обменялись адресами и телефонами. Затем мы встретились в мае 1988 г. в Йошкар-Оле на V научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. К этому времени В. А. Юрчёнков уже успешно защитил кандидатскую диссертацию. Он сообщил мне о том, что его статус в респуб-

ликанском научно-исследовательском институте изменился, и он работает заведующим сектором истории и ученым секретарем института. Помнится, мы довольно долго говорили о публикациях в периодической печати, а также в научных и литературных журналах, в которых освещались так называемые белые пятна в отечественной истории. И мы пришли к выводу, что некоторые историки и публицисты проявляют излишнюю торопливость и допускают субъективизм при анализе документального материала и реконструкции событий¹³. В этой связи мы стали говорить о том, что выход из кризиса, в котором оказались советские историки, возможен лишь при условии освоения учеными нового исследовательского инструментария. А для этого необходимо обратиться к наследию дореволюционных историков и использовать опыт зарубежных исследователей. Тогда же я узнал, что Валерий Анатольевич активно участвовал в работе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Это еще более сблизило нас.

Но вот грянули события августа 1991 г. И буквально через месяц мы с Валерием Анатольевичем принимали участие в очередном съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, заседания которого проходили в Белом доме. Нас поселили в престижной для того времени гостинице «Украина». Когда мы утром пришли в Белый дом на открытие съезда, то уже не с экрана телевизора, а воочию увидели на его территории остатки баррикад. В памяти тут же всплыли впечатляющие события второй половины августа. Особо запомнились два эпизода — сияющее лицо Б. Н. Ельцина (настал звездный час!) и (вновь в который раз дежавю!) Ельцин на танке, этакий парафраз Ленина-победителя на броневике в апреле 1917 г.¹⁴ Конечно, на съезде мы буквально окунулись в штормовые вол-

ны митинговой демократии, захлестнувшие многих делегатов съезда. Для большинства этот съезд стал дискуссионной площадкой, на которой спешили высказать полярные суждения по многим вопросам не только отечественной истории, но и охраны памятников истории и культуры. У нас возникло ощущение, что эта митинговая демократия так глубоко проникла в сознание советской интеллигенции, что появилась реальная опасность, как бы она вновь не снесла не только великую державу, но и культурное наследие народов России. По окончании заседаний съезда мы, обменявшись мнениями, перешли к обсуждению планов научной работы. Я спросил Валерия Анатольевича, будет ли он и дальше продолжать разрабатывать проблемы истории Гражданской войны. В ответ услышал, что в настоящее время его интересуют проблемы методологии истории и история мордовского народа, что меня очень порадовало. И действительно, эти вопросы стали занимать центральное место в научной деятельности Валерия Анатольевича. В скором времени вышла монография В. А. Юрчёнкова с необычным названием — «Хронограф, или повествование о мордовском народе и его истории»¹⁵. Вольно или невольно книга возвращала нас в XV в., когда появился первый хронограф. И в этом плане как для автора, так и для читателя, прошлое и настоящее мордовского народа становились единым целым.

В 1990-е гг. наша дружба обрела новые очертания, развиваясь в нескольких направлениях. Прежде всего, В. А. Юрчёнков принял активное участие в возобновлении деятельности Средневолжского объединения историков-аграрников, а также в организации и проведении конференций по аграрной истории Среднего Поволжья. Второе направление велось по линии подготовки научных кадров (научное руководство аспи-

рантами, научное консультирование докторантов, участие в работе диссертационных советов, оппонирование кандидатских и докторских диссертаций). И, конечно, следует особо сказать о нашей совместной проектной деятельности, в ходе которой были реализованы гранты РГНФ и РФФИ. Впечатляла поистине неутомимая научная деятельность В. А. Юрчёнкова по подготовке и изданию как индивидуальных, так и коллективных монографий, а также сборников документов и материалов.

Однако, возвращаясь в начало 1990-х гг., интенсивная научная работа ученого по сбору материала и написанию докторской диссертации наталкивалась на различные препятствия. Об одном из них он подробно рассказал мне во время своего приезда в Самару на защиту кандидатской диссертации аспирантом И. Б. Нимановым¹⁶. Так, из-за разногласий с руководством НИИЯЛИЭ по поводу организационной работы и научной проблематики В. А. Юрчёнков в 1994 г. перешел на работу в Научно-исследовательский институт региональной истории, где выполнял обязанности заведующего отделом истории и заместителя директора. Одновременно он преподавал историографию отечественной истории для студентов-историков Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. После защиты докторской диссертации Валерий Анатольевич в родном для него университете с 1999 по 2005 г. заведовал кафедрой страноведения.

В 1994 г. В. А. Юрчёнков обратился ко мне с просьбой выступить официальным оппонентом по диссертации И. Б. Ниманова — автора исследования по истории революционного движения в период Первой мировой войны¹⁷. Защита должна была состояться в диссертационном совете при Самарском государственном педагогическом институте, и я,

конечно, дал согласие. В. А. Юрчёнков приехал в Самару на защиту своего подопечного аспиранта. Судя по всему, И. Б. Ниманов сочетал занятия наукой со спортом, что во время защиты спровоцировало следующую анекдотическую ситуацию. Когда я начал зачитывать свой отзыв оппонента и говорить о трудностях, с которыми встретился диссертант при выявлении и анализе архивных источников, то вдруг внезапно отвлекся и стал рассказывать о том, что я, как и аспирант, увлекаюсь поиском и изучением архивных материалов о беженцах и военнопленных. В моменты, когда я особенно погружен в работу с архивными фолиантами, мое воображение рисует, как я зимней ночью, раздетый и в рваной обуви, почти босой, иду по городам Поволжья и выявляю районы, в которых в то военное лихолетье ютились беженцы и военнопленные. И вдруг! О радость! Я нахожу необходимые для меня статистические данные. Мой месседж был прерван оживлением членов совета и присутствующих, а Валерий Анатольевич едва сдерживал себя, чтобы не расхохотаться¹⁸. Потом, после защиты, он мне рассказал, что И. Б. Ниманов — спортсмен-экстремал, и в любую погоду — летнюю жару и лютую зимнюю стужу, он, раздетый и босой, занимается спортивными упражнениями. Об этом, буквально курьезе, спустя многие годы во время дискуссий, а затем и традиционного чаепития Валерий Анатольевич любил рассказывать, прибавляя все новые и новые штрихи и краски при описании этого события.

В памяти сохранились мои контакты с В. А. Юрчёнковым во время командировки в 1995 г. в Саранск, где в стенах Мордовского государственного университета проходили заседания Учебно-методического объединения университетов. Меня поселили в довольно большом номере бывшей гостиницы обкома

КПСС. Правда, сообщили, что вечером (а по существу глубокой ночью) в номер поделят еще одного участника этого методического собрания. И действительно, где-то в час ночи в номер ввалился кубанский казак, проректор Кубанского университета Черный. Он как истый казак разбудил меня и стал «знакомиться». Мне едва-едва удалось его уложить спать. Утром в университете мы встретились с В. А. Юрчёнковым. Он познакомил меня с первым проректором Мордовского государственного университета В. А. Балашовым. Оказалось, что Валерий Анатольевич и В. А. Балашов написали и издали учебное пособие по историографии отечественной истории. Я проявил заинтересованность, так как в то время читал лекционный курс по историографии. И тут же стал обладателем этой книги. На этот труд я написал и опубликовал рецензию, в которой отметил, что авторы сумели написать оригинальное учебное пособие по современной отечественной историографии и тем самым восполнили пробел в учебной литературе. Меня не мог не порадовать раздел книги, в котором освещались вопросы методологии историографии как науки, раскрывались такие дефиниции, как историографическая ситуация, историографический факт и др.¹⁹ В. А. Юрчёнков рассказал о том, что завершает работу над докторской диссертацией и просил меня дать согласие выступить оппонентом. Мы вновь, в который уже раз, стали обсуждать вопрос о возобновлении деятельности Средневолжского объединения историков. Как-то не сговариваясь, мы вдруг одновременно сказали, что хорошо бы возобновить эту работу с организации конференции, которую надо провести в Йошкар-Оле. Во время командировки мы обсуждали с ним различные варианты нашего сотрудничества. Неожиданно для меня Валерий Анатольевич сделал еще один подарок — познакомил с

двумя выпускниками историко-социологического института С. Б. Летуновским и В. И. Лапуном, сообщив о договоренности с руководством НИИЯЛИЭ об утверждении меня в качестве научного руководителя этих аспирантов. Мы тут же обсудили предполагаемые темы кандидатских диссертаций, и в дальнейшем, во второй половине 1990-х гг., оба аспиранта успешно защитили кандидатские диссертации в диссертационном совете при Самарском государственном университете²⁰.

Во время саранской командировки произошел другой курьезный случай, когда в перерыве заседаний Учебно-методического объединения ко мне подошла аспирантка В. А. Юрчёнкова, сообщив следующее: «Я хочу познакомиться! Валерий Анатольевич настоятельно посоветовал проконсультироваться с Кабытовым по аграрной истории Мордовии». Когда я утвердительно кивнул, она с недоверием посмотрела на меня и заявила: «Так Вы и есть Кабытов? А я думала, Вам лет девяносто!» На вопрос «Почему Вы решили, что мне 90 лет?» услышал ответ: «Но ведь Вы занимаетесь аграрной историей!» Мы потом долго шутили по этому поводу.

Весной 1996 г. В. А. Юрчёнков сообщил, что меня утвердили официальным оппонентом по его докторской диссертации. Защита планировалась в диссертационном совете при Казанском университете осенью 1996 г. Я купил билет на авиарейс в Казань, приехал в аэропорт, зарегистрировался. Вскоре объявили посадку на самолет. Не успел я расположиться в кресле, как стюардесса сообщила об отмене моего полета в Казань (звонила моя жена Надежда Кабытова, сказавшая о переносе защиты диссертации Валерия Анатольевича на другой срок). Потом, уже дома, я узнал, что защиту диссертации перенесли по техническим причинам. На следующий год, в 1997 г., я приехал в Казань на защиту В. А. Юр-

чёнкова на поезде, правомерно полагая, что на этот раз никаких причин для ее отмены не последует. Однако на этом препоны и треволения у Валерия Анатольевича не закончились. Все поначалу шло хорошо, было объявлено о начале заседания. Вдруг выясняется, что на столе председателя совета нет экземпляра докторской диссертации. Во время объявленного перерыва научный труд был доставлен в зал заседания совета, и, наконец-то, начался докторский диспут. Докторская диссертация Валерия Анатольевича посвящалась актуальной и практически не изученной проблеме — «История мордовского края в западной историографии XIII — XIX вв.». Восхищало большое количество выявленных и обобщенных историографических фактов. Особенно впечатляли глубина анализа и мастерство В. А. Юрчёнкова использовать при реконструкции историографических ситуаций современный исследовательский инструментарий. Диссертация была блестяще защищена, и я искренне радовался очередному успеху Валерия Анатольевича.

Как уже отмечалось, В. А. Юрчёнков работал и в университете, и в научно-исследовательских институтах Республики Мордовия. В университете он заведовал кафедрами. Лекции и научные труды практикующего историка пользовались большой популярностью у студентов и аспирантов. Научная активность В. А. Юрчёнкова не осталась незамеченной властными структурами Республики, и в 2001 г. его назначили на должность директора НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Приход В. А. Юрчёнкова в институт придал мощный импульс развитию этого научного учреждения и активизации исследовательской работы сотрудников института. Прежде всего, им была проведена структурная перестройка института. Существенно изменилась проблематика исследова-

ний. Коллектив института реализовывал научные проекты по заданиям региональных властей, расширилось его участие в выполнении федеральных целевых программ и грантов РГНФ и РФФИ. В 2000 г. Валерий Анатольевич инициировал ряд проектов, имевших не только научное, но и социокультурное значение; их реализация способствовала преобразованию Саранска в крупный вузовский и научный центр Российской Федерации. Так, коллектив института участвовал в подготовке и издании энциклопедии «Мордовия» (2002 — 2004 гг.). В этом проекте В. А. Юрчёнков исполнял обязанности заместителя главного редактора и председателя научного совета. В 2005 — 2006 гг. учеными института была написана и издана двухтомная коллективная монография «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.». Ее продолжением стала двухтомная коллективная монография «Мордовия в послевоенный период 1945 — 1953 гг.», подготовленная и изданная под руководством В. А. Юрчёнкова в 2012 — 2015 гг. Кроме того, В. А. Юрчёнкова с полным основанием можно отнести к числу крупнейших археографов России. Он является составителем альбома «Серафим Саровский» (1998 г.), сборника «Святой праведный Феодор Ушаков, адмирал флота Российского» (2006 г.). А в 2011 г. я получил от Валерия Анатольевича поистине царский подарок — три тома «Патриарх Никон: стяжание Святой Руси — созидание Государства Российского» (2009, 2010, 2011 гг.). В подготовке этого уникального издания он принимал деятельное участие: был не только составителем и редактором, но и автором «Предисловия» ко второму и третьему томам. В 2016 г. В. А. Юрчёнков подарил мне другое уникальное издание — «Мордва Российской империи» (2014 г.). Событием для научного сообщества стало издание книги «Финно-угорские на-

роды России» (2016 г.), редактором которого был Валерий Анатольевич.

Меня всегда удивляла колоссальная работоспособность моего друга. Он был талантливейшим организатором науки, обладавшим способностью не только генерировать научные идеи, но и в кратчайшие сроки разрабатывать проекты грантов и целевых программ, а самое главное — создавать творческие коллективы для их реализации. В. А. Юрчёнкова, несомненно, следует отнести к числу трудоголиков. Помимо подготовки коллективных монографий, где он был не только автором разделов, но и руководителем творческих коллективов и научным редактором, его перу принадлежит ряд авторских монографий. (Как уже отмечалось, научная карьера Валерия Анатольевича началась с разработки истории Гражданской войны. Однако после защиты кандидатской диссертации он сосредоточил усилия на освоении современных методов исследования, что, бесспорно, позитивно сказалось на концептуальных представлениях ученого при изучении таких сложнейших проблем, как история мордовского народа и история Мордовии.)

В то же время В. А. Юрчёнков исподволь продолжал изучение истории Гражданской войны, и уже в конце нулевых годов результатом исследования стало издание монографии²¹. История Гражданской войны рассматривалась ученым через призму взаимоотношений власти и общества. Когда Валерий Анатольевич подарил мне эту книгу, то я был не столько восхищен его автографом — «Петру Серафимовичу — выдающемуся историку, организатору науки, другу с глубоким уважением и надеждой на дальнейшее сотрудничество...», сколько содержанием этого фундаментального труда. В нем В. А. Юрчёнков не только раскрыл причины победы красных в Гражданской войне, но и рассмотрел концептуальные представления по истории Граждан-

ской войны как российских, так и зарубежных историков. Новизна исследования В. А. Юрчёнкова заключается в отходе от традиционного одномерного рассмотрения этой важнейшей проблемы с точки зрения советской историографии. Он не только воссоздал панораму общественно-политической жизни в регионе в годы Гражданской войны, но и раскрыл причины протестного движения, вылившегося в крестьянские восстания. И, конечно, особый интерес вызывают главы о ходе и итогах реализации новой экономической политики, а также очерки об участниках белого движения.

Особо отмечу, что в 2016 — 2017 гг. В. А. Юрчёнков, очевидно, предчувствуя нечто непредвиденное, совершил, по существу, научный подвиг. Выиграв грант РФФИ, он создал научный коллектив, в который вошли ведущие специалисты по Великой российской революции и аграрной истории. В. А. Юрчёнков подготовил и отредактировал совместно с В. В. Кондрашиным коллективную монографию по истории крестьянства и казачества в условиях Великой российской революции и Гражданской войны²². Рецензентами этого фундаментального труда выступили ученые-историки П. С. Кабытов и О. В. Ягов. Подчеркну, что В. А. Юрчёнков не только разработал проспект будущей монографии, но и опубликовал статьи по этой проблеме, в которых представил концепцию и историографию исследуемого проекта, что оказало существенное воздействие на реализацию грантовой заявки и итоги научного исследования. Одновременно коллектив историков под руководством Валерия Анатольевича вел работу по подготовке и изданию сборника документов и материалов по этой важнейшей для российской историографии проблеме²³.

В. А. Юрчёнков удивительно органично сочетал педагогическую, научную работу с большой обще-

ственно-политической деятельностью. Он входил в состав Общественной палаты Российской Федерации, Общественной палаты Республики Мордовия, возглавлял ряд отделений российских обществ; редактировал не только труды своих аспирантов и докторантов, но и статьи в научных журналах, выпускаемых НИИГН. Словом, многообразие общественной деятельности ученого не могло не восхищать.

В 2000-е гг. наши научные контакты развивались по линии участия Валерия Анатольевича в качестве официального оппонента на заседаниях диссертационного совета при Самарском государственном университете. Я также принимал участие в оппонировании диссертаций его аспирантов (М. Д. Журавлёва, К. А. Баймашкин); написал свыше 10 отзывов ведущей организации на диссертационные исследования саранских коллег. Институт также часто выступал в качестве ведущей организации, предоставляя отзывы на диссертационные исследования, которые защищались в диссертационном совете при Самарском государственном университете. Были и такие случаи, когда меня приглашали оппонировать кандидатские и докторские диссертации в Саранске. Но главное заключается в участии В. А. Юрчёнкова в реализации научных проектов историков Самарского университета. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что он как член авторского коллектива написал историографические очерки о Н. В. Полине, Т. Д. Надькине и В. К. Абрамове, опубликованные в монографии «Аграрная история XX века: историография и источники» (2014 г.). Отмечу, что В. А. Юрчёнков выступал не только соавтором самарских научных изданий, но и их рецензентом.

Отдельного внимания заслуживает роль Валерия Анатольевича в воссоздании деятельности Средневожского объединения историков-аграрников. Он совместно с учеными

А. Г. Ивановым, П. С. Кабытовым, В. В. Кондрашиным и Ю. П. Смирновым инициировал в 2001 г. проведение VI научной конференции историков-аграрников в Йошкар-Оле. Эту инициативу поддержало большинство историков Поволжья и других регионов страны. И уже в 2003 г. VII конференция аграрников была организована и проведена на базе НИИГН. Я помню, самарская делегация приехала в Саранск 20 мая. Нас поселили в одноименной гостинице, расположенной буквально в нескольких десятках метров как от центральной площади города, так и от института. Мы с большим интересом слушали доклад В. А. Юрчёнкова на тему «Мордовский этнос в имперском социуме. XVIII — начало XX в.»²⁴, с которым он выступил на пленарном заседании конференции. Существенную часть доклада заняли теоретические аспекты проблемы. Прежде всего, Валерий Анатольевич обратил внимание на то, что характеристика взаимоотношений центра и периферии порождает ряд весьма непростых методологических вопросов. На основе большого корпуса источников ученый доказывал, что отношение центра к мордве нельзя назвать имперским. Далее он говорил о том, что сравнительно ранний про-

цесс включения мордвы в состав Российского государства определил участие этноса в генезисе империи. Обоснованно звучал его тезис о том, что мордва заняла особое место в истории империи, обусловленное спецификой ее собственного этнического и исторического развития. Мордовский этнос принял участие в генезисе империи посредством миграций и освоения окраинных земель. Эти теоретические воззрения В. А. Юрчёнков творчески использовал при обосновании концепции добровольного вхождения мордовского народа в состав Российского государства, тысячелетие которого Российская Федерация отмечала в 2012 г.

Весьма насыщенной была культурная программа. Участники конференции посетили памятные места и достопримечательности Саранска. Смогли полюбоваться замечательными произведениями великого скульптора С. Д. Эрзи. Мы побывали и в Параскево-Вознесенском женском монастыре (особенно впечатляющей была встреча с его игуменьей). А уже вечером Валерий Анатольевич пригласил самарцев к себе на чай. Мы познакомились с его мамой и женой Ниной. Меня не мог не восхитить кот Юрчёнкова, который сразу же обвил мои ноги своим хвостом.

Памятная для меня встреча с Валерием Анатольевичем состоялась в 2004 г. во время защиты его докторанта Ю. Ф. Кожурина²⁵. Я, как и московский ученый А. С. Ахиезер, был приглашен в качестве официального оппонента. Вместе с А. С. Ахиезером в Саранск приехал другой известный ученый, доктор философских наук Виктор Ильин, рассказавший об одном неловком курьезном моменте во время их посадки в поезд. Когда они на Казанском вокзале предъявили билеты и паспорта, то проводница долго всматривалась в паспорт А. С. Ахиезера и затем, переименовав его фамилию на более привычное народное звучание, произнесла: «Проходите, Ах*езер». На этом интерпретация фамилии ученого не закончилась. В гостинице менеджер при поселении тоже внесла свою лепту в звучание фамилии выдающегося российского ученого, прочитав ее как «Ехизер». Но эти досадные недоразумения не испортили настроение ни у А. С. Ахиезера, ни у В. А. Юрчёнкова, ни у «подзащитного» Ю. Ф. Кожурина. Защита прошла успешно. Во время этой встречи я предложил В. А. Юрчёнкову рассмотреть проект издания научно-популярного журнала, в котором освещались бы проблемы истории и культуры народов

*Участники VII
Межрегиональной
научно-практической
конференции
историков-аграрников
Среднего Поволжья
«Крестьянство и
власть Среднего
Поволжья». Саранск,
2003 г.*

На IX конференции историков-аграрников «Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований». Самара, 2006 г.

Поволжья. И вскоре В. А. Юрчёнков инициировал издание научно-популярного журнала «Центр и периферия».

В мае 2006 г. Самарский государственный университет организовал IX конференцию историков-аграрников на тему «Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований», которая трансформировалась в I Всероссийскую конференцию, так как в ней приняли участие представители всех регионов Европейской России. Приехала делегация и из Саранска. Ее руководитель Валерий Анатольевич Юрчёнков преподнес мне сюрприз — вручил диплом о присвоении звания почетного профессора НИИГН.

6 апреля 2007 г. мы вновь встретились с В. А. Юрчёнковым в Саратове, куда он приехал на защиту докторской диссертации М. Н. Матвеева в качестве официального оппонента. Вторым оппонентом выступал видный российский историк О. В. Хлевнюк. Разместили нас в гостинице «Словакия» на набережной реки Волги. Как всегда, мы говорили с Валерием Анатольевичем о наших научных проблемах. Я рассказал ему, что коллектив кафедры российской истории

начал разрабатывать историю Юго-Востока Европейской России, который вплоть до начала XX в. являлся внутренней окраиной Российской империи. Предполагалось, что это даст возможность реализовать давнюю мечту наших предшественников — написать историю Среднего Поволжья в границах Симбирской, Самар-

ской и Саратовской губерний. Я консультировался с В. А. Юрчёнковым и по вопросу об установлении даты основания Самары.

Мы встречались и на аграрной конференции историков Среднего Поволжья в Казани, организованной действительным членом Академии наук Республики Татарстан, профес-

Участники аграрной конференции историков Среднего Поволжья. Казань, 2007 г.

Участники аграрной конференции историков Среднего Поволжья. Казань, 2007 г.

сором И. Р. Тагировым в мае 2007 г. Я помню, мы жили тогда в небольшой гостинице на улице Павлухина. Пленарные заседания конференции проходили в аудиториях гуманитарного корпуса Казанского государственного университета. Как всегда, доклад В. А. Юрчёнкова отличался оперированием значительным корпусом архивных источников, аргументированными выводами о новых тен-

денциях в эволюции крестьянских хозяйств в начале XX в.

Изучая биографию известного русского реформатора П. А. Столыпина, я установил, что одно из его имений находилось в с. Акшино Инсарского уезда Пензенской губернии (сегодня — Старошайговский район Республики Мордовия). Для меня было очень важно побывать в этом селе, и как-то я сказал об этом Ва-

лерию Анатолевичу. И вот летом 2008 г. такая возможность мне была предоставлена. Я приехал в Саранск. Мы с В. А. Юрчёнковым совершили прогулку по центральной части новой культурной столицы России. Побывали в соборе Федора Ушакова. И, конечно, мы полюбовались памятниками патриарху Никону, А. С. Пушкину. Я был восхищен преобразованием социокультурного пространства Саранска. Затем состоялась экскурсия в с. Акшино. Я был разочарован. От бывшего имения Столыпина ничего не осталось. О нем свидетельствовали лишь руины православной церкви. На его территории находились пруды, которые, вероятно, возникли в советскую эпоху. Что тут сказать, революция смела до основания многие дворянские гнезда. Что имеем — не храним... И все же для меня как историка было очень важно побывать на земле, которая некогда принадлежала П. А. Столыпину.

Летом 2014 г. В. А. Юрчёнков пригласил меня на круглый стол, где планировалось обсуждение актуальных проблем Великой российской революции. Я прилетел в Саранск ранним утром, в 6 часов я уже был в гостях у Валерия Анатолевича. Оказалось, что он построил дом недалеко от Саранска: всего-то 10 — 15 минут на автомобиле до центра. Вплоть до 8 часов утра мы пили чай. Он доверительно рассказывал мне о своих семейных проблемах — болезни мамы, о чинимых препонах со стороны местных властей в связи с поступившими ему предложениями занять должности ректора Витебского государственного педагогического института и ректора Кировского педагогического института. Но, насколько я понял, уезжать

П. С. Кабытов и В. А. Юрчёнков. Саранск, 2008 г.

из родной республики он не соби-
рался. Вольно или невольно, мы
перешли к обсуждению проблемы
взаимоотношения власти и ученых.
Власть, как правило, потребительно
используя интеллектуальный потен-
циал ученых, не всегда учитывает их
интересы. Возникают конфликтные
ситуации... Обсуждали мы и другие
проблемы, два часа пролетели неза-
метно. Чаепитие продолжилось, ког-
да со второго этажа дома спустились
наши друзья из Пензы — профес-
сора В. В. Кондрашин и С. В. Бе-
лоусов, также приглашенные на кру-

глый стол. Началась дискуссия по
проблемам революции и Гражданской
войны, перешедшая за круглый стол
в стенах НИИГН. В течение следу-
ющего дня мы обсуждали проблемы
региональной истории. Для меня было
общение с Валерием Анатольевичем
чрезвычайно важно, так как в ходе
него обсуждались не только итоги
научной работы, но и определялся
вектор новых исследований.

Я могу долго рассказывать о Ва-
лереи Анатольевиче. Несомненно, он
был не только выдающимся истори-
ком, автором многочисленных фун-

даментальных исследований по исто-
рии мордовского народа и истории
Республики Мордовия. Его науч-
ное и литературное наследие весомо.
В. А. Юрченок состоялся как исто-
риограф, археограф, философ, писа-
тель, журналист и киносценарист. Он
зарекомендовал себя крупнейшим
организатором научных исследова-
ний, общественным деятелем, а глав-
ное — ревнителем Науки и Про-
свещения. Но, прежде всего, Вале-
рий Анатольевич был и остается в
нашей памяти как Человек науки и
замечательный друг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ См.: Кабытов П. С. История у нас трагична : Записки историка. Самара, 1996. С. 93 — 97.
- ² См.: Кабытов П. С. Сквозь «лихие» и «нулевые». Самара, 2012. С. 82 — 84.
- ³ См.: Барычева Л. П. Валерий Анатольевич Юрченок // Библиотечное краеведение Мордовии. Саранск, 1999. Вып. 6. С. 53 — 54.
- ⁴ См.: Воронина Н. И. Полет над историей // Регионология. 1999. № 1. С. 402 — 408.
- ⁵ Юрченок Валерий Анатольевич // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Юрченок_В._А. (дата обращения: 23.03.2019).
- ⁶ См.: Мордовия : энцикл. Саранск, 2004. С. 554 ; Мордовия, XX век : Культурная элита : энциклопед. справ. Саранск, 2013. № 2. Н — Я. С. 330 — 331 ; Центр гуманитарных наук: история и современность. Саранск, 2007. С. 326 — 327.
- ⁷ См.: Воронина Н. И. Лики провинциальной культуры. Саранск, 2004. С. 136 — 145.
- ⁸ См.: Гагаев А. А. КПД В. А. Юрченкова. Философия истории // Гагаев А. А., Гагаев П. А. Философия и психология естественных, техниче-ских и гуманитарных наук: культурно-типологическая модель науки (логика открытия). Космо-психо-логос уникального человека. Система фило-софии. Саранск, 2004. Ч. 2 — 3. С. 211 — 241.
- ⁹ См.: Северцев В. Пульсирующий этнос // Литературная Россия. 2004. 3 сент. С. 3.
- ¹⁰ См.: Куршева Г. А. Историк, историограф, краевед, организатор науки // Красная Слобода. Саранск, 2008. С. 393 — 396.
- ¹¹ См.: Кабытов П. С., Куршева Г. А. Аграрные исследования Валерия Анатольевича Юрченкова // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. С. 265 — 271.
- ¹² См.: Кабытов П. С. Юрий Ильич Смыков : биогр. очерк, воспом., письма. Самара, 2017. 140 с.
- ¹³ Личный архив автора.
- ¹⁴ См.: Кабытов П. С. Сквозь «лихие» и «нулевые». С. 62 — 63.
- ¹⁵ См.: Юрченок В. А. Хронограф, или повествование о мордовском народе и его истории. Саранск, 1991. 368 с.
- ¹⁶ Личный архив автора.
- ¹⁷ См.: Ниманов И. Б. Революционное движение в Поволжье в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 гг.) : (На материалах Мари Эл, Мордовии, Чувашии) : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 1994.
- ¹⁸ Личный архив автора.
- ¹⁹ См.: Кабытов П. С. Рец. на кн.: Балашов В. А., Юрченок В. А. Историография отечественной истории (1917 — начало 90-х гг.) : учеб. по-собие. Саранск, 1994. 189 с. // Вестник Мордовского университета. 1995. № 3. С. 69.
- ²⁰ См.: Летуновский С. Б. Общественное сознание крестьянства Мордовии конца XIX — начала XX вв. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 1997 ; Лапун В. И. Развитие народного образования в Мордовии в конце XIX — начале XX вв. : дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Самара, 1997.
- ²¹ См.: Юрченок В. А. Власть и общество : Российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 — 1920 гг. Саранск, 2010. 440 с.
- ²² См.: Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. М. ; Саранск, 2017. 1046 с.
- ²³ См.: Российское крестьянство в эпоху революций и Гражданской войны: регионально-национальный аспект. Саранск, 2016. 878 с.
- ²⁴ См.: Юрченок В. А. Мордовский этнос в имперском социуме: XVIII — начало XX в. // Крестьянство и власть Среднего Поволжья : материалы VII межрегион. науч. практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Саранск, 21 — 23 мая 2003 г.). Саранск, 2004. С. 13 — 30.
- ²⁵ См.: Кожурин Ю. Ф. Цивилизационная идентификация социокультурной системы региона : дис. на соиск. учен. степ. д-ра филос. наук. Саранск, 2004.

Поступила 04.04.2019

УДК 929

Евгений Николаевич Бикейкин,
Татьяна Александровна Чужайкина, Нина Николаевна Зоркова,
Сергей Александрович Ивлиев

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЮРЧЁНКОВ – УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

3 октября 2017 г. Республика Мордовия понесла невосполнимую потерю. Не стало известного ученого-историка, блестящего организатора науки и видного общественного деятеля Валерия Анатольевича Юрчёнкова, долгое время, вплоть до самой своей кончины, бессменного директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН). Один из крупнейших ученых республики, Валерий Анатольевич смог поднять гуманитарные исследования в регионе на новый, отвечающий всем требованиям современности, уровень, сделать возглавляемый им институт одним из ведущих центров гуманитарных исследований не только в Мордовии, но и в России. Об этом свидетельствуют страницы биографии этого неординарного человека и исследователя.

1 октября 2001 г. доктор исторических наук, профессор В. А. Юрчёнков был назначен директором НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Огромное количество сил и энергии он отдал институту, но именно здесь в полной мере проявились его незаурядная личность, выдающиеся способности ученого-

историка, мудрость руководителя. Под его руководством началось обновление института во всех сферах: были проведены структурные и кадровые изменения, стала постепенно улучшаться материально-техническая база, на новый уровень вышли научные исследования. Все это способствовало решению сложных и разнообразных научно-исследовательских задач. За годы руководства НИИГН В. А. Юрчёнков создал сплоченный, работоспособный, высокопрофессиональный коллектив; общая доля научных кадров, имеющих ученую степень, возросла почти на 50 %.

В 2001 г. сотрудники института приступили к переработке энциклопедии «Мордовия». В соответствии с постановлением Правительства Республики Мордовия основной научно-исследовательской деятельностью коллектива стала подготовка энциклопедических статей. В течение нескольких лет регулярно собиралась главная редакционная коллегия для обсуждения планов и результатов работы над изданием. В итоге была утверждена концепция структуры статей, определены критерии отбора персоналий, устранены выявленные ошибки и недостатки. Первый том

энциклопедии «Мордовия» был написан в печать в январе 2003 г., второй том — в июне 2004 г. Выход в свет обновленного издания стал важным событием в научной, общественной и культурной жизни республики. 31 марта 2005 г. за большой вклад в создание энциклопедии «Мордовия» В. А. Юрчёнкову и Е. В. Глазковой было присвоено звание лауреата Государственной премии Республики Мордовия.

В годы руководства В. А. Юрчёнкова НИИГН стал центром научной и общественной жизни республики. На базе института проводились крупные международные и всероссийские научные конференции, среди которых VII Межрегиональная научно-практическая конференция историков-аграрников Среднего Поволжья «Крестьянство и власть Среднего Поволжья» (2003 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Социальные конфликты в России XVII — XVIII вв.», приуроченная к 230-летию восстания под руководством Е. И. Пугачева (2004 г.); Всероссийская научно-практическая конференция экономического профиля «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического раз-

Н. И. Меркушкин вручает В. А. Юрчёнкову знак лауреата Государственной премии Республики Мордовия. 4 апреля 2005 г.

вития регионов Российской Федерации» (2005 г.); Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 400-летию со дня рождения патриарха Никона (2005 г.); Международная научная конференция, посвященная жизни и деятельности святого праведного воина Феодора Ушакова, приуроченная к 5-летию канонизации адмирала (2006 г.); VII Конгресс этнографов и антропологов России «Многоэтничные общества и государства» (2007 г.); Всероссийская научная сессия «Гуманитарные науки: история и современность», приуроченная к 75-летию юбилею института (2008 г.); Всероссийская научная конференция «Великая война и российская провинция», посвященная 100-летию юбилею Первой мировой войны (2014 г.) и т. д. Сотрудники и аспиранты института ежегодно принимают участие в работе конференций, семинаров, чтений. Сам В. А. Юрчёнков был участником большого числа научных мероприятий различного уровня — от региональных до международных, география которых включала не только регионы Российской

Федерации, но и зарубежные страны (Финляндия, США, Япония, Польша и др.).

Будучи талантливым историком, В. А. Юрчёнков значительное внимание уделял сотрудничеству с другими коллегами-учеными. Для аспирантов и соискателей НИИГН в разные годы читали авторские курсы лекций авторитетные ученые ведущих учебных заведений и научных центров Российской Федерации: А. Н. Сахаров, А. С. Ахиезер, А. С. Синяевский, П. С. Кабытов, К. Э. Разлогов, М. Ю. Мартынова.

В 2002 г. распоряжением Правительства Республики Мордовия институт был утвержден государственным заказчиком в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России» Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Совместная работа над проектами и грантами связывала институт с крупнейшими научными центрами страны. Так, в 2003 г. НИИГН совместно с Центром славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония) осуществил проект «Новая волна в изучении этно-

политической истории Волго-Уральского региона». В 2005 г. коллективными силами НИИГН, Республиканской архивной службы Республики Мордовия и Государственного архива Российской Федерации осуществлялся проект «Крестьянские движения в Поволжье. 1918 — 1922 гг.». В 2006 г. началась совместная с Институтом российской истории РАН разработка межрегионального инновационного проекта «Общество и власть. Российская провинция. 1917 — 1985 гг. (материалы и документы)» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Общественный потенциал истории»; в 2007 г. было подписано соглашение с РГНФ о поддержке гуманитарных научных исследований, отобранных на конкурсной основе и выполняемых в институте. В этом же году был подписан Учредительный договор с Институтом российской истории РАН об издании научно-публицистического журнала «Центр и периферия».

При В. А. Юрчёнкове НИИГН уверенно поддерживал статус одного из лучших научных и образовательных учреждений республики. В 2002 г. министр промышленности, науки и технологий Российской Федерации И. И. Клебанов подписал свидетельство о государственной аккредитации института в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике». В том же году институт получил лицензию на образовательную деятельность в сфере послевузовского образования, что позволило осуществлять подготовку аспирантов по специальностям «Отечественная история», «Археология», «Этнография», «Литература народов Российской Федерации (финно-угорская литература)», «Фольклористика», «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)», «Экономика и управление народным хозяйством», «Политические институты, этнополитическая конфликтология,

национальные и политические процессы и технологии». Следует отметить, что подготовка научных кадров по специальностям «Археология», «Фольклористика» и «Политические институты, процессы и технологии» ведется в республике только в аспирантуре НИИГН. В последующие годы институт успешно проходил государственную аккредитацию, соответствуя научным учреждениям академического типа. Большую роль в научной деятельности и подготовке высококвалифицированных научных кадров сыграло открытие в 2004 г. на базе НИИГН диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности «Теория и история культуры» (отрасль наук историческая). Совет действовал в 2004 — 2007 гг. Председателем совета был В. А. Юрчёнков. С 2015 г. НИИГН входит в число организаций, на базе которых открыт объединенный диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, доктора наук по специальностям «Отечественная история» и «Этнография, этнология и антропология».

В 2000-е гг. в НИИГН возродились археологические исследования, прекращенные в тяжелых условиях 1990-х гг. В результате успешного решения кадровых, материально-технических и организационных вопросов изучение древнейших этапов истории региона приобрело статус полноценного самостоятельного направления научной работы.

Научно-исследовательская направленность института обусловлена не только теоретической деятельностью, но и практической. Наиболее ярким подтверждением служит подготовка и участие в праздновании в 2012 г. 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства. Идея 1000-летия была высказана В. А. Юрчёнковым на X Сафаргалиевских научных чтениях в

апреле 2006 г. Многовековые связи мордвы и Руси подтверждались историческими источниками. Создание концепции, интеллектуальное и информационное сопровождение проекта осуществлялось сотрудниками отдела истории НИИГН при непосредственном руководстве Валерия Анатольевича. В рамках подготовки к празднованию 1000-летия единения в республике был реализован ряд важнейших проектов, имевших существенное значение для социально-экономического и культурного развития Мордовии.

Большое внимание В. А. Юрчёнков уделял популяризации исторической науки. Под его патронажем при институте было создано неформальное творческое объединение «Куйгорож», а через некоторое время, в октябре 2011 г., — отдел визуальной антропологии, выпустивший 13 документальных фильмов, посвященных истории и культуре мордовского края («Непобеждённые. Подвиг Красной Слободы. 1670 г.»; «Тюштянь налксемат». Боевые игрища древней мордвы»; «На сопках Маньчжурии»; «Мы шли в поход, когда с зарею сходилась ясная заря...»; «Неповторимая и уникальная. Этногенез мордвы» и др.). Короткометражные фильмы, заслужившие положительные отклики зрителей, успешно используются учителями в образовательном процессе, их трансляция планируется в рамках нового видеопортала «Народное телевидение Мордовии», также инициированного НИИГН.

* * *

Находясь на посту директора НИИГН, В. А. Юрчёнков разработал большое количество значимых научно-исследовательских проектов, рассчитанных на десятилетия вперед и важных не только с точки зрения региональной, но и российской науки. Благодаря неиссякаемой энергии ученого многие из них были полностью

или частично реализованы еще при жизни Валерия Анатольевича.

Разработанная под руководством В. А. Юрчёнкова новая цельная концепция истории и культуры мордовского народа получила свое выражение в проекте «Мордовия. XX век». Этот проект посвящен современному осмыслению основных этапов и путей социально-культурного и исторического развития Мордовии в прошедшем столетии с учетом модели региональной истории, предложенной в отечественной историографии впервые и в общих чертах приемлемой также для других регионов страны. Проект представлен монографиями «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.» и «Мордовия в послевоенный период. 1945 — 1953 гг.»; солидным изданием «На пороге реформ. Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов», значительным количеством других работ.

Благодаря инициативе В. А. Юрчёнкова в НИИГН начал осуществляться проект «Археология Мордовского края», посвященный изучению и осмыслению древнейшего, главным образом дописьменного, периода истории мордовской земли. С позиций современной науки разрабатывалась всесторонняя концепция ранней истории региона: шло исследование природно-географических условий каждого исторического периода, отдельных археологических культур, типичных археологических памятников (стоянок, селищ, городищ, могильников, кладов и др.), жилищ, погребального обряда, предметов материальной культуры (орудий труда, оружия, украшений, керамической посуды, предметов древних культов, быта и др.). Особое место в рамках данного направления Валерий Анатольевич отводил изучению межэтнических контактов: проект позволил проследить культурные и торговые связи населения региона на протяжении веков. Фактическим его на-

чалом стала работа над одноименной монографией и издание в 2008 г. первого тома, посвященного ранней истории мордовского народа и края с каменного века до эпохи бронзы.

Бесспорно, актуальным вопросом, требующим тщательного исследования на основе современных методологических подходов, В. А. Юрчёнков считал научное осмысление многовекового наследия этноса: его верований, обрядов, фольклора, первооснова которых — мифология. Решению данной проблемы способствовал проект «Мордовская мифология», в котором на основе комплексного подхода изучалось богатство, разнообразие и уникальность исторического, культурного и духовного наследия мордовского народа, анализировалась его роль в развитии и взаимообогащении культур финно-угорских и русского народов на уровне мифологического сознания. В рамках проекта В. А. Юрчёнковым и коллективом ученых НИИГН фактически была апробирована новая универсальная научная концепция оценки места и роли мифологии в жизни конкретного этноса с учетом динамики преобразований и развития на всем протяжении его существования. Эта концепция отразилась в таких работах, как энциклопедия «Мордовская мифология», «Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации» и др.

Проект «Мордва России» явился специальной этнографической работой по всестороннему изучению мордовской диаспоры Российской Федерации. Говоря о его значимости, В. А. Юрчёнков неизменно подчеркивал, что мордовский народ — один из крупных народов финно-угорской языковой семьи в России, который, несмотря на все исторические коллизии, сумел сохранить богатейшее культурное наследие и национальное самосознание, став одним из государствообразующих этносов. Исследования в рамках проекта охватыва-

ли изучение истории заселения, хозяйственной деятельности, общественных и семейных отношений, этногенез и вопросы этнической истории, этнокультурную адаптацию, сохранение традиций в материальной (жилище, пища, одежда) и духовной (народные знания, обряды и праздники) культуре мордвы, современные проблемы их социально-экономических и культурных преобразований. Все они представлены в значительном количестве выходящих ежегодно монографий, каждая из которых, как правило, посвящена определенной территории проживания мордовской диаспоры.

Подход к пониманию общества как политико-территориальной системы, основанной на взаимодействии центра, отождествляемого с властью, и периферии, воспринимающей властные импульсы и фактически тождественной обществу, позволил Валерию Анатольевичу ввести в проблему «власть — общество» реальность региона и рассмотреть взаимодействие власти и общества как реализацию власти в провинции на примере Мордовии. В проекте «Власть и обще-

ство: российская провинция» такое взаимодействие анализируется в трех основных плоскостях жизнедеятельности регионального социума — общественно-политической, социально-экономической и социокультурной. Данное направление представлено такими значимыми исследованиями, как «Крестьянство и власть Среднего Поволжья», «Власть и общество: российская провинция в период социальных катаклизмов 1918 — 1920 гг.», «Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект» и др.

С подачи В. А. Юрчёнкова коллективом института была начата кропотливая работа по поиску и публикации впервые выявляемых документов центральных и региональных архивов, проливающих свет на неизвестные факты или слабо разработанные проблемы истории Мордовии, этнографии мордовского народа, его языка и фольклора. Все это стало основной целью для создания комплексного проекта «Свод документов по истории и культуре Мордовии», охватывающего вопросы широкого

На съезде историков-архивистов.

Слева направо: А. Г. Иванов (Йошкар Ола), Ю. П. Смирнов (Чебоксары), И. Р. Тагиров (Казань), В. А. Юрчёнков (Саранск). г. Москва, 2006 г.

круга гуманитарных наук: истории, этнографии, языкознания, фольклористики, культурологии и т. д. В его рамках осуществлялась подготовка сборников историко-этнографических документов о мордве, документов, освещающих историческое, культурное и социально-экономическое развитие мордовского края, материалов, связанных с историей языкового строительства в Мордовии, образцов фольклорного наследия мордовского народа. Свет увидели многотомные издания «Общество и власть (1918 — 1920): документы уездных съездов Советов Мордовии», «Национальное языковое строительство в мордовском крае в XX веке: стенограммы и материалы языковых конференций и научных сессий по вопросам мордовского языкознания», «Великая Отечественная война: устная история. Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны» и многие другие.

Уникальный опыт лингвистических исследований мордовских языков, в том числе в области лексикографии, накопленный несколькими поколениями языковедов института, был реализован в проекте «*Мордовские словари*», который предусматривал выполнение работ по составлению различных типов словарей мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, раскрывающих всю многогранность их лексического строя. Тематика современных лексикографических исследований, инициированных Валерием Анатольевичем, была связана с подготовкой словарей мордовских литературных языков, а также лингвистических справочников, регулирующих правила мокшанского и эрзянского произношения на основе орфоэпических норм мокшанского и эрзянского литературных языков. В мордовской лексикографии это первый опыт составления подобного рода словарей, поэтому их издание стало значимым событием в развитии регионального языкознания.

Изучению самобытной этнической культуры народов Мордовии Валерий Анатольевич посвятил проект «*Этнокультурный мир Мордовии*». Тематика проводимых исследований предусматривала комплексное и всестороннее рассмотрение своеобразия материальной и духовной культуры не только коренных (русские, мордва, татары) этносов Республики Мордовия, но и малочисленных (украинцы, чуваша, народы Закавказья и Центральной Азии и др.). Ценность данного проекта, представленного такими работами, как «Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование», «Как лечились народы Поволжья и Приуралья», «Этнополитическое развитие Мордовии в условиях постсоветского транзита» и др., состояла в возможности показать обусловленные межэтническими контактами взаимовлияние, взаимообогащение национальных культур этих народов.

Последние десятилетия XX в. стали в России периодом поиска новых моделей построения этнокультурной политики. Этому запросу в полной мере соответствовал инициированный В. А. Юрчёнковым проект «*История культуры Мордовии*», который строился на анализе не только уже известных документов, но и новых материалов, раскрывавших малоизученные страницы социокультурной жизни республики (конец 1920 — 30-х гг., первые послевоенные годы, а также постперестроечная эпоха). Данный проект обогатил региональную историографию такими работами, как «Культура и общество во второй половине XIX в. Социокультурное развитие российской провинции (на примере мордовского края)»; «Мордовия, XX век: культурная элита. Энциклопедический справочник»; «Народы Среднего Поволжья в западноевропейской историографии XVI — XVIII вв.»; «Начертание мордовской истории» и др.

Всестороннему изучению проблем региональной истории посвящен проект «*Города и районы Мордовии*». В его рамках Валерий Анатольевич предусматривал освещение ретроспективного пути становления и развития городов и районов мордовского края; представление уникального материала об их истории, культуре и природе, извлеченного из архивов и музеев, литературных источников, периодической печати, рассказов старожилов и очевидцев происходивших событий. Проект стал важным инструментом патриотического воспитания подрастающего поколения, помог по-настоящему проникнуться чувством глубокого уважения к своей малой родине. Первым изданием в рамках проекта была вышедшая в 2008 г. книга «Красная Слобода», посвященная Краснослободскому району Республики Мордовия.

Основной задачей проекта «*Личности*» В. А. Юрчёнков определял популяризацию людей, жизнь и деятельность которых так или иначе была связана с мордовским краем, людей, прославивших свою малую родину. Круг знаменитых персоналий им не ограничивался, в связи с чем проблематика проекта оказалась существенно расширенной. Много работ в рамках проекта посвящалось таким известным историческим фигурам, как патриарх Московский и всея Руси Никон, флотоводец адмирал Ф. Ф. Ушаков. Данный проект тесно переплетался с издаваемой в НИИГН научно-популярной серией классических трудов «Наследие», призванной, по мысли Валерия Анатольевича, сохранить и передать следующим поколениям результаты научных изысканий видных ученых в области истории мордовского края, этнографии мордовского народа, его культуры и языка. Осуществлялись не только подготовка и издание классических научных трудов, но также их переиздание (были переизданы, в частности, избранные труды иссле-

дователей мордвы XIX — первой половины XX в. В. Н. Майнова и А. А. Гераклитова). Реализация данного направления была также связана с организацией научных мероприятий (Рябовские, Горбуновские, Жигановские научные чтения, различные научные конференции) и т. д.

Проект «*Экономика Мордовии переходного периода*» был направлен на осмысление одного из наиболее сложных этапов в жизни республики (вторая половина 1980-х — 2010-е гг.) в разрезе общероссийской социально-экономической системы. Тематика проводимых в рамках проекта исследований включала рассмотрение особенностей экономических проблем в этот период, альтернативных вариантов их решения, анализ предпосылок формирования и реализации национальных проектов в региональном разрезе. Под эгидой проекта вышли такие работы, как «*Экономика переходного периода: региональные особенности*», «*Развитие механизма финансового обеспечения социокультурной сферы Республики Мордовия*», «*Республика Мордовия: история, экономика, проблемы*» и др.

Под руководством В. А. Юрчёнкова на базе НИИГН была осуществлена крупная научно-исследовательская работа в сфере энциклопедистики. Издание в 2003 — 2004 гг. двухтомной энциклопедии «*Мордовия*» позволило систематизировать накопленные региональной наукой знания и одновременно заложить фундаментальные основы для даль-

нейшего развития научных отраслей. Окончательное оформление теории и методологии энциклопедического дела, создание баз данных текстовых и иконографических материалов явились основанием для разработки проекта «*Региональный энциклопедизм*», направленного на подготовку ряда тематических (отраслевых) региональных энциклопедических из-

В. А. Юрчёнков на Международной научной конференции «Эпическое наследие народов мира: традиции и этническая специфика». Якутск, 2017 г.

даний. Одной из значительных работ в этом направлении стала энциклопедия «Мордовская мифология», отличающаяся многоаспектным подходом к осмыслению феномена мордовской мифологии.

Говоря об успешной реализации вышеназванных проектов, следует особо подчеркнуть, что этому способствовали не только талант Валерия Анатольевича как видного ученого и организатора науки, но и его замечательные человеческие качества, без которых коллектив НИИГН просто не состоялся бы в том виде, в котором он существует теперь. И главными из этих качеств были неизменная доброта, способность понять, великодушие. Требовательность маститого руководителя всегда сочеталась в нем с человечностью, простотой в общении, с искренней любовью к людям и делу, которому Валерий Анатольевич посвятил свою жизнь.

* * *

Отдельной главой в биографии В. А. Юрчёнкова стала педагогическая деятельность. Ведь его всегда занимало не только настоящее, но и будущее мордовской науки, которую он рассматривал как органичную часть науки российской. Возглавляя кафедру страноведения в Историко-социологическом институте МГУ им. Н. П. Огарёва, он подготавливал высококлассных специалистов, используя опыт МГИМО, МИДа Российской Федерации и Казанского университета. Открытие диссертационного совета при НИИГН, к чему В. А. Юрчёнков имел непосредственное отношение, способствовало созданию и реализации системы подготовки высококлассных научных кадров, востребованных не только в Республике Мордовия, но и за ее пределами. В. А. Юрчёнков всегда был в числе основных наставников, осу-

ществлявших руководство аспирантами по специальности «Отечественная история». Ученый подготовил 7 докторов и 27 кандидатов наук.

В. А. Юрчёнков — автор востребованных учебно-методических работ и активный популяризатор исторической науки. Его книги для детей школьного возраста («Занимательная археология», «Край мордовский. Занимательная история», «Занимательное родиноведение», «Сказки Вирявы», «Сказки Норовавы» и др.) написаны живым, увлекательным языком, с любовью и уважением к родной истории. В. А. Юрчёнков также является автором учебника по истории и культуре мордовского края «Мир истории» для 6-го класса средних школ республики, единственного в настоящее время учебника по истории на мокшанском и эрзянском языках «Мордовский народ: прошлое и настоящее», а также учебного пособия «История и культура мордовского народа» для 6 — 9-го классов общеобразовательной школы.

* * *

Научную и педагогическую деятельность В. А. Юрчёнков совмещал с общественной работой. С 1989 г. он являлся председателем Мордовского республиканского отделения, а с 1992 г. — членом Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (г. Москва); председателем Мордовского республиканского отделения Всероссийского общества историков-архивистов (с 2006 г.); председателем Комиссии по геральдике при Главе Республики Мордовия (с 2002 г.); членом Общественного совета Приволжского федерального округа по развитию институтов гражданского общества (с 2010 г.).

С 2006 г. В. А. Юрчёнков являлся членом Общественной палаты Республики Мордовия, а с 2008 г. —

ее сопредседателем, возглавлял Комиссию Общественной палаты по культуре, гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. В 2010 г. указом Президента России В. А. Юрчёнков был включен в состав Общественной палаты Российской Федерации, являлся членом Комиссии Общественной палаты по вопросам развития гражданского общества. С 2013 г. В. А. Юрчёнков возглавил региональное отделение *Российского военно-исторического общества (РВИО) в Республике Мордовия*. Оно объединило представителей научной общественности, реконструкторов, поисковиков, архивистов, музейщиков, издателей, любителей российской военной истории.

В. А. Юрчёнков руководил Мордовским региональным отделением Ассамблеи народов России (2009 — 2013 гг.), являлся членом президиума совета Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации по науке и финно-угорским исследованиям (с 2010 г.). На одном из заседаний совета (Ульяновск, 10 декабря 2016 г.) состоялась презентация книги «Финно-угорские народы России», научным редактором которой был Валерий Анатольевич. Он также являлся членом Ассоциации финно-угорских научно-исследовательских институтов, созданной для обсуждения ряда актуальных проблем научного взаимодействия и перспектив совместных исследований.

Безусловно, Валерий Анатольевич Юрчёнков принадлежит к числу выдающихся ученых, составляющих золотой фонд российской науки. Его научно-педагогическая и общественная деятельность, вся его жизнь есть наглядный пример истинного, беззаветного служения своей стране и своей республике, а также преданной любви к науке и народному образованию.

Поступила 23.07.2019

УДК 398+929

Антонина Николаевна Келина

СТРАНИЦЫ МОРДОВСКОЙ ИСТОРИИ А. А. ШАХМАТОВА К 155-летию выдающегося академика

«В истории русской филологии нет главы более яркой и волнующей, чем деятельность Алексея Александровича Шахматова»

В. В. Виноградов

«...Но я употреблю все старания, чтобы доказать вам, что изучению памятников должно предшествовать изучение живого языка, что... не может быть изучения истории языка без постоянной опоры на историю самого народа...»

(Из обращения А. А. Шахматова-лектора к своим студентам)

Склонность к изучению других языков, в частности мордовских, проявилась у А. А. Шахматова с детства. С малых лет он слышал эрзянскую речь крестьян, работавших в их родовом имении в Саратовской губернии. Двенадцатилетним мальчиком будущий академик увлекся историей и культурой мордовского народа, прочитав «Очерки мордвы» П. И. Мельникова-Печерского. Это стало поводом для овладения эрзянским языком.

Первые фольклорные записи А. А. Шахматов сделал в диалектологической поездке по Олонецкому краю в 1884 г. Олонецкий край был выбран исследователем из-за его отдаленности, в надежде найти обособленный говор с присущими ему

диалектологическими особенностями. За два летних месяца (июль и август) Шахматов посетил Заонежье, Кондопожскую, Великогубскую, Шунгскую и Толвуйскую волости. Собранный фольклорный материал включал 71 сказку, 11 былин, 2 духовных стиха, 30 загадок, а также свадебные песни и причеты. Часть сказок была опубликована в «Записках Русского географического общества». Собранный лексический материал стал ценным вкладом в «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении», составленный Г. И. Куликовским.

Имея диалектологический опыт в исследовании русских говоров ряда губерний, в 1905 — 1906 гг. А. А. Шахматов приступил к изучению диалек-

тов двух мордовских сел Саратовского уезда — Сухой Карбулак (Арчилово) и Оркино (Кучугуры). Уже в 1905 г. было выпущено 100 экземпляров пробного сборника «Материалы по мордовскому языку и словесности» с целью получения рекомендаций специалистов. Из зарубежных ученых откликнулся финский исследователь Х. Паасонен, опубликовавший рецензию в журнале «*Finisch-Ugrische Forschungen*». Результатом лингвистической практики Шахматова в вышеназванных селах стал выход в 1910 г. в Санкт-Петербурге «Мордовского этнографического сборника»¹.

Села Сухой Карбулак и Оркино были населены мордвой-эрзей. По подсчетам исследователя, в первом прожи-

Алексей Александрович Шахматов (1864 — 1920) — великий русский филолог и историк, языковед, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы; участвовал в подготовке реформы русской орфографии (1917 — 1918 гг.).

Самый молодой академик Санкт-Петербургской Академии наук (1894), действительный член АН (1899), профессор Петербургского университета; автор более 170 монографических исследова-

ний, статей и рецензий, справочных и учебных пособий по истории русского языка и диалектологии, лексикологии и лексикографии, синтаксису современного русского языка.

Академическое заседание корифеев русской словесности под председательством великого князя Константина Константиновича Романова. Среди присутствующих: А. А. Шахматов (слева), И. М. Гревс, А. Ф. Бычков, А. Н. Веселовский, А. Н. Пыпин. 1900 г.

вало до 3 тыс. чел., во втором — до 6 тыс.² В собирании образцов народного творчества А. А. Шахматову помогали местные жители — учитель Новопольской церковно-приходской школы Саратовского уезда Р. Ф. Учаев, сельский писарь д. Бегучи Петровского уезда В. С. Саюшкин, бондарь с. Оркина И. А. Цыбин. Значительное количество этнографического материала, вошедшего в дальнейшем в «Мордовский этнографический сборник», Шахматов записал со слов Цыбина, оказавшегося «человеком в высокой степени одаренным»³, с хорошей памятью и развитой фантазией. Эрзянские тексты, записанные со слов Учаева непосредственно Шахматовым, представлены в сборнике латиницей, а тексты сказителя и параллельный перевод на русский язык — кириллицей. Каждая страница сборника разделена на две части: в верхней части дан эрзянский материал, а в

нижней — его перевод на русский. Сборник состоит из 7 разделов, охватывающих различные стороны быта и народное поэтическое творчество жителей мордовских селений.

Первый раздел сборника посвящен преданиям. В форме воспоминаний рассказывается об истории возникновения сел, их первых жителей; приводятся подробности из жизни сельчан до и после крепостного права. Представляют интерес сведения, связанные с крещением и заключением браков (например, как 23-летнюю девушку выдали замуж за 8-летнего мальчика или как чахоточную больную женщину венчали с молодым парнем и др.), происхождением некоторых мордовских семейств. Этнографический материал второго раздела посвящен мордовскому пантеону, а также обрядовой составляющей, связанной с языческими и христианскими праздниками. Значительная часть раздела пред-

ставлена текстами гаданий, заговоров от болезней, примет. Много записей связано с описанием детских игр (жмурки, прятки, в куклы и др.). Третий раздел сборника составило описание свадебного обряда, включая сватовство, плач невесты, венчание в церкви. В четвертый раздел вошли тексты эрзянских сказок, преимущественно волшебные и сказки о животных. По мнению А. А. Шахматова, «сказки не представляют чего-либо оригинального», поскольку аналогичны русскому сказочному репертуару. Тем не менее ряд исследователей, в частности А. М. Астахова⁴, полагают, что Шахматовым впервые была опубликована одна из наиболее остроумных и социально направленных сказок («Кискини кляндирь-булыне», э. — «Собачка хвостик кренделем»). По цензурным условиям дореволюционного периода, в русских сказочных сборниках она не могла быть опубликована. Обращает внимание

отсутствие названий у сказочных текстов, записанных в с. Оркино (за исключением двух-трех, представленных как «Ёвкс», э. — «Сказка»), хотя в оглавлении они есть. Все сказки с. Сухой Карбулак имеют названия. Пятый раздел сборника составили малые жанры фольклора — загадки, пословицы, поговорки и др. Большинство записей сделано в с. Сухой Карбулак.

Разновидности мордовского песенного фольклора представляют шестой раздел этнографического сборника. Тексты песен, записанные в с. Оркино пронумерованы, хотя в оглавлении они даны с названием. Примечательно, что песни с. Сухой Карбулак кроме текста включают также ноты к ним (нотация сделана Р. Ф. Учаевым). Содержание песен разнообразно, большинство из них исторического содержания, к которым А. А. Шахматов причислял также песни, отразившие какие-либо местные события. Тем не менее к действительно исторической песне относится лишь одна — о царе Павле Петровиче, весьма распространенная, по словам исследователя, в Сухом Карбулаке. Текст песни представлен в двух вариантах, и в каждом император Павел выступает кровожадным тираном, с насильственной жестокостью удержи-

вающим власть. Есть также записи колыбельных, скоморошных, святочных и причитаний. В предисловии к сборнику Шахматов выделил песни, особенно популярные у сельчан — о несчастной Луже, об Агуте, Дарюше, Кемельте, «Лугава яки сыри алаша», э. — «По лугу ходит старая лошадь» (последняя, по воспоминаниям Б. Коплан, была любимой песней Шахматова) и др. Некоторые песни записаны в произвольной форме из-за незнания точного текста. В седьмой раздел сборника вошли собранные Шахматовым тексты жизнеописаний (В. С. Саюшкина и Р. Ф. Учаева), письмо И. А. Цыбина, различного рода воспоминания старожилов и др.

В конце «Мордовского этнографического сборника» даны два больших приложения. Первое содержит песни, записанные И. А. Цыбиным от проезжего мордвина из Кузнецкого уезда («Аньча поланза а вечксэ», э. — «Анюта своего мужа не любит»; «Вяле, вяле, вяленя», э. — «Деревня, деревня, деревушка»; «Чияфтыкая, матушкам, Анушань», э. — «Просватайка, матушка, Анюту»), записи учителя Леонтьева и выдержки из историко-географического описания Озерской волости Саратовского уезда, составленные А. Н. Минхом.

Второе приложение включает «Очерк звуковых особенностей Сухокарбулацкого и Оркинского говоров» и «Краткий очерк морфологии», написанный А. А. Шахматовым.

Собранный А. А. Шахматовым богатый материал характеризует быт, мировоззрение старой мордовской деревни. Научная значимость сборника была высоко отмечена научным сообществом сразу же после его выхода. Многочисленные рецензии и публикации свидетельствовали о ценности этнографического исследования⁵. Выход «Мордовского этнографического сборника» высоко оценили Д. В. Бубрих⁶, финские ученые Э. Н. Сетеле, Ю. Вихман, В. Мансикка, французский ученый Р. Готио. По мнению литературоведа В. И. Демина, «...несмотря на то что в художественном отношении произведения, включенные в сборник, далеки еще от совершенства, сам процесс их создания свидетельствует о стремлении мордвы к литературному творчеству, что является важным шагом в национальную письменную литературу...»⁷.

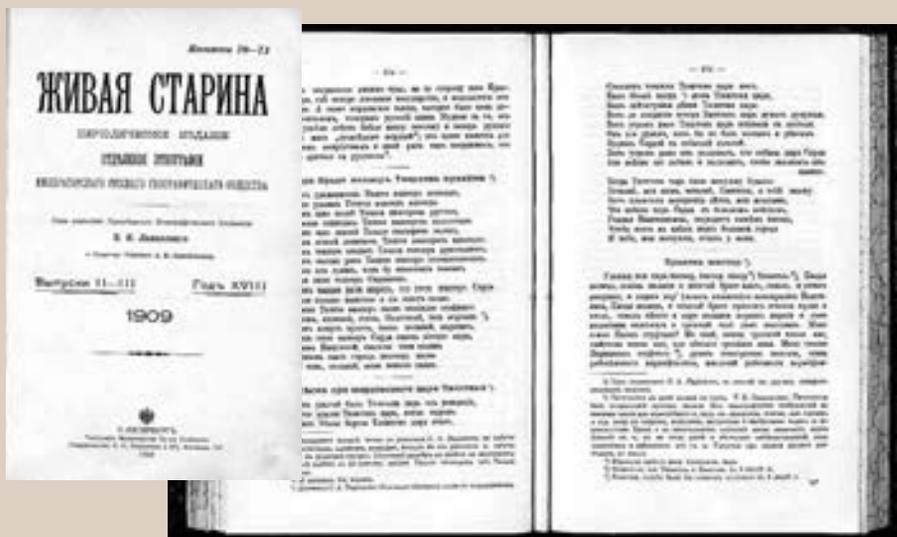
В 1907 г. А. А. Шахматов познакомился с крестьянами с. Новая Тёпловка Бузулукского уезда Самарской губернии Т. Е. Завражновым и С. А. Ларионовым, составившими на эрзянском языке рукопись «Мокшэрянь история: эрзя-мокшетнень (эрзя-келень наречиянтъ), Тюштя инязоронтъ, Паштень инязоравантъ ды сынст народост кувалт ёвтнема. Пурназь эрзя-мокшонь преданиясто ды рузонь кельс ютавтозь», э. — «Мордовская история. Об исходе мордовского наречия (эрзя-кель), об их царе Тюштене и царице Паштене и о разных суевериях этого народа. Избрана из разных изустных мордовских преданий с переводом на русский язык». Отрывки из рукописи Шахматов опубликовал в «Живой старине» (1909 г.) под названием «Из области новейшего народного творчества». В приложении ученый

опубликовал песню о Тюште (оригинал записи С. А. Ларионова), а также текст плача о гибели мордовской земли, записанный со слов Т. Е. Завражнова (в переводе на русский язык с эрзянского).

Текст «Мордовской истории...» А. А. Шахматов разделил на 20 небольших глав. В центре повествования — мордовский царь Тюштя и царица Паштене. Описывается 50-летний период правления Тюшты, который предстает легендарным национальным героем, отстаивавшим мордовскую государственность. По мнению В. И. Демина, «Мордовская история» Шахматова есть «своеобразная историко-художественная летопись жизни мордовского народа»⁸, повествующая о времени правления предводителя древней мордвы Тюшты.

Через некоторое время А. А. Шахматов получил от Т. Е. Завражного и С. А. Ларионова еще одну рукопись с двумя эрзянскими текстами — «Мокшэрзянь мастор» и «Эрзя инязор Тюштянь квалма» («Мордовская земля» и «Об эрзянском царе Тюште»). В архиве Шахматова сохранилась только часть рукописи, нигде не опубликованная в оригинале. Впервые данный текст в виде небольшого отрывка с переводом на мокшанский язык напечатал А. В. Алешкин в своей антологии⁹. По своим жанровым признакам этот текст занимает промежуточное положение между синкретической легендой-повествованием и обрядово-плачевыми формами мордовского фольклора. «Мордовская земля» и песня «Об эрзянском царе Тюште» по идейному содержанию связаны с «Мордовской историей...». По мнению А. В. Алешкина, Т. Е. Завражнов и С. А. Ларионов данными произведениями планировали дополнить «Мордовскую историю...», но по каким-то причинам не успели этого сделать. Другой вариант — тексты были присланы

Шахматову в качестве народного мнения об описываемых событиях в «Мордовской истории...»¹⁰.

«Мордовская история...» и «Мордовская земля» представляют собой литературную обработку народных легенд и преданий в сочетании с авторским художественным вымыслом. В них отчетливо выражена мысль о древности мордовского этноса и его сложной исторической судьбе. По мнению мордовских исследователей, уникальность «Мордовской истории...» заключается, прежде всего, в том, что «это была первая в истории мордовской литературы попытка создания книжного варианта... народ-

ного эпоса. Это произведение, положившее начало художественной разработке истории мордовского народа в лучших образцах национальной эпической поэзии XX века, таких как „Сияжар“, „Пенза и Сура“, „Тюштя“ В. К. Радаева...»¹¹.

Таким образом, научная деятельность выдающегося русского исследователя А. А. Шахматова способствовала развитию не только мордовских языков, но и мордовской литературы, этнографии, фольклора. Вклад ученого в историю культуры мордовского народа огромен и требует своей оценки в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- 1 См.: Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.
- 2 Там же.
- 3 См.: Астахова А. М. А. А. Шахматов как фольклорист и этнограф // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. 2.
- 4 Там же.
- 5 См.: Коплан Б. Академик А. А. Шахматов как краевед // Краеведение. М., 1925. № 1 — 2.
- 6 См.: Бубрих Д. В. А. А. Шахматов как финно-угровед // А. А. Шахматов (1864 — 1920) : сб. ст. и материалов. М. ; Л., 1947. Вып. 3.
- 7 Демин В. И. «Мордовский этнографический сборник» А. А. Шахматова как стадия перехода от народной словесности к авторской литературе // Проблемы изучения и функционирования финно-угорских языков в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саранск, 2016. С. 198 — 201.
- 8 Там же.
- 9 См.: Мокшэрзянь литератураань антология: XVIII — XX векне. Саранск, 2003.
- 10 Там же.
- 11 Демин В. И. Указ. соч.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА К СТАТЬЯМ

Бахлов Игорь Владимирович — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, профессор МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: olga.bahlova@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СССР: ИНВЕРСИЯ ИМПЕРСКОГО ОПЫТА

В статье исследуется преломление имперского опыта в территориальной системе СССР; характеризуются основные методы и этапы восстановления территориального комплекса Российской империи в советский период; анализируются формы и характер взаимосвязей и зависимости между центром и разными по статусу территориями в составе Советского Союза, выявляются элементы центрально-периферийной конструкции в его политико-территориальной структуре.

Ключевые слова: автономия, национальная государственность, периферия, Советский Союз, территориальная система.

Изергина Нина Ивановна — доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: ninaini@yandex.ru.

УКРЕПЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО И ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ НАЦИИ В СВЕТЕ ОРГАНИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ

В статье рассматриваются духовные аспекты формирования российской нации в условиях вызовов информационной революции, массового общества, потребительской культуры; предлагается осуществлять поиск ответов на возникающие в связи с этим вопросы на основе органической концепции истории России; особое внимание уделяется попыткам Запада уничтожить самобытную культуру России и установить контроль над ее природными ресурсами.

Ключевые слова: российская нация, органическая концепция истории России, русская идея, православие, национальная духовная культура, национальные традиции, патриотизм, отношение Запада к России.

Лаптева Ирина Валерьевна — доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом теории и истории культуры НИИГН, руководитель МРОО «Общество немецкого языка и культуры», г. Саранск, Россия, e-mail: laptevaiv@yandex.ru

Пахмутова Елена Даниловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии МГУ им. Н. П. Огарёва, мультипликатор Немецкого культурного центра им. Гете (г. Москва), г. Саранск, Россия, e-mail: pahmutova@mail.ru

МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В статье рассматривается феномен многоязычия как перспектива успешного межкультурного взаимодействия в глобальном мире; выделяются преимущества полилингвизма в контексте глобализации; подчеркиваются значимость сохранения этнокультурных традиций и общечеловеческих ценностей, необходимость разрешения межкультурных конфликтов в процессе диалога культур.

Ключевые слова: многоязычие, языковая культура, современное общество, поликультурное пространство, взаимодействие культур, глобализация, второй иностранный язык, Общество немецкого языка и культуры.

Курсева Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОДА МОРДОВСКОГО (МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО) НАРОДА

Bahlov Igor Vladimirovich — doctor of political sciences, associate Professor, head of the Department of world history, political science and regional studies, professor of Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia, e-mail: bahlov@mail.ru

Bahlova Olga Vladimirovna — doctor of political sciences, associate Professor, professor of the department of world history, political science and regional studies of Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia, e-mail: olga.bahlova@gmail.com

FORMATION OF THE TERRITORIAL SYSTEM OF THE USSR: INVERSION OF IMPERIAL EXPERIENCE

The article examines the refraction of the imperial experience in the territorial system of the USSR; the main methods and stages of the territorial complex of the Russian Empire restoration in the Soviet period are characterized; forms and character of interrelations and interdependence between the center and territories of different status being part of the Soviet Union are analyzed, elements of the central and peripheral design in its political and territorial structure are revealed.

Key words: autonomy of national state, periphery of the Soviet Union, territorial system.

Izergina Nina Ivanovna — doctor of political sciences, Professor of the Department of world history, political Sciences and regional studies of Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia, e-mail: ninaini@yandex.ru

CIVIL AND SPIRITUAL UNITY OF THE RUSSIAN NATION STRENGTHENING IN THE LIGHT OF RUSSIAN HISTORY ORGANIC CONCEPTION

The article deals with the spiritual aspects of Russian nation formation in the context of challenges of the information revolution, mass society, consumer culture. It is proposed to search for answers to the challenges arising in this regard on the basis of the organic concept of the history of Russia. According to this concept, society is treated as a spiritual organism, which affirms the highest value of human being, human rights, freedom, equality and brotherhood, and the main historical task of Russia — as the implementation of a new synthesis between Orthodoxy and secular civilization and culture. Particular attention is paid to the West attempts to destroy the original culture of Russia and establish control over its natural resources.

Key words: Russian nation, organic concept of Russian history, Russian idea, Orthodoxy, national spiritual culture, national traditions, patriotism, attitude of the West to Russia.

Lapteva Irina Valerjevna — Doctor of Philosophy, Professor of German philology Chair of Mordovia State University, Leader of German language Teacher's Association in Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: laptevaiv@yandex.ru

Pahmutova Elena Danilovna — Multiplier of Goethe Institute (Moscow), candidate of pedagogy, Assistant Professor of German Philology Chair of Mordovia Ogarev State University, Saransk, Russia, e-mail: pahmutova@mail.ru

MULTILINGUALISM AS A GUARANTEE OF SUCCESSFUL CULTURES INTERACTION IN THE GLOBAL WORLD

The article deals with the multilingualism as a prospect for successful intercultural relationship in the global world. The authors highlight the advantages of several languages knowledge in the context of globalization. They share their experience of teaching German as a second foreign language, I emphasize the importance of preserving ethnic and cultural traditions and human values, and the need to resolve intercultural conflicts in cultures dialogue process.

Key words: multilingualism, language culture, modern society, multicultural space, intercultural communication, globalization, second foreign language, German language teacher's Association.

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of historical sciences, professor, director of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

В статье анализируются проблемы сохранения и воспроизводства исторической памяти как основы сохранения культурного кода мордовского (мокшанского и эрзянского) народа. На примере этнической истории мордовского народа показаны направленность, характер и основные результаты интеграционных процессов в многонациональном Российском государстве.

Ключевые слова: историческая память, культурный код, мордовский (мокшанский и эрзянский) народ, многонациональное Российское государство, интеграционные процессы.

Бутылов Николай Васильевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия, e-mail: butylovnv@rambler.ru

Иванова Галина Софроновна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мордовских языков МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: galina17-07@mail.ru

Щанкина Любовь Николаевна — доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия, e-mail: schanckina@yandex.ru

К ВОПРОСУ СОМАТИЧЕСКОГО КОДА КУЛЬТУРЫ (На материале немецкого, мордовских и русского языков)

В статье на материале немецкого, мордовских и русского языков рассматривается соматический код культуры, специфичный для каждой национально-культурной общности.

Ключевые слова: культурный код, семиотическая концепция, символ, знак, соматический код, культурное пространство, фразеологическая единица, соматическая фразеология, понятийная категория.

Сысоев Дмитрий Алексеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин духовной образовательной организации высшего образования «Саранская духовная семинария Саранской и Мордовской Епархии Русской Православной Церкви», г. Саранск, Россия, e-mail: das-riuo@mail.ru

ИСТОРИЯ ПРИХОДА ТРЕХСВЯТСКОЙ ЦЕРКВИ г. САРАНСКА

К генеалогии саранского духовенства

Статья посвящена малоизученному краеведческому аспекту истории прихода Трехсвятской церкви г. Саранска XVIII — первой половины XX в. На основе ранее неопубликованного фактического материала проводится генеалогический анализ приходского духовенства, в рамках которого дается развернутая характеристика священнослужителей с учетом их биографических данных, семейного положения и послужного списка.

Ключевые слова: Русская православная церковь, саранское духовенство, генеалогия священнослужителей, история прихода, краеведение.

Кочукова Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии ИИиМО СГУ, г. Саратов, Россия, e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, независимый исследователь, г. Саратов, Россия, e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877 — 1878 гг. В ЭСТАМПАХ «СБОРНИКА ВОЕННЫХ РАССКАЗОВ...»

В статье рассматриваются эстампы «Сборника военных рассказов...» как исторический источник периода Русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг. (выявляются сюжетные линии, формы и приемы визуализации героев войны); определяются роль и место «Сборника военных рассказов...» в ряде других иллюстрированных изданий рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг., визуальный источник, эстамп, «Сборник военных рассказов...», В. П. Мещерский.

Карпова Ирина Даниловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры медицинской этики и профессиональных коммуникаций Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Медицинской академии имени С. И. Георгиевского, г. Симферополь, Крым, e-mail: irinadanilovna@mail.ru

HISTORICAL MEMORY AS A BASIS OF CULTURAL CODE OF MORDOVIAN (MOKSHA AND ERZYA) PEOPLE PRESERVATION

The article analyzes the problems of preservation and reproduction of historical memory as the basis of the cultural code of the Mordovian (Moksha and Erzya) people preservation. Character, nature and main results of the integration processes in the multinational Russian state are shown on the example of the ethnic history of the Mordovian people.

Key words: historical memory, cultural code, Mordovian (Moksha and Erzya) people, multinational Russian state, integration processes

Butylov Nicolay Vasilievich — doctor of philological sciences, associate professor of Foreign languages department of the Russian University of Economics named after G.V. Plehanov, Moscow, Russia, e-mail: butylovnv@rambler.ru

Ivanova Galina Sofronovna — doctor of philological sciences, associate professor, professor of Mordovian languages Department of Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia, galina17-07@mail.ru

Schankina Lyubov Nikolaevna — doctor of historical sciences, professor of the Department of civil law disciplines of the Russian University of Economics named G. V. Plekhanov, Moscow, Russia, e-mail: schanckina@yandex.ru

ON THE PROBLEM OF SOMATIC CULTURAL CODE

(Based on the material of German, Mordovian and Russian languages)

The article deals with the somatic code of culture specific for each national-cultural community on the material of German, Mordovian and Russian languages.

Key words: cultural code, semiotic conception, symbol, sign, somatic code, cultural space, phraseological unit, somatic phraseology, conceptual category

Sysuev Dmitry Alekseevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Researcher of the Department of History and Philosophy of Theological Educational Organization of Higher Education "Saransk Theological Seminary of tSaransk and Mordovia Diocese of the Russian Orthodox Church", Saransk, Russia, e-mail: das-riuo@mail.ru

THE HISTORY OF THE PARISH OF THE THREE SAINTS CHURCH OF SARANSK

With specific reference to the genealogy of the Saransk clergy

This article is devoted to scantily studied aspect of church history — specifically, the history of the parish of the Three Saints Church in Saransk, XVIII — first half of the XX centuries. The article contains previously unpublished factual material and a genealogical analysis of the parish clergy, (which provides in-depth description of the clergy who served in the parish) taking into account their biographical data, marital status and record of service.

Key words: history of the Russian church, Saransk clergy, genealogy of clergymen, history of the parish, local history.

Kochukova Olga Victorovna — candidate of historical sciences, associate professor of the department of Russian history and archeology of the Institute of International Relations in Saratov State University, Saratov, Russia, e-mail: kochukovasgu@mail.ru

Kochukov Sergej Anatolievich — doctor of historical sciences, associate professor, independent researcher, Saratov, Russia, e-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

VISUAL IMAGES OF 1877 — 1878 RUSSIAN-TURKISH WAR HEROES IN "THE COLLECTION OF WAR STORIES" PRINTS

The article discusses prints of the illustrated appendix of the "Collection of War Stories" as a historical source of the period of the Russian-Turkish war of 1877 — 1878. The authors reveal the storylines, forms and methods of visualization of war heroes in prints. The article defines the role and place of the "Collection of War Stories" in a number of other illustrated editions of the period of the Russian-Turkish war of 1877 — 1878 and the specificity of the visualization of the characters presented in it is revealed.

Key words: Russian-Turkish war of 1877 — 1878, visual sources, prints, "Collection of War stories", V. P. Meshchersky.

Karpova Irina Daniilovna — candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Medical Ethics and Professional Interaction of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Medical academy named after S. I. Georgievsky, Simferopol, Crimea, e-mail: irinadanilovna@mail.ru

Сухарева Ирина Александровна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Медицинской академии имени С. И. Георгиевского, г. Симферополь, Крым, e-mail: sukhareva_irina@mail.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В СТАНОВЛЕНИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье анализируется благотворительная деятельность членов императорской семьи Романовых в сфере здравоохранения; рассматриваются основные направления благотворительных мероприятий, называются ведомства, комитеты и общества, осуществлявшие попечительство медицинских заведений и действовавшие под руководством царской семьи. Особое внимание уделяется роли династии Романовых в развитии здравоохранения в Крыму.

Ключевые слова: династия Романовых, здравоохранение, благотворительность, попечительство, Крым.

Лаптун Владимир Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики МГПИ им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: vil60@rambler.ru

«МЕНЯЛИСЬ ДИРЕКТОРА — МЕНЯЛОСЬ ОТНОШЕНИЕ...»

К вопросу взаимоотношений М. М. Бахтина с руководителями мордовских вузов

Часть 2: 1945 — 1950 гг.

В статье раскрывается послевоенная научно-педагогическая деятельность М. М. Бахтина в Мордовском пединституте; особое внимание уделяется вопросу взаимоотношений ученого с руководителями вуза — М. Ю. Юлдашевым и Я. Д. Бетяевым.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, Мордовский пединститут, провинциальный вуз, кафедра всеобщей литературы, М. Ю. Юлдашев, защита диссертации о Ф. Рабле, космополитизм, Я. Д. Бетяев.

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: amkatorova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОРДОВСКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА РОССИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы изучения родного языка и литературы, развития художественной литературы и театрального искусства как главных показателей сохранения этнокультурной идентичности мордовского народа; отмечается снижение количества учащихся, изучающих мокшанский и эрзянский языки в качестве учебных предметов; подчеркивается нерешенность вопроса включения учебников по мордовским языкам и литературе в Федеральный перечень; констатируется слабая издательская деятельность в области художественной литературы за счет государственных средств.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, единый культурный код, языки народов России, мордовские (мокшанский и эрзянский) языки, родной язык и литература, национальная школа, базисный учебный план.

Юстус Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории им. А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия, e-mail: tosj9@rambler.ru

МОРДОВСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сохранение национальной идентичности мордвы, воспитание гражданского патриотизма

В статье описаны основные направления деятельности Мордовского культурного центра Чувашии (с 1992 г. по настоящее время), связанные с сохранением этнокультурных особенностей мордовского народа, развитием межэтнического сотрудничества, укреплением общегражданского единства; отмечается взаимодействие центра с органами государственного и муниципального управления, его участие в целевых программах и др.

Ключевые слова: мордва Чувашии, сохранение этнической идентичности, духовное наследие, сохранение и развитие языка.

Sukhareva Irina Alexandrovna — candidate of medical sciences, associate professor of the Department of Public Health of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Medical academy named after S. I. Georgievsky, Simferopol, Crimea, e-mail: sukhareva_irina@mail.ru

ROMANOV DYNASTY CHARITITY FOR FORMAL HEALTH CARE IN TAVRICHESKY PROVINCE OF RUSSIAN EMPIRE

The article analyzes the charitable activities of the members of the imperial Romanov family in the field of health care. The main charity events are considered, major agencies, committees and societies are named having guarded the medical institutions operated under the direct supervision of the royal family. Particular attention is paid to the development of health care in the Crimea and the leading role of the Romanovs dynasty in this process.

Key words: Romanovs dynasty, health care, charity, guardianship, Crimea.

Laptun Vladimir Ivanovich — Candidate of historical sciences, associate professor of Pedagogy department of M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: vil60@rambler.ru

«THE DIRECTORS CHANGED AND THE ATTITUDE CHANGED, TOO...»

To the problem of the relationship between M. M. Bakhtin and the heads of Mordovia Higher Education Institutions

Part 2: 1945 — 1950

The second part of the article deals with the analysis of M. M. Bakhtin scientific and pedagogical activities at the Mordovia Pedagogical Institute upon his return to Saransk in 1945. Special attention is paid to the relationship of the scientist with the heads of the Institute M. Yu. Yuldashev and Ya. D. Betyaev.

Key words: Mordovia Pedagogical Institute, Head of the Universal Literature Department, M. Yu. Yuldashev, the defense of the thesis on Rabelais, cosmopolitanism, thoughts about moving to another city, problems with defending the thesis, Ya. D. Betyaev.

Katorova Aleksandra Mikhajlovna — doctor of pedagogical sciences, Professor, leading researcher of the Department of literature and folklore of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: amkatorova@mail.ru

PROBLEMS OF ETHNOCULTURAL IDENTITY OF THE MORDOVIAN PEOPLE PRESERVATION IN THE CONTEXT OF FORMING A SINGLE CULTURAL CODE OF RUSSIA

The article deals with the actual problems of studying the native language and literature, the development of fiction and theatrical art as the main indicators of ethno-cultural identity of the Mordovian people preserving; decrease of the students number studying Moksha and Erzya languages as academic subjects is stated; the unresolved issue of including textbooks on Mordovian languages and literature in the Federal list is emphasized; poor publishing activity in the field of fiction at the expense of public funds is emphasized.

Key words: ethnocultural identity, single cultural code, languages of the peoples of Russia, Mordovian (Moksha and Erzya) languages, native language and literature, native school, basic educational plan

Yustus Tatjana Vladimirovna — candidate of historical sciences, associate professor of the Department of national history of Chuvashsky university named after I. N. Uljanov, Cheboksary, Russia, e-mail: tosj9@rambler.ru

MORDOVIAN CULTURAL CENTER OF THE CHUVASH REPUBLIC

Preservation of Mordovian people national identity, breeding up of civil patriotism

The article describes the main activities of the Mordovian cultural center of Chuvashia (from 1992 to the present), associated with the preservation of ethno-cultural characteristics of Mordovian people, the development of inter-ethnic cooperation, strengthening of civil unity; interaction of the center with state and municipal authorities, its participation in targeted programs, etc. is shown.

Key words: Mordovian people in Chuvashia, preservation of ethnic identity, spiritual heritage, language preservation and development

Mochalov Evgeniy Vladimirovich — Doctor of philosophy, Professor, Chief of the Department of philosophy of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Ogarev Mordovia State University», Saransk, Russia, e-mail: mochalov_ev@mail.ru

Мочалов Евгений Владимирович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: mochalov_ev@mail.ru

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ЭПОСЕ «МАСТОРАВА»

В статье исследуется роль библейских мотивов в мордовском национальном эпосе «Масторава»; подчеркивается значение фольклора народов Мордовии в гармонизации межнациональных отношений.

Ключевые слова: библейские мотивы, Библия, «Масторава», фольклор, миф, мифология, эпос.

Рябов Александр Владимирович — аспирант отдела теории и истории культуры НИИГН, заслуженный работник культуры Республики Мордовия, член Союза художников России, г. Саранск, Россия, e-mail: rybov-sascha-2017@yandex.ru

САКРАЛЬНО-МАГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДЕРЕВА В ЭТНОКУЛЬТУРЕ МОРДОВСКОГО НАРОДА

В статье исследуется значение деревьев в духовной и материальной культуре мордовского народа; рассматривается использование древесных пород в декоративно-прикладном искусстве.

Ключевые слова: Мировое дерево, мордва, священные деревья, резьба по дереву, мифология, деревянная скульптура.

Фролова Наталья Михайловна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики филологического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: nmfrol@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМИДЖА В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТЫ

На примере города Саранска в свете актуальных спортивных событий

В статье предпринимается попытка аналитического рассмотрения имиджевых технологий, направленных на формирование «положительного облика» г. Саранска — одного из организаторов чемпионата мира по футболу; на примере ряда новостных изданий описываются целевые установки применяемой имиджевой технологии.

Ключевые слова: имидж, имиджевые технологии, коммуникативная стратегия, социальная установка (аттитюд), спорт, региональные СМИ.

Ямашкин Анатолий Александрович — доктор географических наук, профессор, декан географического факультета МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: yamashkin56@mail.ru

Зарубин Олег Александрович — преподаватель кафедры земледоустройства и ландшафтного планирования МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: oleg-zarubin@list.ru

Ямашкин Станислав Анатольевич — кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизированных систем обработки информации и управления МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: yamashkinsa@mail.ru

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЕЛИТЕБНОГО ОСВОЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ МОРДОВИИ

В статье на основе историко-географического анализа пространственно-временной организации культурного ландшафта региона, эколого-ландшафтного анализа взаимодействия природных, социальных и производственных систем дается характеристика закономерностей селитебного освоения ландшафтов Мордовии.

Ключевые слова: селитебное и хозяйственное освоение, культурный ландшафт, расселение населения, Республика Мордовия.

Миничкина Валентина Павловна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга», г. Саранск, Россия, e-mail: minichkina@mail.ru

Миничкин Павел Дмитриевич — кандидат культурологии, научный сотрудник МБУК «Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941 — 1945 гг.», г. Саранск, Россия, e-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

ЭТНОФУТУРИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЭТНОСА КАК ОТРАЖЕНИЕ МИРОПОНИМАНИЯ

В статье анализируется содержательная сторона этнофутуризма с культурологической точки зрения; на примере произведений скульпторов П. В. Рябова и С. Д. Эрзы раскрываются стиливые особенности этнофутуризма как явления современного искусства.

BIBLICAL MOTIVES IN THE EPOS «MASTORAVA»

The article examines the role of biblical motives in the Mordovian national epos «Mastorava»; emphasizes the importance of folklore of the peoples of Mordovia in the harmonization of interethnic relations.

Key words: biblical motives, Bible, «Mastorava», folklore, myth, mythology, epos.

Rybov Aleksandr Vladimirovich — Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Culture, NIIGN, Honored Worker of Culture of the Republic of Mordovia, member of the Union of Artists of Russia, Saransk, Russia, e-mail: rybov-sascha-2017@yandex.ru

SACRED AND MAGICAL SIGNIFICANCE OF THE TREE IN THE ETHNO-CULTURE OF THE MORDOVIAN PEOPLE

The article explores the importance of trees in the spiritual and material culture of the Mordovian people; the use of wood species in the arts and crafts is considered.

Key words: world tree, Mordovian people, sacred trees, wood carving, mythology, wooden sculpture.

Frolova Natalia Michajlovna — candidate of social sciences, associate Professor, associate Professor of journalism Department of philological faculty of Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia, e-mail: nmfrol@mail.ru

IMPLEMENTATION TECHNOLOGIES OF IMAGE REALIZATION IN NEWSPAPER LANGUAGE

As actualized in the actual sport events in Saransk

The article attempts to analyze image technologies in the regional media aimed at transforming the image of the city hosting one of the stages of major sporting event — the world football Cup. The article describes in detail the target settings of the applied image technology.

Key words: image, image technologies, communication strategy, sport, regional media.

Yamashkin Anatoly Aleksandrovich — Doctor of Geography, Professor, Dean of Faculty of Geography, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: yamashkin56@mail.ru

Zarubin Oleg Aleksandrovich — Lecturer of Department of Land Management and Landscape Planning, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: oleg-zarubin@list.ru

Yamashkin Stanislav Anatolyevich — Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer of Department of Automated Systems of Information Processing and Control, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: yamashkinsa@mail.ru

HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL ANALYSIS RESIDENTIAL DEVELOPMENT OF LANDSCAPES OF MORDOVIA

The article presents historical and geographical analysis of the spatial and temporal organization of cultural landscape of the region; ecological and landscape analysis of the interaction of natural, social and industrial systems are analyzed in order to describe the patterns of residential development of the landscape of Mordovia.

Key words: residential and economic development, cultural landscape, settlement of the population, Republic of Mordovia.

Minichkina Valentina Pavlovna — Candidate of Economy, Associate Professor Deputy Director for research work «Scientific Center of Socio-economic Monitoring», Saransk, Russia, e-mail: minichkina@mail.ru

Minichkin Pavel Dmitrievich — Candidate of Cultural Studies, Associate Researcher «Military and Labor Feat Memorial Museum of 1941 — 1945», Saransk, Russia, e-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

ETHNO-FUTURISM IN THE VISUAL ARTS OF ETHNIC GROUP AS A REFLECTION OF THE WORLDVIEW

The article analyzes ethnofuturism with culturological point of view; based on the example of P. V. Rybov and S. D. Erzya sculpture works this study reveals the stylistic features of ethno-futurism as a phenomenon of modern art.

Key words: art, tradition, symbol, image, sense, ethnos, ethnofuturism, myth, mythology, artistic method.

Ключевые слова: изобразительное искусство, традиция, символ, образ, смысл, этнос, этнофутуризм, мир, мифология, художественный метод.

Антонова Вера Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: belkich@rambler.ru

Ржанова Светлана Александровна — доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой журналистики МГУ им. Н. П. Огарёва, г. Саранск, Россия, e-mail: rzanova@mail.ru

ЭРЗЯ ОБ ЭРЪЗЕ.

О великом сыне мордовского народа

В статье прослеживается динамика становления и совершенствования художественного таланта С. Д. Неведова (Эрзи); акцентируется внимание на приоритетных факторах при формировании нравственных и профессиональных ориентиров мордовского скульптора; подчеркивается самобытность творчества С. Д. Неведова как величайший продукт национальных традиций культуры мордовского народа.

Ключевые слова: С. Д. Эрзя, творчество, мордовский скульптор, талант, культура мордовского народа, национальные традиции.

Кабытов Петр Серафимович — заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета, г. Самара, Россия, e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ЮРЧЕНКОВА

В статье реконструируется научная деятельность выдающегося историка, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного деятеля науки Республики Мордовия, директора НИИГН Юрчénкова Валерия Анатольевича. Показан его вклад в разработку научных исследований по истории и культуре мордовского народа, истории Республики Мордовия.

Ключевые слова: история Мордовии, мордовский эпос, Великая российская революция, Гражданская война, крестьянство, казачество.

Бикейкин Евгений Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Чужайкина Татьяна Александровна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник отдела периодических изданий НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: chuzhaikina2012@yandex.ru

Зоркова Нина Николаевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: soledad_83@mail.ru

Ивлиев Сергей Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: ser.ivliev@yandex.ru

ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ЮРЧЕНКОВ — УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Статья посвящена памяти ученого и организатора науки, профессора В. А. Юрчénкова. Особое внимание уделяется характеристике научно-исследовательских проектов НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, реализованных под руководством В. А. Юрчénкова.

Ключевые слова: В. А. Юрчénков, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, историческая наука, научно-исследовательские проекты.

Келина Антонина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом языкознания НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: TonyaKelina@yandex.ru

СТРАНИЦЫ МОРДОВСКОЙ ИСТОРИИ А. А. ШАХМАТОВА К 155-летию выдающегося академика

В статье на примере «Мордовского этнографического сборника» и национального эпоса «Мордовская история...» рассматривается вклад выдающегося русского исследователя А. А. Шахматова в историю культуры мордовского народа.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, Саратовская губерния, Р. Ф. Учаев, села Сухой Карбук и Оркино, фольклорный (лингвистический) материал, «Мордовский этнографический сборник», «Мордовская история...».

Antonova Vera Ivanovna — doctor of philological sciences, associate professor, professor of Journalist Department of Mordovia State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia, e-mail: belkich@rambler.ru

Rzhanova Svetlana Aleksandrovna — doctor of cultural sciences, professor, Head of Journalist Department of Mordovian State University named after N.P. Ogarev, Saransk, Russia, e-mail: rzanova@mail.ru

ERZYA ABOUT ERZIA.

About the greatest son of Mordovian people

The article explores the dynamics of formation and growth of great Mordovian sculptor S. D. Nefedov (Erzia) talent, the attention is focused on the formation of moral, professional guidelines of the genius master based on education in his native Mordovian region, family, environment, as well as his first art teachers.

Key words: Erzia, creativity, sculptor, Motherland, talent, development, self-improvement.

Kabytov Petr Serafimovich — honored worker of science of the Russian Federation, doctor of historical Sciences, Professor, head of the Department of Russian history of Samara national research University, Samara, Russia, e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

Memory of Valery Anatoljevich Yurchenkov

The article presents a reconstruction of the scientific activity of the outstanding historian, honored worker of science of the Russian Federation, honored worker of science of Mordovian Republic, Director of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia Valery Anatoljevich Yurchenkov. His contribution to the development of scientific research in history and culture of the Mordovian people, history of the Republic of Mordovia is shown.

Key words: history of Mordovia, Mordovian epic, Great Russian revolution, Civil war, peasantry, Cossacks.

Bikejkin Evgeny Nicolaevich — doctor of historical sciences, associate professor, deputy Director, Scientific secretary of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Chuzhaikina Tatjana Aleksandrovna — candidate of cultural sciences, senior researcher of the Department of periodicals of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia e-mail: chuzhaikina2012@yandex.ru

Zorkova Nina Nicolaevna — candidate of historical sciences, senior researcher of the Historical Department of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: soledad_83@mail.ru

Ivliev Sergey Aleksandrovich — candidate of historical sciences, senior researcher of the Historical Department of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: ser.ivliev@yandex.ru

VALERY ANATOLIEVICH YURCHENKOV AS A SCIENTIST AND SCIENTIFIC ORGANIZER

The article is dedicated to the memory of a famous scientist, professor. V. A. Yurchenkov. Special attention is paid to the characteristics of research projects of the Institute of Humanities under the Government of Mordovian Republic, supervised by V.A. Yurchenkov

Key words: V. A. Yurchenkov, National Research Institute of Humanities under the government of Mordovian, historical science, scientific-researching projects.

Kelina Antonina Nikolaevna — candidate of philological sciences, associate professor, chief researcher, the head of linguistics department of National Research Institute of Humanities of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, e-mail: TonyaKelina@yandex.ru

MORDOVIAN HISTORY PAGES WRITTEN BY A. A. SHAKHMATOV

To the 155th anniversary of the outstanding academician

The article considers the contribution of the outstanding Russian researcher A. A. Shakhmatov to the cultural history of the Mordovian people as it is presented in his work “Mordovian ethnographic collection”.

Key words: A. A. Shakhmatov, Saratov region, P. F. Uchaev, villages Sukhoy Carbook, and Orkino, folklore (linguistic) data, “Mordovian ethnographic collection”, “Mordovian history...”.

Индекс П5580
Цена свободная

*Наш адрес:
430005 Республика Мордовия,
Саранск, ул. Л. Толстого, 3*

*Наша электронная почта:
guniign@list.ru*

